

В 43

М. Ф. ВИДЯСОВА

РАБОЧИЙ
КЛАСС
В СОЦИАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЕ
ТУНИСА

435 545

435 6-15

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ ПРИ МГУ

М. Ф. ВИДЯСОВА

**РАБОЧИЙ
КЛАСС
В СОЦИАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЕ
ТУНИСА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

ВВЕДЕНИЕ

Ответственный редактор
Л. А. ФРИДМАН

На протяжении последних лет советская наука уделяла большое внимание изучению экономики и социальной структуры развивающихся стран. При этом важнейшее значение имеет анализ условий формирования пролетариата, и прежде всего промышленного пролетариата. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий отмечало, что «в ряде молодых государств повысилась общественная роль и политическая активность рабочего класса» [6, 312]*. Ликвидация колониального господства, усилия развивающихся стран, направленные на создание собственной индустриальной базы, вызвали в этих государствах быстрый рост численности и удельного веса промышленных рабочих. От того, как сложится рабочий класс этих стран, во многом зависит и перспективы их дальнейшего социального развития, и национально-освободительной борьбы в целом.

Процесс формирования рабочего класса афро-азиатских стран, недавно получивших независимость, протекает в новых исторических условиях, когда и в национальном масштабе и на мировой арене сложилось такое соотношение экономических и общественных сил, подобного которому не было в период образования европейского пролетариата. Хотя пролетариат стран Востока находится на начальных этапах своего становления, имеются факторы, способные ускорить развитие у него классового самосознания. — влияние мировой социалистической системы, возможность перенять опыт европейского рабочего движения, заимствовать формы его организаций. В то же время этот процесс усложняется незавершенностью внутреннего социального развития в освободившихся странах, особенно там, где политическая власть находится в руках представителей тех или иных промежуточных слоев и взаимоотношение

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

В 11104-134
-013(02)-75 39-75

* Здесь и далее первая цифра — порядковый номер в списке использованной литературы, вторая — страница.

классовых сил не имеет сколько-нибудь устоявшегося характера. Велико также влияние на психологию рабочих (в частности, в арабских странах) религиозных традиций, сложившихся в мусульманском обществе мира. //наряду с определением общих типических черт социальной структуры стран «третьего мира» важное значение приобретает анализ узкогеографических и национальных особенностей, конкретной ситуации, создавшейся в каждом из молодых независимых государств.

В предлагаемой читателю работе, посвященной Тунису — одной из арабских стран, имеющей немало своеобразных черт как в своем историческом прошлом, так и в нынешнем социально-политическом развитии, — формирование промышленного пролетариата рассматривается в контексте общей экономической и социальной эволюции, происходящей с момента вступления этой страны на путь независимого существования.

Тунис — сравнительно небольшое государство Северной Африки (площадь — 164 тыс. км², население — свыше 5 млн. человек). На протяжении 75 лет он был под протекторатом (а фактически колонией) Франции. В 1956 г. после длительной борьбы Тунис был провозглашен независимым государством. За годы, истекшие с этого времени, в стране произошли значительные экономические и социальные преобразования, имевшие своим следствием существенные изменения в структуре общества и положении различных слоев населения. Одним из важнейших среди них следует считать формирование промышленного пролетариата.

В Тунисе, как и в других освободившихся странах, преобразования в экономической области ускорили распад традиционных сословий и формирование новых классов и социальных групп. В процессах классообразования немаловажную роль играют и внешнеэкономические факторы — усиление вертикальной социальной мобильности, естественное для молодой политической системы, изменения, связанные с демографическими факторами, с невиданной прежде географической подвижностью людских масс. Немалое значение имеет и другая сторона социальной трансформации: отмирание присущей мусульманскому обществу системы моральных ценностей, семейных и групповых традиций и усиление (в результате распространения образования и средств

массовой информации) тяги к «европейским», современным стандартам жизни. Это влечет за собой изменение структуры материального и духовного потребления, суммы запросов и социальной ориентации индивида.

Для понимания ряда особенностей туниского рабочего класса необходимо обратить внимание на социальную среду, характер тех городов, в которых складываются основные отряды промышленного пролетариата.

Имеют значение не только тип экономической деятельности и классовый состав жителей современного города, но и исторические особенности его генезиса. Весьма важно, возникал ли город как новая экономическая единица (таковы некоторые промышленные и портовые города Северной Африки), или же он развивался на базе средневекового города, мусульманской медини, с присущими ему общественными структурами и традициями.

В не меньшей степени исторически сложившиеся местные особенности сказываются на характере сельского населения. На примере Туниса можно видеть, что социально-психологический облик крестьянина формировался не только в зависимости от его положения в системе производства и его имущественного положения (что, разумеется, играет определяющую роль), но и под влиянием социально-культурных традиций, скоторыми связаны особые формы жизни земледельческого населения. Им соответствуют многообразные типы аграрных поселений, преобладающие в разных районах страны: от «дуара» — скопления (порто временного) десятка жилищ до «бальды» — поселения, насчитывающего несколько тысяч обитателей и имеющего целый ряд признаков города.

Тунисская действительность дает возможность убедиться в том, что в развитии социальных структур наряду с экономическими и политическими факторами весьма ощутима роль культурно-исторических традиций. Их значение не исчерпывается особенностями местного характера. При рассмотрении процесса формирования классовой структуры Туниса можно обнаружить, что группы населения, однородные по месту в системе производства, но различающиеся по принадлежности к тому или иному типу социально-культурной среды, отличаются по степени своей социальной и политической активности. В этом отношении показательна роль Сахе-

ля, старой земледельческой области на восточном побережье страны. Сахель, ставший очагом зарождения тунисско-национализма, дал основные кадры руководившей освободительным движением новодустировской партии. Из него происходит и значительная часть столики служащих, интеллигенции. Можно заметить и такую особенность: южане — население, этнически и культурно формировалась под влиянием традиций кочевой арабской цивилизации, — проявляют склонность к политическому экстремизму и в значительной своей части являются носителями консервативных националистических настроений.

Как будет показано дальше, в различных отрядах городского пролетариата Туниса наблюдается весьма заметное преобладание выходцев из тех или иных областей страны. Например, среди фабрично-заводских рабочих больше уроженцев северных аграрных районов, где получило развитие капиталистическое хозяйство; среди портовых рабочих преобладают выходцы с Юга. Это обстоятельство имеет важное значение с точки зрения способности людей адаптироваться к новым формам труда, к новому общественному положению, их подготовленности к интеграции в иную систему социальных отношений.

В свете вышесказанного нам представляется необходимым остановиться кратче на характеристике природных условий страны, населения и главных черт его традиционной социально-экономической организации.

Тунис — страна с населением в большинстве своем арабо-мусульманским, сложившимся из пришельцев с Востока и полностью слившихся с ними автохтонов-берберов, а также «румы», потомков римлян и византийцев. В городах и на о. Джерба с древнейших времен существовали еврейские колонии, частью состоявшие из примывших к берберам.

В исламский период восточное побережье, за исключением северной его части, не получило крупных этнических пополнений. В Сахеле не было ни ардаузцев, ни турок; оседавшие в его деревнях стечные соседи приходили постепенно, ассимилируясь с местным населением. Во внутренние же районы постоянно шел приток кочевников из Ливийской пустыни и Мароккан-

ской Сахары. Самым мощным он был в XI в., когда произошло знаменитое нашествие арабских племен баху-хиляль, которое докатилось и до гор Северного Туниса. В отличие от других областей страны северо-восточное побережье принимало своих новых жителей с моря. Во времена реконкисты сюда бежали испанские мавры. В столице в позднее средневековье обосновалось немало турок, мальтийцев, евреев из Тосканы.

Этническая неоднородность жителей страны сама по себе не имела, однако, столь существенного значения, как разнообразие географической среды, наблюдавшееся на сравнительно небольшой территории Туниса. Как известно, природная среда играет до известной степени самостоятельную роль как фактор исторического и социально-экономического развития. В Тунисе отчетливо прослеживается влияние природно-географических условий, определивших специфические черты хозяйственной и социальной жизни в отдельных районах страны. Эти местные различия видоизменились под воздействием колонизации, но не исчезли, а даже усилились и заметно отражаются в социальной структуре современного Туниса.

По физико-географическим признакам страна распадается на четыре основные области: 1) Телль, или Северный Тунис, 2) восточное побережье, 3) «Степи» (центральный район) и 4) пустыню, которая занимает южную часть страны, составляющую большую половину всей территории.

Под «Северным Тунисом» подразумевают местность, отделенную Становым (или Туниским) хребтом. Это область наиболее увлажненная (400—1000 мм осадков в год), с плодородной аллювиальной почвой; здесь находится более трети всех обрабатываемых земельных угодий. По характеру рельефа в ней выделяются два района: 1) Северо-Запад, занятый горным массивом Телля (хребты Берегового и Сахарского Атласа), через который пролегает широкий коридор равнин, образованных течением рек Меджерда и Меллех, и 2) Северо-Восток, называемый «Нижним Теллем», представляющий собой открытые к морю низины, разделенные грядами невысоких холмов. Самая большая и богатая из этих равнин — дельта реки Меджерда. Нижний Телль и длинным языком вытянувшись в море полуостров Кап-Бон (Рас-э-Тиб) являются единственными — кроме

южных оазисов — районами, где распространено поливное земледелие.

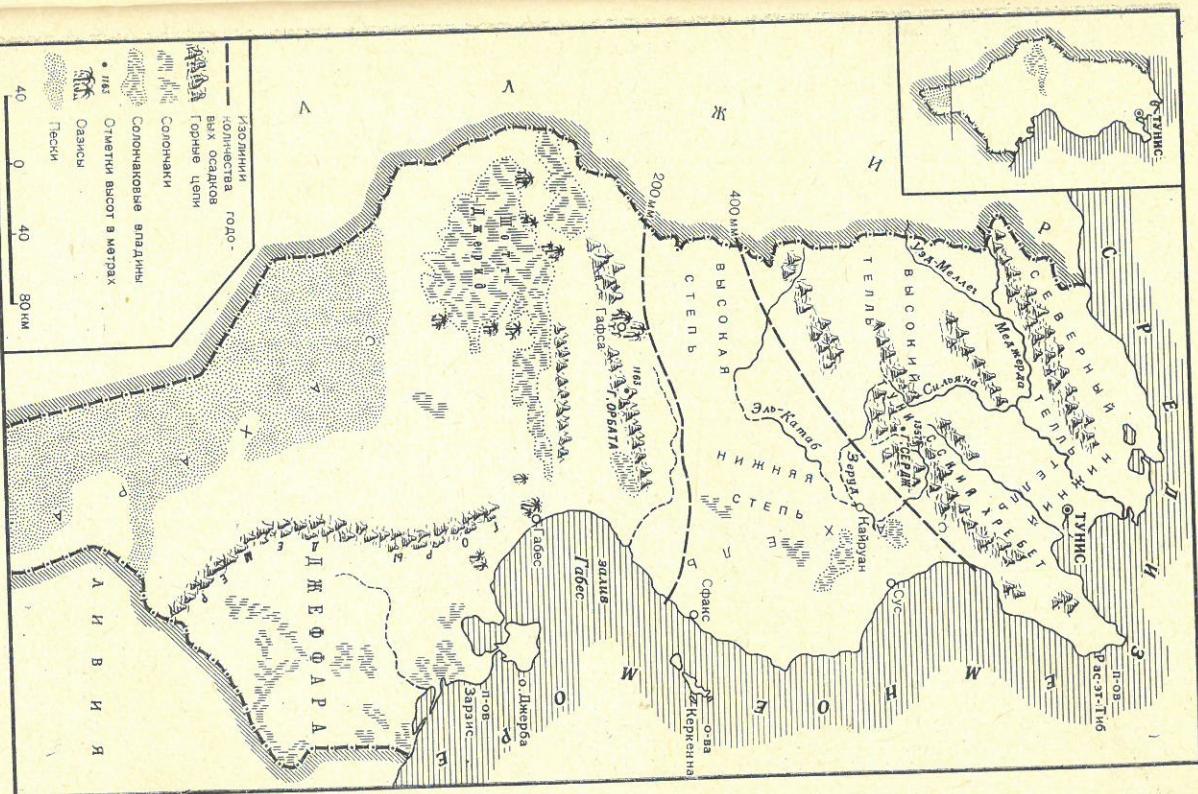
В просторных долинах и на плоскогорьях Телль обитали полуоседлые племена, которые возделывали зерновые культуры, засевая обычно не более трети пригодной площади. Остальные земли оставались под пастбищами, которые в летний период использовались также приходившими сюда кочевниками из южных степей. В ХХ в., став объектом европейской земельной колонизации, Западный Телль превратился в область зерновой монокультуры. На побережье, в окрестностях столицы и Бизерты, в дельте Меджерды развито садово-огородное хозяйство, созданное в свое время поселенными здесь андалузами. Полуостров Рас-эл-Тиб является основным районом возделывания цитрусовых.

За Становым хребтом, задерживающим влажные ветры, простираются Степи, поникающие с запада на восток. Густые заросли травы-альфа, характерные для Высокой Степи, исчезают в низинных областях, где редкие пучки полны и участки отоленных каменисто-песчаных почв перемежаются с мертвыми солончаками. Среднеголовые осадки здесь составляют 400—200 мм, уменьшаясь к югу, и выпадают крайне нерегулярно; часто случаются продолжительные засухи. Земледелие возможно лишь местами, в руслах вади. Только в окрестностях города Кайруан поля зерновых занимают значительное пространство.

На юге примерная граница Степей проходит через цепь возвышенностей Гафсы, за которой годовые осадки падают ниже 200 мм и где начинается собственно пустыня. Население здесь теснится в крошечных оазисах, разбросанных по краям солончаковой низины Шотт-эль-Джерид и в горных селах Матматы.

Восточное побережье, соседствующее со Степью и полупустыней, не отличается по характеру рельефа и количеству осадков от лежащих на той же широте внутренних областей. Здесь морские ветры смягчают климат, а легкие песчаные почвы благоприятны для выращивания олив. Зона распространения пантанатий оливкового дерева определяет примерную западную границу района.

В доколониальном Тунисе распространение крупного феодального землевладения (поместья царствующей фамилии, придворных и столичного патриата «балль-

Карта 1. Географические районы Туниса

ди) ограничивалось районом Нижнего Телля и долиной реки Меджерда. Здесь они занимали едва ли не все земли; крестьянство находилось на положении бесправных издольщиков-хаммасов. Что касается западных районов Телля, то после завершившегося в XVII—XVIII вв. раздела племенной собственности здесь выделилось незначительное число крупных владений. Лишь в конце 60-х годов XIX в. в Высоком Телле появляются имения столовой знати; бейским приближенным раздавались земли, конфискованные у местных жителей после восстания 1864 г. Тогда же здесь распространялся хаммасат. Однако масса издольщиков формировалась не столько из местных феллахов, сколько из пришлых людей — бедуинов, покинувших пораженную эпидемией Хаммасы в Высоком Телле были в основном выходцами из живущих в южных степях племенных союзов мажер, фрашиш и хаммаса.

Восточное побережье Туниса — особенно средняя его часть, которую называют Сахелем, — является районом древней земледельческой, «соседской» цивилизации. Римляне принесли культуру возделывания оливы на восточное побережье, которое в пуническую эпоху было хлебопашеским районом. Оливководство развивалось при византийцах и было перенято затем арабами, смешавшимися с романизованным берберским населением сахельских городов. Благодаря приморским крепостям население Сахеля смогло укрыться от нахлынувших из Верхнего Египта племен бану-Хиляль, опустошивших в XI в. внутренние степные районы. А в последующий период оно сумело не только восстановить, но и расширить оливковые плантации за счет пастбищ, которые сахельцы покупали либо арендовали у соседних кочевых племен. В Сахеле полностью отсутствовали феодальные поместья и хаммасат, преобладало мелкое и среднее хозяйство, основанное на безусловной частной собственности «мулька». Другая особенность Сахеля состоит в том, что население его всегда сосредоточивалось в крупных поселениях и, будучи преимущественно земледельческим, имело близкие к городскому типу формы жизни.

В Центральном Тунисе население до недавнего времени вело полукочевое существование, помимо скотоводства занимаясь выращиванием зерновых, иногда плодовых деревьев на землях, которые были закреплены

за отдельными племенами. Бедуины степей вплоть до начала нынешнего века поддерживали весьма четкую племенную организацию. Но она была не только выражением производственных отношений и отношений собственности¹, но сохранялась и как организация военная, что объясняется той ролью, которую играли племена в системе политического устройства государства. Патриархально-родовой уклад не был локальным, изолированным явлением, каким-то анахронизмом внутри социальной структуры, он составлял органическую часть феодального общества. По мнению французского исследователя И. Лакоста, классический институт вассалитета (связанный с поземельными отношениями) в Северной Африке заменился вассалитетом племен, между которыми устанавливалась иерархия в соответствии с завоеванным оружием престижем [см. 145]. По отношению к центральной власти племена выступали как целостные единицы и выполняли нечто вроде роли коллектиного вассала верховного сюзерена (племена махзен). Существование же независимых, «вольных» племен, иногда державших в подчинении племена более мелкие, И. Лакост сравнивает с феодальным партикуляризмом [145, 170].

Правомерность столь прямой аналогии, может быть, спорна. Но средневековый Magrib был действительно своеобразен в том отношении, что при наличии обширных земледельческих областей и развитой городской жизни здесь существовала тесная связь между миром кочевников и феодальным государством. Торговля суданским золотом, которое доставляли караваны сахарских бедуинов, служила основой богатства арабского Запада в период его расцвета. Вооруженные берберские и арабские племена (а не войска наемников) составляли и главную военную силу. От поддержки мощных племенных союзов степных и сахарских областей зависела судьба магрибских правителей во времена и раннего и позднего средневековья². Опираясь на верные племена, они утверждали свою власть над земледельческим населением.

Ввиду ограниченности источников не представляется возможным проследить этапы эволюции племенной структуры во внутренних областях Туниса, но, видимо, распад ее стал достаточно интенсивным в XIX в. В тот период модернизация общества, происходившая под влия-

янием европейцев (усиление регулярной армии, запрет работорговли, в которой участвовали южные племена), изменила положение степных кочевников.

Процесс разложения племенных отношений протекал неравномерно, обычно захватывая лишь часть племени — прежде всего ту, что жила на окраине степей, где наряду со скотоводством стало развиваться земледелие.

Но и для собственно кочевых племен, утративших свою былую военную роль, скотоводство служило основным, хотя и не единственным источником существования. Более или менее регулярно летом они уходили на Север, где принимали участие в жатве; отправлялись с зерном в оазисы Сахары или к восточному побережью, где тоже работали на уборке, обменявши продукты животноводства, излишки пшеницы на оливки и финики, осуществляя таким образом функции внутреннего торгового посредника.

С присоединением Туниса к Османской империи связано возникновение верхушечной феодальной касты восточного образца, которая слагалась из вольноотпущенников, турецких офицеров, отступников-христиан. Этот высший социальный круг — сотня чиновников-придворных и военачальников — существовал за счет казны и на доходы от имений, пожалованных из фонда бейлик (земель короны). Уроженцы страны редко допускались к важным должностям в гражданском и военном управлении. В глазах местного населения, включая степных шейхов и состоятельных горожан, правящая знать была чужеродным сословием «мамлюков».

Хотя на протяжении 75-летнего периода колониальной зависимости сохранились элементы старой государственной надстройки (наряду с французской администрацией и местной, «мусульманской» администрацией, а бей дома Хусейнидов удерживали трон), феодальная aristokratiya утратила свое богатство и влияние, в значительной мере распалась. В результате присвоения европейцами больших земельных массивов на Севере была подорвана крупная поместья собственность и сузилась сфера производственных отношений чисто феодального типа. Претерпели изменения другие виды традиционного хозяйства и имущественных отношений, существовавшие в доколониальном Тунисе. Однако их

разрушение шло замедленными темпами, поскольку капиталистический способ производства складывался в рамках узкого, территориально ограниченного «европейского сектора» экономики.

Для экономики колониального Туниса были характерны общая отсталость, неравномерность отраслевого и регионального развития, наличие двух до известной степени обособленных хозяйственных систем — привнесенного извне капиталистического производства и «традиционного сектора». Главную роль играло земледелие, в котором занято было до 80% самодеятельного населения страны. Однако стоимость продукции, производимой тунисскими хозяйствами (в 1948 г. — 8 млрд. фр.), лишь немногим превышала стоимость продукции европейских колониальных ферм (6,7 млрд. фр.), расположавших 18% земельных угодий [107, 154].

Из отраслей промышленности в первой половине века более или менее значительное развитие получила только горнодобывающая. С 1889 г. французская компания начала эксплуатацию месторождения фосфоритов — главного богатства тунисских недр. Наряду с этим разрабатывались железорудные и свинцово-цинковые залежи.

Добыча полезных ископаемых была единственной отраслью промышленности, в которой имелись крупные предприятия (до 2—3 тыс. занятых). В 1957 г. в ней было сосредоточено почти 50% рабочих цементовой промышленности [66, табл. 1]. На сельскохозяйственную продукцию и минеральное сырье приходилась основная часть тунисского экспорта. Обрабатывающая промышленность обслуживала почти исключительно внутренний рынок. Стоимость вывезенных из страны фабричных изделий в 1938 г. составляла 2% стоимости экспорта, в 1948 г. — 8,9% [107, 160, 162].

Наиболее существенное развитие обрабатывающей промышленности получила в годы второй мировой войны. Если в 1938 г. в Тунисе насчитывалось 3 завода и десяток кустарных предприятий по производству консервов, то в 1947 г. действовали уже 70 предприятий. Впервые появились фабричные заведения по выделке тканей, производству обуви. Значительно расширилась промышленность строительных материалов, в которой

накануне войны насчитывалось около 30 заводов. Однажды по мере восстановления внешнеторговых связей в послевоенный период некоторые вновь созданные предприятия закрылись. Так, в текстильной промышленности уцелело лишь несколько мелких фабрик, принадлежавших французскому акционерному обществу.

Тяжелая промышленность в Тунисе практически отсутствовала. Металлургическое производство ограничивалось 3—4 свинцовоплавильными заводами и построенным в годы войны небольшим литейным заводом, рабочавшим на металлоломе. Металлообрабатывающая промышленность была представлена сотней полукустарных мастерских и мелких фабрик, редко использующих более 20 рабочих. Низкое содержание фосфатов в тунисской руде заставило французские компании построить обогатительные фабрики, которые к концу колониального периода перерабатывали примерно четверть добываемых фосфоритов.

Единственным крупным предприятием по производству электроэнергии была теплостанция в Ла-Гулете, пригороде столицы. В других районах существовали мелкие дизельные и гидроэлектростанции. В 1949—1954 гг. потребление электроэнергии на душу населения составляло 160 квт.ч. в год [89, 135].

Железнодорожная сеть, в 1881 г. измерявшаяся 224 км, к 1956 г. достигла 2100 км [40, 144]. Дороги в основном прокладывались для подвоза руды к морским портам; на долю продукции горнодобывающей промышленности приходилось примерно 75% всех грузоперевозок [108, 20]. Только на севере страны были проложены сравнительно хорошие шоссейные дороги, которые предназначались для транспортировки сельскохозяйственных продуктов с французских и итальянских ферм.

Размещение отраслей современного производства в отдельных очагах углубило существовавшие прежде порайонные социально-экономические различия. Созданные в период протектората индустриальные предприятия были сосредоточены в четырех портовых городах, но главным образом в столице. Зона развития капиталистического аграрного производства, основанного на применении сельскохозяйственной техники, ограничивалась Северным Тунисом, областью европейской земельной колонизации.

Что касается других областей страны, где в основном преобладало мелкокрестьянское земледелие и связанные с ним домашнее ремесло и полукустарная промышленность, то здесь наблюдалась stagnация традиционных форм ведения хозяйства. Изменение пропорций в общей структуре национальной экономики вызвало не столько капиталистическое расслоение массы мелких производителей, сколько ее общее обеднение в результате почти повсеместного упадка самого производства, образования относительного перенаселения.

Особенность экономики страны, во многом повлиявшая на процессы классообразования в тунисском обществе, состояла в том, что капиталистическое производство в период протектората развивалось почти исключительно на базе иностранного капитала. Как и в Алжире, эксплуатация со стороны французских монополий здесь дополнялась «колонизацией изнутри», которую осуществляла основавшаяся в самой стране индустриальная буржуазия. В начале 50-х годов европейцы составляли 20—30% населения крупных городов. Как свидетельствует статистика налогового обложения, годовыми доходами, превышавшими 1 млн. фр., располагали свыше 3 тыс. европейцев и лишь 540 тунисцев; доходы от 0,2 до 1 млн. фр. имели 27,5 тыс. европейцев и менее 8 тыс. тунисцев [33, 1953, 129].

Пользуясь поддержкой колониальной администрации, кредитных учреждений — филиалов французских банков, европейская буржуазия создала в экономике страны капиталистический сектор-анклав, который занял господствующее положение в товарном производстве, но втягивал в себя лишь незначительную часть тунисского самодеятельного населения. Вместе с тем его существование не только преградило путь развитию крупной национальной буржуазии, но и препятствовало зарождению на собственной основе низших форм капиталистического предпринимательства. Разложение локальных укладов в Тунисе имело характерную особенность: мелкий собственник, теряющий средства производства, превращался в наемного рабочего, тогда как для предбуржуазной прослойки были практически закрыты все каналы превращения в класс предпринимателей-капиталистов. Экономические условия, созданные режимом протектората, иногда даже способствовали обогащению этой предбуржуазной прослойки (напри-

мер, сфакского купечества), но не давали ей возмож-
ности распространить сферу своей деятельности на со-
временные виды производства, захваченные не только
крупными, но и мелкими предпринимателями-европей-
цами.

Избыточный капитал, образующийся у крупных зе-
мельных собственников-тунисцев, как правило, не вкла-
дывался в производство, а частично перемещался в тор-
говлю, в операции по сбыту сельскохозяйственной
продукции. В свою очередь, торгово-ростовщический ка-
питал обращался к земельным спекуляциям, заморажи-
вался в недвижимой собственности. Образование в север-
ных районах собственно тунисских крупнокапиталисти-
ческих хозяйств было исключением, лишь подтвержда-
ющим общую тенденцию, ибо они практически возникали
как часть европейского аграрного сектора.

Компрадорская буржуазия в Тунисе (как и в Алжи-
ре) не сложилась [см. 105, 11; 11, 141—156], так как ее
функции выполняло само европейское меньшинство.
Правда, посредником между европейской промышлен-
ностью и местным рынком служил также и еврейский
торговый капитал. Но однозначно определить роль тунис-
ской еврейской буржуазии невозможно; она занимала
промежуточное положение, в одних случаях частично
сливаясь с буржуазией европейской, в других — выступая
в качестве представителя национального капитала.

Во Французском Магрибе не было условий для акку-
муляции денежных средств в форме банковского капита-
ла в верхушечными слоями местного населения, как это
наблюдалось в ряде зависимых азиатских стран,
а в Египте послужило основой для создания националь-
ной промышленности [см. 7, 92; 112, 245]. Финансовые
учреждения Туниса находились полностью в руках фран-
цузов. В основном это были отделения банков метрополи-
тии, реже — местные кассы взаимного кредита, которые
оказывали финансовую поддержку предприятиям евро-
пейцев.

Лишьенная возможности получения банковских субси-
дий тунисская арабская буржуазия почти не была пред-
ставлена в промышленности. До второй мировой войны
в обрабатывающей промышленности существовал едва
лишь десяток предприятий, принадлежавших тунискам-
мусульманам. Число национальных предприятий увели-
чилось в последующий период. Но из 311 существова-

вших в 1953 г. крупных (имевших свыше 50 рабочих)
предприятий разных отраслей, включая коммерческие
и транспортные, только 33 принадлежали лицам тунис-
ской национальности [173, 1954, № 85, 60—63].

Развитие же ранних стадий промышленного пред-
принимательства на базе ремесленного производства
было сведено к нулю вследствие упадка и даже исчез-
новения городских, «профессиональных» ремесел. Вы-
живли лишь ремесло и полукустарная промышленность,
не вполне оторвавшиеся от земледелия. Сохраняясь
в провинции, ремесло, подобно традиционному сельскому
хозяйству, почти не выходило за рамки простого воспроиз-
водства. В силу господства ионациональной буржуазии
во всех областях «современного сектора» собственно ту-
нисское хозяйство вынуждено было вращаться по зам-
кнутому кругу. Традиционное аграрное производство и те-
атрали промышленности и торговли, которые были его
прямым продолжением, оставались почти единственной
сферой функционирования национального капитала.

Национально-освободительное движение в Тунисе
организовала и возглавила сложившаяся в начале 30-х
годов партия Новый Дустур. Костяк партии составила
получившая европейское образование разночинная интел-
лигенция (мелкие служащие, учителя, лица свободных
профессий). По своему происхождению и взглядам эта
политическая группировка, чуждая феодально-аристокра-
тической элиты, из которой вышли первые тунисские на-
ционалисты, более всего была связана с мелкобуржуаз-
ной средой сахельских городов. Партия Новый Дустур
придерживалась националистической идеологии, лишен-
ной религиозной окраски, далекой от лозунгов панисла-
мизма, панарабизма. С самого начала партия ставила
своей задачей модернизацию общества, в чем видела
единственное средство к утверждению попранного нацио-
нального достоинства. В первые годы после прихода
к власти новодустуровское правительство уделяло боль-
шое внимание ликвидации законодательства и учрежде-
ний, сохранившихся от феодального беиского государ-
ства. Была уничтожена сама монархия и конфискована
собственность той части старой знати, которая сохраняла
при французах свои привилегии и служила колониаль-
ным властям. В 1956—1957 гг. были упразднены пережи-
вавшие формы землевладения — институт вакфа и общин-
ная собственность племен. На основании декретов от

Г л а в а I

10 июня и 9 августа 1956 г. был отменен шариат, прекратили свое существование религиозные суды и создана единая светская судебная система. Влияние мусульманского духовенства было подорвано, кроме того, передачей в ведение государства коранических школ, впоследствии закрытых, и богословского университета «Зейтуна».

В Тунисе утвердилась парламентарно-республиканская форма правления с широкими полномочиями президента. В конце 50-х — начале 60-х годов в стране шла напряженная внутренняя борьба между ведущей группировкой в руководстве партии, стремившейся закрепить авторитарный характер власти, и сторонниками более широких форм буржуазной демократии. Заметную роль в событиях тех лет играли профсоюзы, которые отставали демократические институты, и коммунисты, пользовавшиеся влиянием среди студенческой молодежи и части рабочих. В этом конфликте внутриполитических сил верх одержало руководство Нового Дустура во главе с президентом Бургибой. Им удалось не только установить в стране однопартийную систему, но и обеспечить дальнюю централизацию власти путем сращивания государственного и партийного аппарата, подчинения либо интеграции в единую административную структуру всех профессиональных и общественных организаций.

Экономическая политика и ее воздействие на формирование социально-экономических отношений

В экономической политике новодустурнского руководства с момента прихода к власти до настоящего времени можно выделить три этапа:

- 1) 1956—1962 гг.—политика «экономического либерализма»;
- 2) 1962—1969 гг.—введение элементов планирования, расширение госсектора в экономике, создание кооперативов в сельском хозяйстве, ремесле и торговле;
- 3) с 1969 г.—полная реприватизация кооперативного сектора и частичная — государственного, при сохранении практики программирования по основным экономическим показателям и участия государства в инвестиционной деятельности.

Смена этих этапов может на первый взгляд казаться следствием коренных изменений в экономической политике правительства, тем более что она была связана с обострением социальных конфликтов в стране, с борьбой группировок в самой правящей верхушке, сопровождалась выдвижением новых идеологических лозунгов. Так, переходу к планированию сопутствовал провозглашение «дустуровского социализма». На самом же деле указанные этапы представляют собой лишь эволюцию определенного курса, не что иное, как поиск форм для реализации единой социально-экономической концепции.

Политика новодустурского руководства на всех этапах его деятельности определялась стремлением обеспечить условия для буржуазного развития общества, создания современного государства (*Etat moderne*), возможный образец для которого тунисские лидеры видели в малых странах Западной Европы. Как главное условие для этого они рассматривали высвобождение стихийных сил капиталистического развития — «того духа пред-

принимательства, что послужил основой пропаганданию Европы» [21, 4]. Отсюда идея о необходимости радикальной модернизации общественных устоев, преодоления косых традиций, «реформы умов».

На первых порах руководство партии Новый Дустур считало, что при протекционистских мерах со стороны национального правительства стихийное развитие частного предпринимательства само может обеспечить необходимые для преодоления отсталости темпы роста производства, а тунисская «традиционная» (торгово-земельная и торгово-ростовщическая) буржуазия легко трансформируется в «динамичный класс» предпринимателей-капиталистов.

Программа, принятая осенью 1956 г. VI съездом Всеобщего союза тунисских трудящихся, которая требовала введения плановых начальств в экономику, укрепления позиций государства, была отвергнута властями. Правительство объявило, что намерено придерживаться курса «экономического либерализма». По его мнению, государство должно было осуществлять только более руководство экономикой — посредством налоговой политики, контроля над валютно-финансовыми операциями — без непосредственного в нее вмешательства. Излагая эту точку зрения, президент Бургиба в речи, произнесенной 26 декабря 1957 г., заявил, что «правительство всегда готово способствовать частной инициативе, но оно не может ее заменить» [198, 27.XII.1957]. Чтобы стимулировать развитие местной промышленности и защитить ее от внешней конкуренции тунисское правительство приняло ряд постановлений. Так, декретом от 17 августа 1957 г. устанавливалось, что продукция местного производства будет пользоваться предпочтением при осуществлении государственных закупок. В том же году были введены высокие пошлины на некоторые предметы импорта. Декретом от 10 февраля 1958 г. была гарантирована на пятьнадцатилетний срок стабильность налогов, взимаемых с различных промышленных предприятий [144, 5].

Новодустровская партия постоянно подчеркивала, что уважение частной собственности является одним из ее основополагающих принципов. Выступая с речью 17 августа 1956 г., Бургиба говорил: «Нужно, чтобы частный капитал чувствовал себя в нашей стране в полной безопасности. Я требую одного: чтобы он участвовал

в производстве и не принимал формы сокровищ» [198, 18.VII.1956].

Вместе с тем новодустровское руководство отдавало себе отчет в том, что новодустровское буржуазия располагает ограниченными финансовыми возможностями. Поэтому правительство стремилось удержать в стране французский частный капитал, полагая, что, будучи поставленным под контроль тунисских властей, он сможет оказать значительное содействие экономическому развитию страны. Правительство не только не ставило вопроса о конфискации имущества иностранных предпринимателей, но, напротив, обещало гарантировать его сохранность. Кроме того, правительство надеялось, что это позволит ему наладить такие отношения с Францией, при которых Тунису будет обеспечена финансовая помощь бывшей метрополии.

В цитированвшейся выше речи президент Бургиба заявил: «Мы всегда были убеждены в том, что следствием политической независимости должно быть развитие народной экономики и социальный прогресс. Все это мы можем осуществить. Но для того чтобы нация могла жить, необходимо, чтобы правительство поощряло иностранные капиталовложения... Я торжественно заявляю, что у иностранных предпринимателей нет оснований для беспокойства. Наоборот, мы готовы содействовать их капиталовложениям, предоставив гарантии и освободив от налогов» [198, 18.VII.1956].

Правительство сочло необходимым взять в свои руки только транспортную сеть и главные энергетические предприятия. Несколько позже было принято решение установить контроль над горнодобывающей промышленностью в форме участия государства в капитале французских компаний. В 1960 г. правительство приобрело новые акции увеличившей вдвое свой капитал компании, имеющей концессию на разработку фосфоритов в оазисе Гафса. Оно получило контрольный пакет акций также и других предприятий отрасли.

Однако ожидавшегося притока национальных капиталов в промышленное производство не произошло. Единственной отраслью, куда охотно вкладывали капиталы местные предприниматели, было жилищное строительство (помимо традиционной для них сферы торговли). Серьезную угрозу тунисской экономике создало бегство французских капиталов. В 1957 г. оно достигло рекорд-

ных размеров: из 28 млрд. старых франков валового дохода частных предприятий 25 млрд. было вывезено за границу [116, т. I, 292].

Общее число действовавших в стране компаний, в 1953 г. достигавшее 250, в 1957 г. сократилось до 104 [108, 41]. В 1956 г. прекратилось поступление в казну французских государственных субсидий в связи с обострением отношений из-за алжирского вопроса. В период 1956—1959 гг. общий объем капиталовложений в Тунисе значительно снизился в сравнении с началом 50-х годов: с 35—40 млн. до 23—30 млн. дин., или с 15—20 до 10% — по доле в валовом внутреннем продукте [52, 29]. Чистые капиталовложения предприятияй, которые в 1953 г. составили 15 млрд. фр., в 1957 г. упали до 8 млрд. фр. [116, т. I, 289]. Эти инвестиции представляли собой по преимуществу увеличение капиталов уже существовавших компаний, а в создание новых было вложено только 452 млн. фр. против 1653 млн. в 1953 г. [143, 118].

Продукция обрабатывающей промышленности в 1959 г. не достигала уровня 1955 г. [166, 214]. В связи с неблагоприятной конъюнктурой на мировом рынке добывающих полезных ископаемых в Тунисе также сократилась. Объем валового внутреннего производства резко колебался, что во многом объясняется неурожаями 1957 и 1959 гг. [52, 26]:

Валовое внутреннее производство, мин. дин.
(в фактических неизменных ценах 1957 г.)

Год	Валовой производство в рыночной стоимости (цены 1957 г.)	Потребление	Валовое внутреннее накопление	Амортизационные отчисления	Чистое внутреннее накопление
1956	248,5	253,4	—4,7	13,4	—18,1
1957	238,5	230,6**	7,9	13,8	—5,9
1958	269,5	250,7	17,8	14,5	3,3
1959	258,2	237,4	20,8	15,2	5,6
1960	290,1	269,4	20,7	16,0	4,7
1961	279,5	278,5	1,0	16,8	—15,8

* [166, 215, 216].

** Резкое снижение потребления в 1957 г. было вызвано масштабным отъездом из страны французского населения. В целом потребление в эти годы было, однако, выше уровня 1955 г., когда оно составило 225 млн. дин.

Застой производства, свидетельствовавший о неэффективности простых поощрительных мер, заставил новодуступровское правительство перейти от политики «экономического либерализма» к прямому вмешательству в сферу экономики на основе централизованного планирования. К концу 1961 г. специальная комиссия составила программу «Десятилетие перспективы развития на 1962—1971 гг.». В ее рамках был разработан трехлетний план на 1962—1964 гг., четырехлетний план на 1965—1968 гг. и четырехлетний план на 1969—1972 гг. Официальные тунисские власти именуют 1962—1971 гг. «первым десятилетием развития». Новое десятилетие исчисляется с 1972 г., хотя очередной, IV план экономического развития охватывает уже 1973—1976 гг. На протяжении 1972 г. шла выработка дальнейшей линии экономической политики правительства.

Главная задача, которую выдвигали составители десятилетнего плана, заключается в «деколонизации экономики» и обеспечении высоких темпов ее роста: прирост

дин.—чистое) [166, 215—216]. В некоторые годы статистика фиксирует даже «минусовое» накопление, что означает потребление не только всего валового продукта, но и части средств, полученных из-за границы в виде займов, помощи и т. п.

Таблица 1

Эволюция внутреннего накопления*, млн. дин.

валового внутреннего продукта (ВВП) намечалось достичь до 6% в год. Для этого предполагалось увеличить норму капиталовложений до 25,6% валового национального продукта уже в 1962 г. с тем, чтобы она достигла к 1971 г. 32,2%. Удельный вес стоимостей, создающихся обрабатывающей промышленностью в ВВП, должен был возрасти с 12 до 30% [52, 44].

Для выполнения своей программы правительство имело в виду на первых порах опереться на внешние кредиты, но рассчитывало, что мобилизация внутренних ресурсов позволит постепенно сокращать объем иностранной помощи. В соответствии с планом норма внутреннего накопления, в 1961 г. составлявшая 8,3%, к 1971 г. должна была достигнуть 26% ВВП. Внешняя помощь к концу десятилетнего периода должна была субсидировать уже не более 20% капиталовложений. Правительство надеялось, что к 1973 г. удастся добиться «саморазвития», то есть полностью отказаться от иностранных займов и в последующие годы выплатить внешние долги и проценты по nim [52, 66].

Хотя политика планирования была связана со значительным расширением государственного сектора (особенно в промышленности) и с проведением ряда реформ, урезавших свободу частной инициативы, она не предполагала ограничения частной собственности. Путем некоторых принудительных мер (таких, как реорганизация структуры внешней и внутренней оптовой торговли) правительство стремилось переориентировать частный капитал, сосредоточенный в посреднической сфере, и одновременно добиться укрупнения промышленного капитала и концентрации производства. Это предполагалось осуществить посредством объединения частных предпринимателей в действующие под государственным контролем смешанные акционерные общества.

С 1963 г. постепенно проводилось объединение крупных оптовиков в отраслевые импортно-экспортные компании и районные (на уровне вилайетов) общества, занимающиеся сбытом товаров на внутреннем рынке. Государственный сектор в торговле был представлен «Тунисским коммерческим управлением», имеющим монополию на ввоз некоторых товаров: сахар, чай, кофе. Был создан ряд отраслевых государственных управлений, в задачи которых входило обеспечение экспорта важнейших продуктов тунисского сельского хозяйства.

Планом намечалась реализация социальной программы. Прирост ВВП на 6% в год в соответствии с планом должен был обеспечить увеличение доходов населения примерно в 1,5 раза к концу десятилетия. При повышении уровня жизни всех групп населения особенно значительно должен был увеличиться доход низших имущественных прослоек (66% всего населения). Предусматривалось, что к 1971 г. их доход возрастет в 2—3 раза [52, 74—76]. При этом речь не шла о перераспределении доходов путем их изъятия, повышения налогообложения и т. д. Ожидавшееся сокращение доходов наиболее обеспеченной группы (14% населения) не означало, что у каких-то лиц они должны уменьшиться. В 1959 г. больше половины лиц, получавших в год свыше 90 дин., составляли европейцы. Авторы плана исходили из того предположения, что около 50% европейцев к 1971 г. покинут страну, а их место в высшей имущественной прослойке займут тунисцы, не имеющие столь высоких личных доходов [см. 118, 69—70].

Новодустровское правительство надеялось, что ему удастся направить ход развития экономики таким образом, что «подтягивание» жизненного уровня малообеспеченных слоев (более чем на две трети состоявших из крестьянства) произойдет само собой и низший годовой доход на душу достигнет 50 дин. — что, по подсчетам экономистов, составляет прожиточный минимум в условиях Туниса. В 1959 г. его не имело 75% населения [52, 74—76].

Не подлежит сомнению, что выдвижение такого рода проектов преследовало определенные политические цели. Во всяком случае, то ощущение разочарования, которое возникло в широких массах после завоевания независимости, ожидание, что власти «должны же что-нибудь предпринять», было не последней из причин, заставивших правительство искать быстрых средств ликвидации нищеты и обратиться к отвергнутой в свое время идее планирования. В этом смысле весьма характерно выступление Бургибы 18 ноября 1961 г. Он сказал: «Необходимо, чтобы все поняли, что планирование — это единственный способ разрешить проблему слаборазвитости, которая постоянно наносит ущерб достоинству государства, народа и отдельных лиц, которая под давлением немногих масс, всегда многочисленных, может однажды создать опасность для существования государства... Эта

проблема приобрела неотложный характер... Если предо-^трастить людям свободу продолжать неорганизованную промышленность. Государство участвует в акционерном дея-^тельности в области производства, то придет момент, когда равновесие будет нарушено и нуждающиеся бро-^тятся в атаку против обеспеченных. Тогда придется прибегнуть к диктатуре и деспотии для того, чтобы сохранять государство и защитить имущество, оказавшееся в капитале под угрозой» [167, 19.XI.1961].

С переходом к политике планирования ведущее место в промышленности занял так называемый «обществен-^ий сектор», состоящий из государственных и смешан-^ных предприятий, который осуществлял 70—80%, а в от-^{дельные годы — до 90%} промышленных инвестиций. По данным Департамента статистики, только за период 1960 по 1963 г. количество предприятий общественного сектора во всех отраслях увеличилось с 45 до 84, а числа занятых на них — с 31 тыс. до 66,6 тыс. [141, 145]. По нашему приближенным подсчетам, они охватывали — компании по строительству сахароррафинационного в то время около четверти постоянно работающих населе-^{ния} вне сельскохозяйственного производства.

Материалы тунисской статистики не позволяют раздеть производство. Но, по сведениям газеты «Монд», в 1964 г. на долю последнего приходилось около 50% ныне банки и частные тунисские предприятия, как правило, крупной и средней промышленности, а сло, либо поставщики, либо потребители продукции стро-^{1969 г. он даёт примерно две трети ее продукции} [191]. Наряду с некоторыми отраслями, пол-^{11—12.IV.1971]} ся компаниями, образованными в 1962—1969 гг. в целяхность переделами под контроль государства (желез-^{создания в стране текстильной промышленности:} дорожный транспорт, производство и распределение — «Главное общество хлопокткацкой промышленности» (СОЖИЛ). Имело начальный капитал в 1965 г. Обществом были построены три шерстяные фабрики, завод по обработке пробковой коры) об-^K К 1965 г. Обществом было построено предприятие в г. Тунис, представлен смешанными компаниями. Государство на которых занято 2500 рабочих. Начало строительство

с иностранными фирмами и частными тунисскими пред-^{приятиями, иногда привлекая индивидуальных держателей акций.}

Сведения о составе акционерного капитала тунисских смешанных компаний нигде не публикуются. Разрозненные данные из некоторых официальных источников, жур-^{нальных и газетных статей позволяют лишь в общих чер-}тах представить людям свободу продолжать неорганизованную промышленность. Государство участвует в акционерном дея-^тельности в области производства, то придет момент, когда равновесие будет нарушено и нуждающиеся бро-^таются в атаку против обеспеченных. Тогда придется прибегнуть к диктатуре и деспотии для того, чтобы сохранять имущество, оказавшееся в капитале под угрозой» [167, 19.XI.1961].

— компания «Аль-Фулиз» (номинальный капитал — 4,2 млн. дин.), соорудившая металургический завод в г. Мензель-Бургиба. Правительство владеет 61% акций, — тунисско-итальянское общество СТИР, построившее нефтеочистительный завод в Бизерте. Номинальный капитал общества составляет 2,7 млн. дин.; 50% акций принадлежат тунисскому правительству, 50% — фир-

ме ЭНИ;

— компания по строительству сахароррафинационного завода в г. Беджа. Основной пай принадлежит правительству и банковским обществам, остальные акции — мелким владельцам [см. 32; 41; 47].

Наряду с этим организовались акционерные общества и пайщиками выступают полугосударственные пайщики, в которых пайщиками выступают полугосударственные пайщики, либо потребители продукции, как правило, яичных заводов. Крупнейшими из таких обществ являются компании, образованные в 1962—1969 гг. в целях дальнейшего развития тунисской промышленности.

— «Главное общество хлопокткацкой промышленности» (СОЖИЛ). Имело начальный капитал в 1965 г. Обществом было построено предприятие в г. Тунис, представлен смешанными компаниями. Государство на которых занято 2500 рабочих. Начало строительство с иностранными фирмами и частными тунисскими пред-^{приятиями, иногда привлекая индивидуальных держателей акций.}

Сведения о составе акционерного капитала тунисских смешанных компаний нигде не публикуются. Разрозненные данные из некоторых официальных источников, жур-^{нальных и газетных статей позволяют лишь в общих чер-}тах представить людям свободу продолжать неорганизованную промышленность» (СОЖИЛ), расположившее начальный капитал в 100 тыс. дин., оно построило в г. Монастир первый завод по переработке шерсти [47, 46; 184, 1967, 36—37].

Кроме того, акционерные компании были образованы для создания швейных предприятий фабричного типа

СОЖИК, предприятий по производству трикотажа, ниток.

Инвестиции государства составили примерно 13% в общей сумме средств, израсходованных в течение 1962—1965 гг. на создание 15 крупных промышленных предприятий: металлургического завода, 6 фабрик компаний **СОЖИКОТ** и **СОЖИЛ**, сахарафинадного и стекольного заводов, фабрики по упаковке фиников, нового кирпичного завода, литьевых и механических мастерских. Следует иметь в виду, что строительство этих объектов финансировалось преимущественно за счет банковских кредитов и кредитов иностранных фирм на поставку оборудования — 46,5 млн. дин. Доля частных предприятий и отдельных лиц в акционерном капитале компаний (12,7 млн. дин.) составила немногим более 10%, а в инвестициях — всего лишь 2% [130, 47—51]. Некоторые полугосударственные промышленные компании основывались на базе уже существовавших ранее предприятий. В их числе можно назвать следующие:

— две крупнейшие компании, сосредоточившие в своих руках цементное производство («Симан артифисельтонизен» с капиталом более 1 млн. дин. и «Симан портланд»), компанию «Ля тюниуз эндюстриэль», имеющую пять филиалов (по производству черепицы, фаянсовых и керамических изделий для строительной промышленности, добычи строительного камня и изготовления каменных плит);

— «Тунисское общество молочной промышленности» (СТИЛ), управляющее рядом предприятий пищевой промышленности. СТИЛ владеет крупнейшим предприятием по переработке молочных продуктов, несколькими консервными заводами, занимается экспортом свежих фруктов и овощей [47, 26, 54, 32, 136].

В смешанных предприятиях, которые статистика относит к «общественному сектору», вложения государства, как правило, составляют 50—60%.

Правительство всемерно подопрьло образование частных акционерных обществ. Инициативу их создания нередко берут на себя полугосударственные компании, действующие в соответствующих отраслях, и контролируемые государством банковские организации. Поскольку их доля в акционерном капитале не превышает обычно 20—25%, статистика учитывает такие предприятия в категории «частный сектор».

СОЖИК, предприятий по производству трикотажа, ниток.

Инвестиции государства составили примерно 13% в общей сумме средств, израсходованных в течение 1962—1965 гг. на создание 15 крупных промышленных предприятий: металлургического завода, 6 фабрик компаний **СОЖИКОТ** и **СОЖИЛ**, сахарафинадного и стекольного заводов, фабрики по упаковке фиников, нового кирпичного завода, литьевых и механических мастерских. Следует иметь в виду, что строительство этих объектов финансировалось преимущественно за счет банковских кредитов и кредитов иностранных фирм на поставку оборудования — 46,5 млн. дин. Доля частных предприятий и отдельных лиц в акционерном капитале компаний (12,7 млн. дин.) составила немногим более 10%, а в инвестициях — всего лишь 2% [130, 47—51]. Некоторые полугосударственные промышленные компании основывались на базе уже существовавших ранее предприятий. В их числе можно назвать следующие:

— две крупнейшие компании, сосредоточившие в своих руках цементное производство («Симан артифисельтонизен» с капиталом более 1 млн. дин. и «Симан портланд»), компанию «Ля тюниуз эндюстриэль», имеющую пять филиалов (по производству черепицы, фаянсовых и керамических изделий для строительной промышленности, добычи строительного камня и изготовления каменных плит);

— «Тунисское общество молочной промышленности» (СТИЛ), управляющее рядом предприятий пищевой промышленности. СТИЛ владеет крупнейшим предприятием по переработке молочных продуктов, несколькими консервными заводами, занимается экспортом свежих фруктов и овощей [47, 26, 54, 32, 136].

В смешанных предприятиях, которые статистика относит к «общественному сектору», вложения государства, как правило, составляют 50—60%.

Правительство всемерно подопрьло образование частных акционерных обществ. Инициативу их создания нередко берут на себя полугосударственные компании, действующие в соответствующих отраслях, и контролируемые государством банковские организации. Поскольку их доля в акционерном капитале не превышает обычно 20—25%, статистика учитывает такие предприятия в категории «частный сектор».

При проведении реформы в области оптовой торговли образованным в вилайетах коммерческим объединениям вменялось в обязанность создавать «районные инвестиционные общества». Правда, в печати сообщалось о появлении только одного такого общества — в вилайете Сфакс, с акционерным капиталом в 600 тыс. дин. [198, 27.IV.1967].

Таким образом, одной из главных целей, ставившихся при создании «общественного сектора» в тунисской экономике, было стимулирование посредством определенного давления сверху необходимого для развития промышленного капитала в виде акционерных обществ. Вместе с тем государство намеревалось «ориентировать» частную индустрию, «дисциплинировать и направлять ее в приоритетные отрасли», действуя через Комиссию по выдаче прав на открытие предприятий, которая предоставляет также и налоговые льготы, и через государственное правительство, на 5 лет полностью освобождается от выплаты налогов. Государство также гарантирует кредиты, выдаваемые им местными банками [52, 90—93].

Регулирование частного предпринимательства через систему предпочтительных ссуд должно было осуществляться в первую очередь «Национальным обществом инвестиций» (НОИ), специализирующемся на долгосрочном кредитовании. Номинальный капитал НОИ составляет 1,5 млн. дин. Государство и полугосударственные финансовые организации держали около 60% акций НОИ, а остальные принадлежали 70 тыс. частных вкладчиков, в основном чиновникам и служащим, подпиравшимся на 1—2 акции созданного в 1959 г. общества. Аналогичная роль предназначалась также «Тунисскому банковскому обществу» (ТБО), занимавшемуся преимущественно выдачей краткосрочных кредитов промышленным предприятиям. Государству принадлежит 52% номинального капитала ТБО, составляющего 2 млн. дин. [32, 35—36].

В начале 60-х годов полугосударственные банки — НОИ, ТБО, Национальный сельскохозяйственный банк — заняли ведущее место среди действующих

в стране банковских учреждений [34, 1965, 82]. По дан-

ным на конец 1965 г., НОИ имело вложения в 46 пред-

приятиях на общую сумму в 3 млн. дин. Это «Компани де

фосфат Сфакс-Гафса», «Сосьете Джебель-Джерисса»

(производство железной руды), «Аль-Фуляз», компаний,

занимающиеся строительством и эксплуатацией сахаро-

рафинального, стекольного, текстильных, цементных

и трубопрокатных заводов, крупных отелей для иност-

ранных туристов. ТБО приняло участие в создании 44 но-

вых акционерных обществ. Объем его прямых инвести-

ций на ту же дату составлял 1,7 млн. дин. [32, 35—36].

По замыслу тунисского правительства, вмешательство

государства в ряде отраслей должно было носить временный характер. Предполагалось, что «как только пред-

приятия будут созданы и будет обеспечена и доказана их рентабельность, государство уступит место частному капиталу с тем, чтобы продолжать в других областях свою роль предпринимателя-пionera» [30, 12].

Действительно, в течение 1966—1967 гг. государство передало свой пакет акций в дочерних компаниях СОЖИЛ и СОЖИКОТ партнерам, представлявшим частный сектор. Общество СОЖИК перепродало частным предпринимателям четыре из пяти своих предприятий. Почти полностью были ликвидированы государственные пакеты в акционерных компаниях, владеющих туристическими отелями. В 1966 г. в частное предприятие было превращено НОИ. Доля государства в капитале банка сократилась до 7%. Почти треть акций получили американские и другие западные финансовые группы, остальную часть — тунисские коммерческие и промышленные фирмы [181, II.1967].

Разумеется, не все подобного рода мероприятия были заранее запланированы. В частности, реорганизация НОИ произошла не без давления со стороны МБРР, которому тунисское правительство было вынуждено обратиться за помощью в связи с возникшими финансовыми трудностями. Первоначально же предполагалось, что «ввиду исключительной роли НОИ... государство следует осуществлять над ним эффективный контроль и поэтому капитал общества должен оставаться если не целиком принадлежащим государству, то по крайней мере в преобладающей части» [56, 448]. Однако в принципе на определенном этапе некото-

Таблица 2
Банковская система в 1966 и 1969 гг.*
тыс. дин.

Банки	Номинальный капитал			Общий объем фондов		
	1964 г.	1966 г.	1969 г.	1964 г.	1966 г.	1969 г.
Полугосударственные . . .	3451	2450	3650	7711	8560	15 815
Частные . . .	2976	5700	7615	4050	8000	13 330

* [34, 1965, 82; 1966, 89; 1969, 90].

рое сужение государственного сектора было заложено в самой идее тунисской политики планирования: роль государства в экономике именно в том и состояла, чтобы ускорить формирование частного промышленно-финансового капитала, заранее создать структуры, необходимые для его функционирования.

Эта концепция ясно выражена в документах «На-

циональной конференции по вопросам координации экономических секторов», созданной руководством новодустровской партии в сентябре 1965 г. Например, в комюнике конференции, которое должно было послужить теоретическим обоснованием принципов развития смешанной экономики в Тунисе, записано: «Прямое вмешательство государства в целом ряде областей может быть только временным, и при определенных условиях правительство должно перейти к восстановлению позиций частного сектора...»

Государство должно взять под свой полный контроль производство и распределение электроэнергии и газа, городское водоснабжение и железнодорожный транспорт, а также горнодобывающую и тяжелую промышленность. Однако в этих отраслях не только возможно, но и желательно сотрудничество частного сектора с государственным. Прочая промышленная деятельность в конечном итоге должна быть целиком передана частным предпринимателям. Участие государства здесь временно» [19, 28—29].

Реформы, проводившиеся в 60-х годах, не исчерпывались мероприятиями по созданию полугосударственного и частного крупноприватистического сектора в

промышленности. Важнейшее место в деятельности правительства в этот период занимала кампания по орга- низации кооперативов в сельском хозяйстве и в розничной торговле, существенным образом затронувшая многочисленную прослойку мелких производителей-сост- веников.

До начала 60-х годов меры, принятые правительством в области сельского хозяйства, ограничивались лики- дацией остаточных феодальных и общинно-леменных форм собственности, сдерживавших развитие капитализма в земледелии. Благодаря изданному в 1956—1957 гг. законам, упразднившим категорию неотчуждаемых вагуфных земель и нераздельную собственность племен обширные площади вошли в сферу свободного рынка — что создало возможность для роста крупнокапиталистиче- ских и кулакских хозяйств. Этим хозяйствам предо- ставлялись в аренду на льготных условиях, а также пе- репродавались участки из государственного земельного фонда². Крупные предприниматели получали и широкую финансовую поддержку со стороны правительства, кре- диты от контролируемых государством банков.

Однако в начале 60-х годов правительство решил изыскать более радикальный и быстрый путь для увели- чения товарности сельскохозяйственного производства — модернизации «традиционного сектора»; этим целям должно было послужить объединение в кооператив мелких крестьянских хозяйств.

Десятилетним планом развития предусматривалось создание сельскохозяйственных кооперативов трех типов: производственных кооперативов, снабженческо-сбыточных «кооперативов обслуживания» и «кооперативов по эксплуатации орошаемых периметров» [56, 36—43; 55 30—31]. Во всех видах кооперативных объединений, в том числе и в «производственных», сохранялась частная собственность на землю.

«Кооперативы по эксплуатации орошаемых периметров» должны были служить освоению новых площадей в засушливой зоне. Государство брало на себя финансирование ирригационных работ для создания ороша- мых участков, на которых организовывались коопера- тивы. В них намечалось включить и еще не разделен- ные общинные земли. Закон от 5 июня 1964 г. указы- вал, что окончательное закрепление этих земель за отдельными лицами будет производиться лишь в рам-

ках кооперативов, которые обобществляют различные средства производства, за исключением земли [122, 18].

Позже эта форма кооперативов была упразднена и введены так называемые «кооперативы освоения», которые создавались не только в аридной зоне. Часть их находилась в общем распоряжении. Совмест-

ным трудом предполагалось создавать плантации, а когда деревья станут плодоносить — должен происходить раздел земель.

«Кооперативы обслуживания» образовывались в районах интенсивного земледелия (преимущественно на полуострове Кап-Бон, где развито садоводство). В их задачи входило получение кредитов, продажа продук- ции, приобретение удобрений, кормов для скота, борьба с насекомыми-паразитами и т. п.

В широких масштабах организация такого типа общества была предпринята также в оливководческих районах, особенно в провинции Сус, где в задачи коопе- ративов, помимо централизации сбыта продукции, вхо- дило обновление старых оливковых насаждений. По- следнее трудно сделать при сохранении частных, в этих местах преимущественно мелких, раздробленных на пар- целлы хозяйств³.

«Производственные кооперативы», товарищества по совместной обработке земли, создавались в северной зерноводческой зоне. Они образовывались вокруг так называемого «государственного ядра», национализиро- ванных французских ферм⁴, к которому присоединялись крестьянские участки. Кооперация не должна была за- трагивать владения крупных собственников: хозяев свыше 50 га вообще не привлекали в объединения, вла- дельцы 30—50 га могли вступать в них по желанию. Если же их земля вклинивалась в территорию коопера- тива, крупные владельцы могли произвести обмен на участки, расположенные в другой зоне. Они были не- сколько ущемлены лишь в том отношении, что часть слававшихся им раньше в аренду государственных зе- мель переходила в кооперативы.

В производственных объединениях сохранялась част- ная собственность на землю, и при распределении при- былей учитывалась площадь «земельного вклада». В течение года члены кооператива получали в порядке аванса 350 миллимов (1 дин = 1000 милл.) за день работы. После продажи продукции и отчисления средств

в общие фонды происходил раздел прибылей. Доля каждого члена кооператива складывалась из двух частей: 1) оплаты труда, которая выдается в основном в виде «авансов», и 2) части, соответствующей размерам земельного участка и вложенного в него капитала [207, 1963, № 1, 36—37].

Предполагалось, что создание крупных производственных единиц (как правило, кооперативы охватывали не меньше 400—500 га) будет способствовать быстрой ликвидации малотоварных крестьянских хозяйств, сохранившихся в северной зоне Туниса. Это дало бы возможность и более рационально использовать оставшуюся на французских фермах технику [200, 1966, № 116, 384].

Кроме того, в рамках кооперативов имелось в виду осуществить ряд агротехнических задач, в частности замену двухпольной системы севаоборота трехпольной, и обеспечить введение комплексных культур вместо преобладавших на Севере зерновых, чтобы восстановить истощившиеся почвы.

В социальном плане кооперация должна была служить укреплению средней прослойки крестьянства. При организации производственных объединений отбирали более или менее состоятельных собственников — остальные вынуждены были либо продавать, либо сдавать в аренду кооперативу свои участки. Минимальный размер вступительного вклада устанавливался в два, иногда в пять и более гектаров [148, 188; 205, 1966, X, 732]. Были случаи, когда необходимая величина вклада доходила до 26 га [200, 1966, № 116, 384]. В каждом районе минимальная величина вклада определялась образом, какая площадь в данных условиях может теоретически обеспечить каждому члену кооператива доход в 250 дин. на семью из 5 человек. Это тот минимальный полушийкий доход, который, как предполагалось, будет достигнут в итоге реализации десятилетнего плана.

Официальные лица, занимавшиеся формированием кооперативов, производили строгий отбор кандидатов. В специальной публикации «Земля Туниса», посвященной кооперативной кампании, сообщалось: «В соответствии с техническими и социологическими исследованиями, проведеннымми в государственном секретариате сельского хозяйства, было установлено, что производст-

венное объединение „Ат-Такаддум“ (вилаят Эль-Кеф) может обеспечить минимальный годовой доход, предусмотренный планом развития, только 74 членам. Поскольку число заинтересованных лиц превышало эту цифру, пришлось прибегнуть к отбору. Те, кто не смог стать членом кооператива, будут получать от него арендную плату за отдаленные участки» [88, 34]. Точно так же отсев производился среди совладельцев участков, включенных в кооператив (случаи совместного владения землей в Тунисе весьма распространены).

Полных данных о соотношении принятых и «отсеванных» собственников земли, включенной в кооперативы, не имеется. Но отдельные известные факты свидетельствуют о том, что число последних было велико. Так, в одном из округов вилайета Беджа в производственные объединения вошло только 60% собственников земельных участков, включенных в общее угодье. 13 кооперативов в долине Эбба-Ксур (вилаят Эль-Кеф) арендовали клохи земли у 1 тыс. лиц, имевших каждый менее 1 га, и у 940, владевших наделами в 1—5 га [148, 216]. Поначалу хозяевам арендованной кооперативами земли выплачивалась твердая сумма, которая, впрочем, для владельцев менее 1 га земли была ничтожной: от 4,5 до 9 дин. в год в зависимости от качества земли. Но когда обнаружилось, что часть прибыли, идущая в арендную плату, нередко превышает доходы, распределение между членами кооперативов, было принято решение выплачивать ее только в случае, если образуются свободные средства после отчисления прибылей в неделимый фонд и раздачи вознаграждения членам объединения.

К концу 1966 г. в производственных кооперативах состояло немногим более 26 тыс. человек; кроме того, в них числилась 21 тыс. «пассивных» членов» [171, 20.11.1970]. Этую категорию, видимо, и составляли лица, дававшие землю кооперативам.

Что же касается рабочих, не имевших земли, которые раньше трудились на французских фермах, то они, за исключением механизаторов, попадали в кооперативы редко. В середине 1965 г. они составляли чуть более 7% членов производственных объединений Северного Туниса [по: 45].

Таким образом, осуществлявшийся путем создания производственных кооперативов курс на ликвидацию

массы мелких нетоварных хозяйств резко ускорил процесс отчуждения от земли беднейшего крестьянства.

Конечно, отсев диктовался необходимостью обеспечить рентабельность будущих кооперативных хозяйств.

В принципе вытеснение избыточной, неэффективно используемой рабочей силы из аграрного сектора должно было компенсироваться ростом занятости в несельскохозяйственных отраслях, если бы программа индустриализации была реализована в полном масштабе.

План кооперации был рассчитан и на некоторое сдерживание миграции населения из деревни благодаря увеличению занятости внутри кооперативных хозяйств. Если в крупнокапиталистических механизированных хозяйствах на Севере каждые 100 гектаров обслуживают в среднем 2—3 работника (включая и самих хозяев, занятых в производстве), то в кооперативах на одного работника приходилось в среднем меньше 14 га. К концу 1967 г. в производственные объединения, которые охватывали 350 тыс. га, вступили 26 тыс. членов [164, 9]. Обеспечить полную занятость членов кооперативов предполагалось путем интенсификации производства, широкого внедрения огородных и фруктовых культур, требующих в сравнении с зерновыми гораздо большего и непрерывного использования живой рабочей силы.

Другая цель преобразований в сельском хозяйстве состояла в том, чтобы создать в рамках кооперативов устойчивую прослойку мелких и средних земельных собственников. По первоначальному, практически не осуществленному проекту, вошедшие в кооператив крестьяне должны были в индивидуальном порядке выкупить в срок от 5 до 20 лет переданные «производственным объединениям» государственные земли. Приоритет при продаже предоставлялся малоимущим членам кооператива, если у тех накапливались достаточные средства. Но полного уравнения не предусматривалось — не было установлено фиксированного потолка размеров собственности внутри кооперативов.

Реорганизация оптовой торговли и сельскохозяйственная кооперация были начаты сразу же с введением политики пластирования (т. е. в 1962 г.). Позднее, с 1966 г., стала осуществляться реформа в области розничной торговли. Ее цель заключалась в том, чтобы значительно сузить торговый сектор, гипертрофирован-

ность которого — существование бесчисленного множества мелких и мельчайших посредников — составляла одно из главных препятствий росту внутреннего накопления.

В результате реформ должно было произойти укрупнение торговых предприятий, оптовое снабжение которых предполагалось осуществлять через «районные торговьевые общества». Таким образом, вся сфера торговли образовала бы единую централизованную сеть⁵, что облегчило бы и контроль над ценами, и пропедику сбора налогов. Наконец, реформа должна была привести к сокращению как числа неофициальных, случайнных торговцев, так и торговцев с патентом, каких насчитывалось в 1966 г. до 40 тыс.

Розничные торговцы были обязаны объединяться в коммерческие товарищества, причем на правах пайщиков в них могли вступать только лица, располагающие определенным капиталом. Общий капитал торгового предприятия должен был составлять как минимум 3—5 тыс. дин., а размер обязательного индивидуального вклада каждого из его членов — от 400 до 800 дин. Некоторые из бывших самостоятельных предпринимателей занимались на службу в магазины коммерческих товариществ. Но при укрупнении торговых точек, естественно, сокращается потребность в рабочей силе, в итоге значительные группы людей были полностью вытеснены из сферы торговли. Только на предприятиях оптовой торговли число служащих сократилось на $\frac{2}{3}$ [120, 309]. Кооперативы создавались и в основных отраслях ремесленного производства, прежде всего в текстильном кожевенно-обувном, в строительном деле. По данным на 31 декабря 1966 г., они объединяли 10,3 тыс. ремесленников (в том числе 3800 мастеров-строителей, 2700 ткачей) [49, табл. 4]. Общее же число занятых кустарными промыслами в Тунисе (хозяева мастерских, используемая в них наемная и семейная рабочая сила плюс ремесленники-одиночки) доходит, по некоторым оценкам, до 100 тыс. [56, 167; 165, 116; 121; 155].

В отдельных случаях кооперация должна была служить сохранению и даже развитию тех или иных ремесел, в частности художественных промыслов, изготавливающих товары на экспорт и для туристов. Но в целом мероприятие, направленные на укрупнение и централизацию ремесленного производства, вели к сокра-

щению общего числа занятых в этой сфере. Кооперативы должны были в конечном итоге приобрести характер полупромышленных предприятий, дополняющих производство.

С помощью всех этих реформ тунисское правительство рассчитывало в короткий срок ликвидировать традиционные формы хозяйства путем капиталистического кооперирования мелких производителей, что должно было увеличить товарность во всех отраслях экономики и вместе с тем обеспечить необходимое для развития промышленности расширение внутреннего рынка.

Начатые в 60-х годах нововведения в экономической области означали изменение методов, но не сущности политики новодустурской партии, стремившейся направить страну на путь капиталистического развития, хотя этому новому практическому курсу была придана оболочка особой идеологической доктрины, названной «дустурским социализмом».

Основные теоретические положения «дустурского социализма», сформулированные на VII съезде Нового Дустура в 1964 г., после которого он принял название Социалистическая Дустурская партия (СДП), свидетельствуют о идее национального единства, снимающей классовые противоречия; признанию неприкосновенности частной собственности; положению о том, что в условиях, когда экономика развивается по общему плану государство осуществляет контроль над национальным хозяйством, частная собственность теряет свою эксплуататорскую сущность. В резолюциях VII съезда партии это выражено таким образом: «Наша экономика подчиняется законам свободного капиталистического развития. Мы, естественно, нуждаемся в капитале безразлично — будь то национальный или иностранный. Однако необходимо, чтобы капитал исполнял свое общественное назначение, содействуя росту производства и прогрессу личности, не стремясь к на

ственность станет выполнять общественную функцию. Это решающее условие. Оно позволит каждому спокойно пользоваться своей собственностью, и государство возьмет ее под свою защиту» [16, 98—99].

Концепция «дустурского социализма» по основным положениям сходна с прочими теориями социализма «национального типа». Наряду с отрицанием марксизма-ленинизма о классах и классовой борьбе, утверждением идеи «национального единства» она содержит и характерное для них отождествление понятия «социализм» с практикой государственного регулирования экономики. Доктрина «дустурского социализма», выдвинутая партией в 60-х годах, в теоретическом отношении весьма эклектична, несет на себе определенный отпечаток влияния теорий западной социал-демократии. Характерно, что и буржуазные исследователи подчеркивают сходство социальной программы Нового Дустура с теориями «общественного благоденствия» английских лейбористов и французских социалистов [118, 50]. Сами тунисские лидеры утверждают, что «дустурский социализм» представляет собой «нечто среднее между так называемым научным социализмом и либеральным социализмом шведского типа» [167, 12.X.1971].

Обращение к новым методам в экономике сопровождалось внутриполитическими изменениями. В целях централизации власти была произведена перестройка системы административного управления, которая привела к срашиванию партийного и государственного аппарата. Наряду с тем имело место урезывание демократии. Наряду с тем имело место урезывание демократии, наступление на оппозицию, особенно политических свобод, наступление на оппозицию, особенно левую. С другой стороны, выдвижение социалистических лозунгов и то обстоятельство, что во главе министерства планирования, которому подчинились все экономические ведомства, был поставлен в прошлом опальный автор программы IV съезда ВСТТ Ахмед бен Салах, создавало определенные иллюзии среди интеллигии, в том числе и в левых ее кругах.

В конце 60-х годов планы экономического развития претерпели значительные изменения. Уже с 1966 г. ввиду финансовых затруднений правительство начало свертывать программу индустриализации, резко сократив объем инвестиций и перенеся упор с создания новых отраслей на развитие существующей промышлен-

ности. В 1969—1970 гг. опыт кооперации был признан неудачным. Сама система руководства экономикой была перестроена с тем, чтобы заменить всеохватывающего административного регулирования восстановить, при сохранении некоторого контроля со стороны государства, свободу рыночных отношений.

Тенденция к сокращению промышленных инвестиций была вынужденной и обусловлена тем обстоятельством, что структурные реформы не дали ожидавшихся результатов — увеличения внутреннего накопления, которое позволило бы за счет собственных ресурсов поддерживать высокий уровень капиталовложений. Как уже указывалось, в соответствии с десятилетней программой норма инвестиций должна была возрасти в значительной степени благодаря переливу частных капиталов из сферы обращения в другие отрасли, особенно — в промышленное производство. Однако притока торговых капиталов в промышленность почти не наблюдалось.

Реформа оптовой торговли натолкнулась на сопротивление со стороны посреднической буржуазии и продвигалась медленно. Сфера деятельности «районных обществ» ограничивалась сбытом пищевых и текстильных товаров. По приблизительным подсчетам, к 1967 г. 70—75% оптовых торговцев продуктами питания и текстильными изделиями вошли в «районные общества» (без вилайета Тунис, где реформа началась позднее). Торговый оборот «районных обществ» в 1963 г. составил 10 млн., в 1964 г. — 20 млн., в 1966 г. — 35—40 млн. дин. [195, 27.V.1967]. Остальные отрасли оптовой торговли оставались в руках самостоятельных предпринимателей.

По данным газеты «Ля Пресс», к началу 1967 г. в ходе реформы было ликвидировано 150 частных оптовых фирм, располагавших каждая капиталом от 10 тыс. до 50 тыс. дин., что должно было бы высвободить 5—7 млн. дин. [198, 27.IV.1967]. Точно определить объем перемещенных в промышленность и строительство торговых капиталов невозможно. Но французский экономический журнал «Перспектив» приводил сведения, согласно которым из этих 5—7 млн. дин. к 1967 г. было реально инвестировано не более 1 млн. [195, 27.V.1967]. Едва ли треть оптовиков Сфакса, второго после столицы торгового центра страны, вложила средства в промышленные проекты, тогда как остальные предпочли за-

морозить свои капиталы либо переместить их в не заинтересованные реформой отрасли внутренней торговли, в импортно-экспортные операции.

В течение 1966—1967 гг. на средства оптовиков Сфакса был построен ряд предприятий легкой промышленности с общим капиталом приблизительно в 300 тыс. дин. В других районах страны участие крупных коммерсантов в строительстве промышленных предприятий было еще меньшим. Например, в вилайете Сус они финансировали только 3 промышленных проекта, совокупный капитал которых не превышал 20 тыс. дин. [195, 27.V.1967].

Реорганизация оптовой торговли должна была иметь и другое положительное следствие — сократив число посредников, способствовать росту производственной прибыли и снижению потребительских цен. Однако она дала скорее обратный результат. Крупные коммерсанты, принужденные вступать в «районные общества», как правило, вкладывали в них небольшую часть своих капиталов (в среднем по 500—1000 дин.). «Общества» систематически прибегали к государственному кредиту, а их задолженностьineизбежно вела к скрытому повышению цен.

Во многих случаях новые коммерческие организации не заменили существующую систему товарооборота, а как бы накладывались на нее. Часто «районные общества», получившие монополию на распределение определенных товаров, снабжали крупных посредников, действующих самостоятельно. С последними предприниматели имели дело розничные торговцы, а также и коммерческие кооперативы, поскольку частные предприниматели предоставляли им кредиты, которые было трудно получить у находившихся под контролем правительства «районных обществ» [196, 1967, V, 9, 15]. Как подчеркивалось официальной пропагандой, реформы в торговом секторе должны были «способствовать увеличению сельскохозяйственной продукции, избавить производителя от эксплуатации скапулника» [168, 5.VI.1964]. Однако вскоре стало ясно, что «районные общества» получали прибыль не столько от быстрой оборачиваемости различных товарных запасов, сколько посредством увеличения разницы между закупочной и продажной ценой на отдельные продукты. По сведениям того же журнала «Перспектив», «общества» в вилайетах Гафса и

Габес получали до 60% своих прибылей от продажи фиников, скупая их по заниженным ценам у крестьян южных оазисов [195, 27.V.1967].

За годы выполнения первого трехлетнего и второго четырехлетнего планов развития намеченные показатели по внутреннему накоплению ни разу не были достигнуты. Норма накопления колебалась в пределах 12—14% ВВП, тогда как в десятилетнем плане предусматривалось, что доля внутреннего накопления достигнет 26% [52, 44—46] (табл. 3).

*Фото С. Токко
Министерство
финансов
Узбекской
ССР*

Таблица 3
*Показатели нормы внутреннего накопления,
в ценах 1960 г.**

Год	Валовой внутренний продукт по фактическим стоимостям, млн. дин. **	Внутреннее ленекстомикальное накопление, млн. дин.	Норма накопления, %	Доля государства		
				млн. дин.	%	млн. дин.
1962	317,8	28,2	8,87	19,4	35,0	15,2
1963	335,7	42,3	12,60	27,3	50,0	39,5
1964	374,3	49,3	13,17	15,0	7,5	12,0
1965	436,6	54,2	12,40	7,5	16,7	43,9
1966	440,2	62,2	14,10			12,0
1967	453,5	57,0	12,50			
1968	490,3	75,0	15,30			
Всего . . .				54,2	100,0	62,2
					100,0	100,0
						365,4

* Составлена по: [59, 16; 51, 8].

** В текущих ценах.

В опубликованной газетой «Аксон» статье генерального директора плана С. Бахруна фигурируют несколько иные, но близкие к приведенным в нашей таблице оценки внутреннего национального накопления [см. 171, 4.VI.1969]. Увеличение нормы внутреннего накопления было достаточно ценой крайнего перенапряжения бюджетных ресурсов. Как показывает следующая таблица, значительная часть денежного внутреннего накопления (20—30%) в Гунисе черпается из казны (табл. 4). Наряду с внешними займами это важнейший источник государственного финансирования капиталовложений. Как известно, бюджетные накопления образуются за счет разницы между налоговыми, другими обычными

Таблица 4
*Структура внутреннего накопления **

	1965 г.	1966 г.	Весь период 1960—1967 гг.		
			млн. дин.	%	млн. дин.
Доля государства	19,4	35,0	15,2	24,4	104,8
Доля предприятий	27,3	50,0	39,5	63,6	216,7
Доля сбережений населения	7,5	15,0	7,5	12,0	43,9
Всего . . .	54,2	100,0	62,2	100,0	365,4

* Составлена по: [59, 16; 51, 8].

(незаймовыми) доходами и всеми неинвестиционными затратами правительства. Основная часть доходов состоит из взимаемых с населения косвенных налогов. За 1962—1972 гг. их общая сумма возросла в три с лишним раза: с 43,3 млн. дин. в 1962 г. до 71,1 млн. в 1966 г. и 143 млн. в 1972 г. [34, 1964, 36—40; 1967, 63; 54, 107].

Чтобы компенсировать недостаточное участие частного капитала в финансировании промышленных проектов, правительству пришлось увеличивать государственные ассигнования. Стремясь хоть частично обеспечить их из внутренних источников, оно усиливало временно косвенных налогов, блокируя тем самым возможность притока средств в виде сбережений населения.

В таких условиях использование заемных средств для осуществления экономической программы значительного превысило намечавшиеся в плане показатели. В период реализации трехлетнего плана за счет внешней помощи было обеспечено 54% общих инвестиций (табл. 5).

В следующем, 1965 г., когда заканчивалось несколько затянувшееся строительство основных промышленных объектов трехлетнего плана, доля иностранной помощи в общем объеме инвестиционных затрат составила 70%. Резкий свинг в соотношении национальных

Таблица 5

Использование финансирования по первому плану*

Год	Валовые капитальные вложения (в ценах 1960 г.)		Внутреннее накопление		Внешняя помощь	
	млн. дин.	%	млн. дин.	%	млн. дин.	%
1962	73,8	100	28,2	38,2	45,6	61,8
1963	82,6	100	42,3	51,7	40,3	48,3
1964	96,5	100	45,2	46,8	51,3	53,2
Всего . .	252,9	100	115,7	45,6	137,2	54,4

* Составлена по: [65, 20; 63, 13].

и иностранных ресурсов, потребовавшихся в 1965 г. для завершения плановых проектов, опрокинул расчеты десятилетней программы, где ставилась цель обеспечить внутреннее финансирование развития экономики. Общий дефицит платежного баланса в этот год возрос почти на 35% и составил 93,6 млн. дин. Отрицательное сальдо внешнеторгового баланса достигло рекордной величины — экспорт покрыл импорт всего лишь на 48% [59, 70].

Тунисское правительство прибегло и к исчерпываанию валютных запасов. Их общая сумма составляла: в 1960 г. — 82 млн., 1961 — 71 млн., 1962 — 59 млн., 1963 — 60 млн., к концу 1964 г. — 30 млн. долл. [193, 1967, XI, 204—205]. Значительно вырос государственный долг Туниса: с 51,5 млн. дин. в 1962 г. до 81 млн. дин. в 1964 г. [34, 1964, 73].

Для того чтобы избежать финансового кризиса, тунисское правительство было вынуждено пересмотреть первоначальный проект десятилетнего плана. Оно решило урезать инвестиционную программу, особенно в области государственных капиталовложений. Объем капиталовложений в 1966 г. был уменьшен по сравнению с предыдущим годом и в течение последующих двух лет держался примерно на одном уровне. Это позволило к 1968 г. сократить долю иностранной помощи в инвестиционных расходах до 35% (табл. 6)⁶.

Таблица 6

«Счет капитала». Период выполнения второго плана (текущие цены)*, млн. дин.

Год	Всего	Использование денежных средств			Формирование капитала
		Капиталовложения	Образование запасов	Увеличение запасов золота и валюты	
1965	144,7	133,4	+6,1	+5,2	54,2
1966	119,2	127,3	—	-8,1	62,2
1967	120,8	126,7	+0,1	-6,0	57,0
1968	124,1	127,3	-9,3	+6,1	63,8
Всего . .	508,8				44,1
					253,4
					255,4

* [59, 16—17; 60, 26; 61, 44—45].

Согласно четырехлетнему плану, составленному на 1969—1972 гг., ежегодный темп прироста капиталовложений должен был составить в среднем 4,8%, тогда как в 1962—1965 гг. он достигал 11,8%.

На 1969—1972 гг. намечался значительный рост инвестций в расширение транспортной сети и предприятий по обслуживанию туризма. Первоначально планом не предусматривался рост капиталовложений в промышленности по сравнению с 1965—1968 гг. Но в действительности они были увеличены на 20% в обрабатывающей промышленности и на 32,5% в горнодобывающей промышленности и энергетике (в основном за счет вкладов в разведку и добчу нефти) (табл. 7).

Инвестиции в металлургическую и металлообрабатывающую промышленность, которые в 1965 г. достигли 14,5 млн. дин., в 1969—1972 гг. сохранились в среднем на уровне 2,7 млн. дин. в год. Основные средства в этот период были направлены на расширение судоремонтного завода в г. Мензель-Бургиба и улучшение технической базы сборочных заводов. Инвестиции в текстильную промышленность превысили плановые показатели благодаря притоку частных, в первую очередь иностранных, капиталов в эту отрасль. На предприятиях

«общественного» сектора решено было приостановить расширение производства, направив усилия на улучшение качества продукции путем более эффективного использования имеющегося оборудования.

Единственная отрасль промышленности, в которую поступили значительные государственные капиталовложения, — химическая. Речь идет о создании на юге страны комплекса химических предприятий. В 1971 г. было окончено строительство завода по производству фосфорной кислоты в Ганнуше. В Габесе создается предприятие по переработке природного газа, сопутствующего месторождению нефти, открытому в Эль-Борма. Финансирование строительства химического комплекса осуществляется в значительной степени за счет иностранных, в частности французских, займов [192, 4.II.1971].

Таблица 7

Объем инвестиций, осуществленных за период четырехлетних планов 1965—1968 гг. и 1969—1972 гг.,*

млн. дин.

Отрасли	1965—1968 гг. (фактический)	1969—1972 гг. (план)	1969—1972 гг. (фактический)
Сельское хозяйство и энергетика	100,0	127,8	98,8
Горнодобывающая промышленность	100,9	100,3	133,8
Обрабатывающая промышленность: металлическая и металлообрабатывающая	64,4	64,9	77,7
Химическая	22,1	10,1	10,8
Пищевая	3,1	22,8	15,5
Текстильная	9,0	8,3	12,2
Прочая	16,2	10,4	15,8
Обслуживание	14,0	13,3	23,4
Транспорт и связь	148,4	220,4	272,6
Туризм	49,1	96,2	102,8
Жилищное строительство	42,5	60,0	60,3
Торговля	48,7	51,3	93,3
Администрация, городское водоснабжение, просвещение, медицинское обслуживание	8,1	11,9	16,2
Всего	92,1	105,7	85,6
	505,8	617,0	668,6

* Составлена по: [53, 59—76; 54, 71, 74].

Тунисское государство не участвует в работах по поиску нефти, но владеет половиной акций итало-тунисской компании, эксплуатирующей месторождение в Эль-Борма, и франко-тунисской компании по добывче нефти в Дулебе. В других районах различные иностранные компании ведут разведку самостоятельно. Правительство резервирует за собой право на участие в добывче, если будут обнаружены новые месторождения. Благодаря открытию нефти, в Тунисе создались перспективы разработки некоторых видов химической промышленности. Правда, разведанные запасы невелики, и имеющиеся у Туниса возможности несравнимы с теми, какие имеют первоначального плана создания так называемых «плотусов развития» — больших производств, оснащенных по современным техническим стандартам, — что привело бы к появлению сопутствующих промышленных комплексов. Одним из факторов, обусловивших этот шаг, наряду с финансовыми трудностями было обострение проблемы занятости. Составители плана исходили из того, что намеченные капиталовложения обеспечат увеличение занятости, достаточное, чтобы к концу десятилетия как ликвидировать уже имевшуюся полную и скрытую безработицу (количество недостающих рабочих мест было определено приблизительно в 300 тыс.), так и поглотить ожидавшееся увеличение самодеятельного населения.

Однако прогноз оказался несостоятельным. Сокращение рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, ремеслах и торговле, намного перекрывало рост занятости в новых отраслях; за период с 1961 по 1966 г. в промышленности, строительстве и на транспорте было создано менее 74 тыс. рабочих мест. При этом стоимость их создания значительно превысила запланированную (табл. 8).

В речи перед партийными и профсоюзными представителями 13 января 1970 г. занимавший в тот момент пост премьер-министра Бахи Ладхам заявил, что ликвидация безработицы в стране откладывается в лучшем случае на 80-е годы. Правительство вынуждено, ввиду обострения проблемы безработицы, отказаться от ориентации на строительство крупных индустриальных предприятий — капитоемких, но обычно поглощающих

Таблица 8
Капиталоемкость предприятий*

Отрасль	Стоймость создания одного рабочего места, дин.		Всего создано новых рабочих мест за 1961—1966 гг.
	по официаль-ным данным	по расчетам экономистов **	
Промышленность . . .			
Металлургическая . . .	3 500	15 500	34 660
Нефтегазодобывающая . . .	27 500	27 000	
Химическая . . .	24 000	—	
Целлюлозно-бумажная . . .	11 250	14 200	
Стройматериалов . . .	—	10 300	
Древесообделочная . . .	4 000	9 900	
Пищевая . . .	1 125	—	
Текстильная . . .	2 000	—	
Горнодобывающая . . .	1 600	6 600	
Транспорт . . .	3 250	—	
Туризм . . .	7 000	—	
Строительство, общественные работы . . .	3 000	—	
Итого . . .	250	—	71 860

* Составлена по: [51, 7; 130, 60].

** Подсчеты сделаны по 20 крупнейшим предприятиям, построенным в соответствии с десятилетней программой развития. По плану, создание одного рабочего места на этих предприятиях в среднем должно было потребовать затрат не более 1300 дин. [130, 60].

ничтожную часть свободной рабочей силы — и мобилизовав все средства, чтобы хоть временно предоставить работу незанятыому населению [167, 13.II.1970]. Тунисские власти пришли к решению поощрять развитие малой промышленности.

Рост государственной задолженности заставил тунисское правительство искать поддержки частных иностранных фирм, привлекать их прямые капиталовложения путем создания акционерных компаний.

Судя по подсчетам, проведенным группой тунисских специалистов на основании документов официальной статистики, в период с 1960 по 1972 г. инвестиции всех частных и государственных предприятий распределялись следующим образом (в %) [95, 290]:

Источники финансирования	Процентные показатели				
	1960—1962 гг.	1963—1965 гг.	1966—1968 гг.	1969—1972 гг.	1973—1976 гг. **
Прямые бюджетные ассигнования . . .	46	39	37	33	24
Государственные и смешанные предприятия . . .	19	39	37	34	35
Частные предприятия . . .	28	15	18	23	29
Сбережения населения . . .	7	7	8	10	12

* Составлена по: [59, 52; 60, 18, 61, 114; 95, 257; 54, 57].
** Инвестиции по четырехлетнему плану.

В промышленности удельный вес инвестиций частных предприятий поднялся в период 1969—1972 гг. до 32%, в том числе в отраслях обрабатывающей промышленности — до 41,6% [54, 75]. Предполагается, что в про-

Источники финансирования	Процентные показатели				
	1960—1962 гг.	1963—1965 гг.	1966—1968 гг.	1969—1972 гг.	1973—1976 гг. **
Прямые бюджетные ассигнования . . .	46	39	37	33	24
Государственные и смешанные предприятия . . .	19	39	37	34	35
Частные предприятия . . .	28	15	18	23	29
Сбережения населения . . .	7	7	8	10	12

Источники финансирования	Процентные показатели				
	1960—1962 гг.	1963—1965 гг.	1966—1968 гг.	1969—1972 гг.	1973—1976 гг. **
Прямые бюджетные ассигнования . . .	46	39	37	33	24
Государственные и смешанные предприятия . . .	19	39	37	34	35
Частные предприятия . . .	28	15	18	23	29
Сбережения населения . . .	7	7	8	10	12

Составлена по: [51, 7; 130, 60].

Подсчеты сделаны по 20 крупнейшим предприятиям, построенным в соответствии с десятилетней программой развития. По плану, создание одного рабочего места на этих предприятиях в среднем должно было потребовать затрат не более 1300 дин. [130, 60].

Составлена по: [51, 7; 130, 60].

Подсчеты сделаны по 20 крупнейшим предприятиям, построенным в соответствии с десятилетней программой развития. По плану, создание одного рабочего места на этих предприятиях в среднем должно было потребовать затрат не более 1300 дин. [130, 60].

шесе реализации нового четырехлетнего плана 1973–1977 гг. в торговлю. По официальным данным, только за 1976 г. последний показатель превысит 50%. Основная 1969–1972 гг. количества точек розничного сбыта увеличились с 4 тыс. до 12 тыс., а число частных предприятий — с 15 ожидается, будет вложена в текстильную, а также в пищевую, специализирующихся на оптовой торговле, — с 15 пшевую, целлюлозно-бумажную, металлообрабатывающую до 318. Сумма капиталов, вложенных только за этот период, составила свыше 11 млн. дин. в розничной торговле и 13,2 млн. в оптовой [54, 299].

Таблица 10

Отраслевое распределение инвестиций в промышленности, млн. дин.*

Отрасль промышленности	Предприятия общественного сектора			частные предприятия			1965 г.	1968 г.	1969 г.	1973–1976 гг.	1965 г.	1968 г.	1969 г.	
	1965 г.	1968 г.	1969 г.	1973–1976 гг.	1965 г.	1968 г.	1969 г.							
Металлургическая и металлообрабатывающая	14,5	1,2	2,3	8,7	—	0,5	0,3	7,5	—	0,7	0,3	5,4	—	—
Химическая	0,3	0,6	0,8	21,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Стекольная и строительных материалов	0,7	2,8	0,5	31,5	—	0,2	0,1	2,1	—	0,8	0,6	13,9	—	—
Пищевая	1,3	2,0	0,4	15,1	—	—	—	—	—	—	—	39,6	—	—
Текстильная	9,6	0,9	0,9	1,4	0,1	0,3	2,1	—	—	—	—	—	—	—
Деревообделочная, бумажная и прочие	0,2	0,4	4,7	1,1	—	1,0	0,6	12,9	—	—	—	—	—	—
Всего	26,6	7,9	9,6	78,8	0,1	3,5	4,0	81,4	—	—	—	62,20	—	—

* Состр. по: [63, 62–63; 60, 19–20, 23, 28; 61, 109, 116; 54 256].

шай сфере приложения частных капиталов, включая обслуживание туризма. Только за 1965 г. и 1971 г. предпринимателями в строительных отраслях было вложено свыше 93,6 млн. дин., в 10-х годах правительственные и частные капиталы, включая частных и публичных, ободного основания коммерческих и массовый приток капитала.

Экономические и социальные последствия реализации программы экономического развития

За годы осуществления десятилетней программы Тунис добился определенных результатов в области экономического развития. С 1960 по 1972 г. в экономику было вложено свыше 1,5 млрд. дин. Общий объем ежегодных капиталовложений (124,5 млн. дин.) за период выполнения десятилетней программы более чем в три раза превышал соответствующий показатель 50-х годов [95, 260, 62, 20; 54, 63].

В сельское хозяйство было направлено 300 млн. дин. Значительную часть этих средств (70%) составили затраты на строительство оросительных сооружений, лесопосадки, освоение земель под плантации плодовых деревьев. На расширение транспортной сети выделено 180 млн. дин. Около 130 млн. дин. израсходовано на развитие системы просвещения и здравоохранения, свыше 100 млн. — на администрацию. Примерно 320 млн. дин. вложено за эти годы в жилищное строительство и предприятия по обслуживанию туризма. В промышленности отрасли инвестировано 450 млн. дин. [95, 278, 307; 62, 20].

За эти годы в стране было построено несколько крупных, оснащенных современным оборудованием промышленных предприятий. В том числе металлургический завод в Мензель-Бургебе, нефтеперегонный завод в Бирзете. Начато создание новых отраслей химической промышленности по производству фосфорной кислоты и азотных удобрений. В 1965–1966 гг. вошел в строй комплекс текстильных фабрик Сахеля. Новые предприятия этой отрасли появились также в столице и других городах. По сведениям ливанской газеты «Коммерс-Левант», Тунис вышел на третье место среди арабских стран по производству железа и стали [177, 26.V.1971].

Благодаря расширению главной теплоэлектроцентрали в Ла-Гулете производство электроэнергии в стране возросло до 770 млн. квт·ч в 1971 г. (без электроэнергии, которая производится для собственного потребления на предприятиях). Завершение второй очереди на ТЭЦ в Ла-Гулете даст возможность произвести производство электроэнергии до 1 млрд. квт·ч в год [89, 136, 42, 41].

Созданное с участием национальных банков «Тунисское общество автомобильной промышленности» построило четыре сборочных завода, которые в год выпускают до 1 тыс. легковых автомашин марки «Рено», грузовик и автобусы. В 1966 г. открылось предприятие по монтажу электро- и радиоаппаратуры, которое выпускает 20—30 тыс. телевизоров в год. В небольших масштабах производится монтаж радиоприемников и транзисторов различных видов бытовой электротехники [см. 47; 95, 179—216; 42, 51]. Построенный в г. Мензель-Бургиба американской фирмой «Харвестер» тракторосборочный завод был с 1971 г. закрыт ввиду низкого спроса на его продукцию [184, 1973, № 3, 16]. В то же время импорт сельскохозяйственной техники из-за границы увеличился по стоимости с 1,8 млн. дин. в 1969 г. до 4,3 млн. 1971 г., в том числе ввоз тракторов — с 0,9 млн. до 3,6 млн. дин. [42, 78, 81].

Несмотря на то что добыча фосфоритов с 1964 г. поддерживается примерно на одном уровне (около 3 млн. т в год), производство суперфосфата возросло с 200 тыс. в 1962 г. до 400 тыс. в 1965—1970 гг. и до 460 тыс. в 1971—1972 гг. [42, 46; 174, 1974, III, 12]. Когда будет завершен проект создания химического комплекса на Юге, Тунис сможет производить около 300 тыс. т азотных удобрений. Во второй половине 60-х годов по производству удобрений Тунис опережал Марокко, где добывается свыше 10 млн. т. фосфоритов, но выпускается только 250 тыс. т суперфосфата. С полным вводом в строй завода в Сафи в Марокко будет выпускаться 250 тыс. т сложных удобрений [172, 1970, 397].

Стоймость продукции текстильной промышленности в 1961 г. составляла 5,3 млн. дин., к 1971 г. превысила 10 млн. дин. Тунис импортирует большую часть сырья для текстильного производства (кроме шерсти). Ввоз хлопка-сырца увеличился с 0,7 тыс. т в 1963 г. до 5 тыс. т в 1969 г.; кроме того, за границей закупает-

ся до 6 тыс. т волокна и пряжи (5 тыс. т производится на месте). В то же время импорт готовой продукции значительно сократился. В настоящее время в Тунисе производится свыше 30 млн. т различных тканей, включая и вискозный шелк. Однако ввиду низкой покупательной способности населения в стране сохраняется широкий спрос на пониженную одежду, которая составляет важную статью импорта: 2,5—3 тыс. т ежегодно [95, 204].

Что касается пищевой промышленности, то хотя она претерпела некоторые структурные изменения — значительно расширилось производство овощных консервов, идущих в основном на экспорт, налажено фабричное производство молочных продуктов для внутреннего рынка, — но общая стоимость ее продукции не увеличилась с 1961 г. Тогда она составила 29,6 млн. дин., в 1968 г. — 29,4 млн. дин., в 1971 г. — 29,9 млн. дин. [55, т. I, 131; 60, 77, 79; 42, 95]. Фактически объем продукции даже сократился, так как эти показатели даны в текущих ценах. Застой, наблюдавшийся в пищевой промышленности, в значительной степени объясняется продолжительными неурожаями в сельском хозяйстве, в первую очередь падением сбора маслин. Если в 1961 г. производство оливкового масла, важнейшего экспортного товара Туниса, составило 125 тыс. т, то в 1962—1969 гг. около 50 тыс. т [33, 1966, 81; 41, 42; 42, 47]. Правда, в последние годы положение улучшилось: в 1971 г. было получено 90 тыс. т масла, в следующем же, 1972 г., — 167 тыс. т [171, 1.1.1973].

Одной из задач, поставленных в десятилетней программе, было «распределение экономики», стягивание дипломатии в развитии различных районов страны. Хотя основная масса инвестиций пришла на стартовые промышленные центры — особенно Северо-Восток (Тунис — Бизерта), а также вилайеты Сус и Сфакс, — были предприняты шаги по созданию «индустриальных очагов» в аграрных районах. К числу таких предприятий относятся сахароррафинальный завод в Бедже, целлюлозный завод в Кассерине. Здесь, в небольшом городе, имевшем в 1956 г. менее 3 тыс. жителей и являвшемся административным центром белого скотоводческого района, было построено современное предприятие, использующее 800 рабочих и служащих. На нем производится свыше 20 тыс. т бумажной массы ежегодно.

С 1968 г. в том же городе при помощи западногерманской фирмы началось строительство завода по производству бумаги, на котором, как предполагается, будет занято 400 человек. Завод сможет давать в год 25—30 тыс. т продукции, в том числе высшего сорта, предназначенной на экспорт [35, 76].

Упомянутые выше промышленные объекты должны были не только обеспечить внутренний рынок продукции, которая ранее полностью импортировалась, но и послужить основой для дальнейшего индустриального развития, создания широкой, тесно взаимосвязанной сети предприятий. Эта задача выполнена далеко не полностью.

В настоящее время на месте перерабатывается при мерно треть добываемой железной руды. Завод в г. Мензель-Бургиба производит 150—160 тыс. т чугуна, который частью экспортируется; 100 тыс. т стали (слитков), около 100 тыс. т стального проката и небольшое количество стальных и чугунных труб [174, 1974, III, 12]. Завод в г. Мензель-Бургиба вместе с несколькими другими небольшими литеинными предприятиями удовлетворяет 50% внутреннего спроса на прокат и металлоконструкции. Все виды профилированного металла, листовое же лезо, стальная проволока, рельсы и легированная сталь ввозятся из-за границы. Существующие в Тунисе предприятия металлообрабатывающей промышленности, предприятия по производству металлических изделий и технического оборудования могут удовлетворять только $\frac{1}{10}$ своих потребностей в оборудовании, сырье и полуфабрикатах за счет внутреннего производства.

В металлообрабатывающей промышленности (производство скобяных изделий, рессор, металлической мебели и т. д.) за последние годы появилось несколько мелких и средних предприятий. Начиная с 1967 г. их производуки покрывают $\frac{2}{3}$ внутреннего спроса. Потребности страны в промышленном оборудовании, транспортных средствах и электротехнических приборах на 90% обеспечиваются за счет импорта [95, 179—215].

Хотя программа инвестиций, намеченная десятилетним планом, была впоследствии несколько сокращена, уровень капиталовложений в Тунисе достаточно высокий. Доля инвестиций в отношении к ВВП в течение десяти лет (1962—1971) составляла в среднем 23% [54, 6, 64].

В то же время следует отметить, что большие капиталовложения, осуществленные за годы выполнения плана, не дали ожидавшегося прироста производства. Расчеты, сделанные нами на основании статистических материалов тунисского Министерства экономики (бывший государственный секретариат планирования и национальной экономики), показывают, что средние темпы прироста валового продукта в 1962—1971 гг. составляли не 6%, как намечалось по плану, а 5,4% (табл. 11). Правда, в конце 60-х и особенно в начале 70-х годов наблюдался значительный подъем темпов его роста: в 1971 г. ВВП увеличился на 9,5%, а в 1972 г. на 21%, (в 1973 г. прирост составил 1,2%, в 1974 г.—10,9%) [171, 16 XII 1974]. Более высоких показателей в период выполнения III плана развития удалось достичнуть благодаря тому, что инвестиции были переориентированы в отрасли, дающие быструю экономическую отдачу [см. 54, 48]. Кроме того, 1971 г. и особенно 1972 г. были исключительно благоприятны для сельского хозяйства. В 1972 г. собран небывалый урожай маслин, и стоимость полученной сельскохозяйственной продукции составила 143 млн. дин. (тогда как в течение 1960—1970 гг. она колебалась в пределах 75—95 млн. дин.) [по: 36; 59—65].

Стоимость валового внутреннего продукта не дает точного представления о действительной динамике производства. Более близок к ней показатель «валовое производство», из которого исключены так называемые «услуги администрации», то есть доходы служащих.

Средние темпы ежегодного прироста валового производства составляли в рассматриваемый период 5,3%, причем в 1966—1967 гг. наблюдалось его резкое падение (на 40% по стоимости). Среднегодовое увеличение суммы добавленной стоимости в отраслях материального производства соответствовало 4% (табл. 11).

Как указывается в материалах IV плана развития, в силу недостаточных темпов экономического роста национальный доход в прошлом десятилетии в среднем увеличивался всего на 2,4% в год, в расчете же на душу населения этот показатель составил 0,2%. При этом не наблюдалось вообще прироста потребления на душу населения [54, 48].

Следует, правда, заметить, что по сравнению с другими арабскими и африканскими государствами Тунис,

Таблица 11

Динамика роста валового внутреннего продукта и его компонентов*

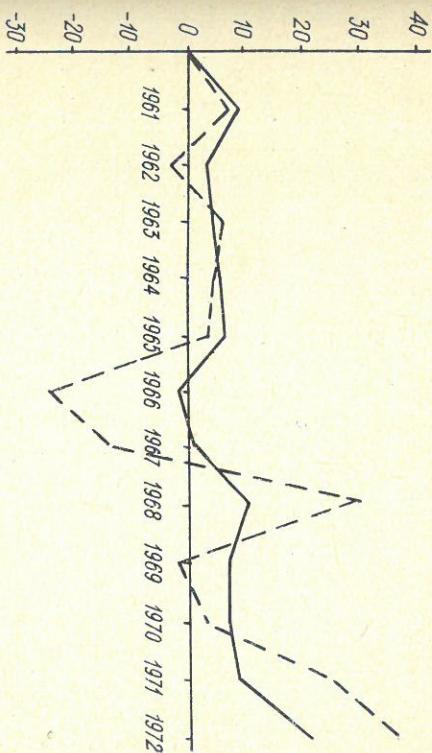
Год	Валовой внутренний продукт **, млн. дин.	Годовой *** прирост, %	Валовое внутреннее производство, млн. дин.	Годовой прирост, %	Материальное производство, млн. дин.	Годовой прирост, %	Доходы от торговли и услуг, млн. дин.	Годовой прирост, %
1961	361,0		308,6		210,0		98,2	
1962	372,0	3,0	314,0	1,8	211,0	0,5	103,5	5,4
1963	387,0	4,0	326,8	4,0	224,7	6,4	102,0	-1,5
1964	408,0	5,4	348,0	6,5	238,2	6,1	109,9	7,7
1965	437,0	7,0	374,0	7,5	252,6	6,0	121,7	10,7
1966	429,9	-1,6	355,8	-5,1	244,9	-3,0	110,9	-9,8
1967	434,7	1,1	356,9	0,2	241,2	-1,5	115,7	4,4
1968	478,9	10,2	393,9	10,3	271,7	12,6	122,2	2,9
1969	515,1	7,5	427,7	8,6	264,8	-2,5	162,9	5,0
1970	558,0	8,1	461,3	7,8	278,9	5,1	182,4	12,0
1971	611,2	9,5	514,7	11,6	307,7	10,1	207,0	13,4
1972	739,8	21,0	632,2	22,8	390,5	27,0	241,7	16,8
Средний годовой прирост в 1962—1971 гг.		5,4		5,3		4,0		5,0

* Составлена по: [36; 59—65].

** По факторной стоимости, в ценах 1966 г. Исключая доходы домашней прислуги.

*** По отношению к предыдущему году.

Рис. 1. Годовой прирост валового внутреннего продукта и динамика сельскохозяйственного производства

страна бедная природными ресурсами, по темпам экономического роста находится далеко не на последнем месте. Так, по расчетам западных исследователей, в Африке (не считая ЮАР) в 1960—1966 гг. две трети стран имели среднегодовое увеличение валового внутреннего продукта менее чем в 4% и только в семи странах оно превышало 5,5% (в таких, как Ливия, Берег Слоновой Кости) [131, 16, 17]. Однако не была обеспечена стабильность экономического роста, что во многом объясняется сохранившейся зависимостью тунисской экономики от сельского хозяйства. Это подтверждается совпадением изменений в динамике валового продукта с колебанием уровня сельскохозяйственного производства, что наглядно демонстрирует приведенный выше график (см. рис. 1).

Только в самые последние годы стали устойчиво подниматься доходы от добывающей промышленности благодаря открытию нефти, добыча которой компенсировала сокращение — из-за временно неблагоприятной конъюнктуры — производства фосфоритов. В сравнении с другими арабскими странами объем добычи нефти в Тунисе невелик: 4 млн. т в год, из которых 3 млн. т

экспортируются (главным образом в Италию), 1 млн. перерабатывается в Бизерте для внутреннего потребления [62, 49]. Но доходы от продажи нефти составляют четвертую часть внешних поступлений в тунисскую казну. Именно в результате того, что Тунис приступил к вывозу нефти, общая стоимость валового продукта в 1967—1969 гг. увеличивалась, несмотря на сильные засухи, сменившиеся затем наводнением, которое нанесло большой урон земледельческим районам, а также шахтам на юге страны и потребовало непредвиденных расходов на восстановление мостов и дорожной сети. В то же время удельный вес обрабатывающей промышленности в валовом внутреннем производстве практически не увеличился по сравнению с началом 60-х годов (табл. 12).

Таблица 12

*Структура валового внутреннего производства, в ценах 1966 г.**

Стоймость продукции по отраслям	1960—1962 гг.*		1969—1971 гг.	
	млн. дин.	%	млн. дин.	%
В сельском хозяйстве	256,8	28,4	247,1	19,3
В горной и нефтяной промышленности	20,4	2,2	97,7	7,6
В энергетической и обрабатывающей промышленности	165,7	18,3	205,1	16,0
В строительстве	93,9	10,4	127,5	9,9
Доходы от транспорта, торговли, туризма, найма жилищ и сферы обслуживания	368,6	40,7	605,5	47,2
Всего	905,4	100	1282,9	100

* Составлена по: [36, т. II, 19—21; 42, 96].

Говоря о результатах политики тунисского правительства, следует отметить, что на первых порах ему удалось несколько ослабить позиции бывшей метрополии в экономике страны, ограничить прямую эксплуатацию. Крупные иностранные компании были ликвидированы или поставлены под контроль правительства, в стране не сохранилось иностранной земель-

ной собственности, остались лишь единичные предприятия, целиком принадлежащие европейскому капиталу. Правда, французский частный капитал присутствует, видимо, во многих предприятиях, ставших формально тунисскими, в том числе и в компаниях, относящихся к «общественному сектору», скажем, в цементной промышленности. По неофициальным сведениям, в отдельных случаях иностранный капитал даже превышает 49%-ный лимит, выступая под видом тунисских вкладов. Существующие в Тунисе частные банки являются не чем иным, как бывшими филиалами крупных европейских банков, которые лишь юридически стали «национальными» и по-прежнему зависят от крупного международного капитала [203, 30 VII 1971]. Кроме того, в конце 60-х годов, когда стало очевидным, что ожидаемый приток национальных частных капиталов в индустриальный сектор обеспечить не удалось, возникла новая тенденция — шире привлекать в страну частные капиталовложения американских и западноевропейских промышленников.

В общей сумме поступлений из-за границы частные инвестиции в виде участия в акционерном капитале составляют небольшую долю — в 1960—1970 гг. она соответствовала 10%. Однако предполагается, что в течение 1973—1976 гг. она достигнут 16,8% (табл. 13).

Частные иностранные инвестиции представляют собой в первую очередь коммерческие кредиты и кредиты на поставку оборудования. Прямые капиталовложения, в 1967—1969 гг. колебавшиеся в размере около 10 млн. дин., главным образом направлялись в разведку нефти. Небольшая часть (0,1 млн. дин. в 1968 г. и 0,2 млн. дин. в 1969 г.) была вложена в горнодобывающую промышленность. 1,8 млн. дин. составили в 1969 г. инвестиции американской фирмы «Карной билдинг корпорейшн», взявшей подряд на строительство квартала дешевых домов на окраине тунисской столицы. Остальные средства, около 2 млн. дин., были вложены в туризм и некоторые отрасли обрабатывающей промышленности, которые отсутствуют. Но, судя по финансовым материалам бюджетов, в начале 70-х годов значительную сумму составили иностранные инвестиции в химическую промышленность [61, 81]. Кроме того, за последнее время в Тунисе появились иностранные предприятия, которые

Таблица 13
Объем, структура и источники
иностранный «помощи»*

	1960—1970 гг.		1969—1972 гг.		1973—1976 гг. (план)	
	млн. длин.	%	млн. длин.	%	млн. длин.	%
Государственная иностран- ная помощь безвозмездные дары правительственные зай- мы	161,2	22	80,7	21,8	78,5	15,2
Частные иностранные ин- вестции	276,5	38	163,4	44,0	286,6	55,7
Вклады в акционерный капитал	73,1	10	53,4	14,4	86,8	16,8
Денежные кредиты и кредиты на поставку оборудования	218,2	30	73,4	19,8	63,6	12,3
Всего . . .	729,0	100	370,9	100	515,5	100

* Составлена по: [95, 265, 54, 103].

7,3% стоимости валового внутреннего продукта по ры-
очным ценам [95, 272]. В течение последнего деся-
тилетия выплата внешних кредитов и процентов по ним
оглотила 16% всех валютных доходов Туниса [54, 52].
Главным заимодавцем Туниса стали Соединенные
Штаты, на долю которых приходится свыше 50% полу-
ченных страной с начала осуществления десятилетнего
плана кредитов. Уже к 1965 г. Тунис получил от США
кредитов на сумму в 130 млн. долл. Затем был заклю-
чен целый ряд новых соглашений. За период с 1966 по
1969 г. поступившая по государственному каналам ино-
странная помощь (в виде даров и займов) составила
80 млн. долл., из них 165 млн. предоставлены США
[60, 91, 61, 71, 75]. В общей сумме реализованных в
1965—1970 гг. государственных кредитов доля поступ-
лений от США составила 62%; свыше 18% пришлось
на страны Западной Европы, 13% — на МБРР [95, 267].
В период трений между Тунисом и Францией, кото-
рые активизировала свою политику в Тунисе и ФРГ. По дан-
ным Тунисской печати, начиная с 1961 г. ФРГ предо-
ставил Тунису ряд долгосрочных займов, исчисляю-
щихся в 100 млн. долл., не считая 16 млн. долл. безвоз-
мездной помощи [167, 15.V.1971].

Хотя Франция и не играет столь важной роли в ту-
нисских программах развития, она остается главным

работает на привозном сырье и изготавливают продукцию торговым партнером Туниса. На долю США падает
немножко итальянский на экспорт (западные фирмы Тунисаколо 20% импорта и всего лишь 1—1,5% тунисского
привлекает прежде всего своей дешевой рабочей силой) экспорта. На страны же «Общего рынка» приходится
такие предприятия, созданные главным образом в течь большую половину торгового оборота Туниса. В том чис-
тильной и швейной промышленности, где используется из Франции поступает треть импортируемых товаров
труд женщин. В качестве примера можно привести от (по стоимости), и она приобретает 25% тунисского экс-
порта недавно небольшие голландские и бельгийские корпорации [34, 1969, 53]. Связь с Францией очень важна
фабрики в Бизерте, американскую фабрику «Марса Мелла Туниса также потому, что бывшая метрополия яв-
рун» возле г. Тунис.

Нельзя не учитывать того обстоятельства, что у Туниса рабочей силы.
ниса, как и у многих других развивающихся стран, воз- Положение в сельском хозяйстве Туниса остается
никает новая форма зависимости — от внешних займов. Капиталовложения в этот сектор пока не да-
ется. В целом за годы выполнения десятилетней программы значительных результатов. Возможно, эти затраты
развития капиталовложений были на 40% финансируются в будущем, но в 1962—1970 гг. сельскохозяй-
ственными за счет помощи, полученной от иностранных государств и международных организаций. В 1970 г. внешня 0,2%, а в 1966—1967 гг. сократилось почти на один
ний долг Туниса, возросший в 5,5 раза по сравнению с 1961 г. Как отмечается в плане на
1961 г., оценивался в 311 млн. дин., что соответствовало 973—1976 гг., на протяжении первого десятилетия раз-

зерновых культур и в дальнейшем расширить площа под ними [167, 28.X.1967]. Растопавшие довольно обустроенных фондов) и включали 18 тыс. крестьян. В «кошим резервом техники, кооперативы оказались перегородками обслуживания» в тот же период входило женным рабочей силой. По данным, полученным путем опросов, в районе Мелжез-эль-Баб, где кооперативы сиделись образцового, на каждого из членов кооперативов приходилось только 10 дней оплачиваемой работы [205, 1966, X, 735]. В кооперативах вилает Эль-Кеф и Бизерта крестьяне в среднем были заняты 108 тыс. человек [59, 9; 171, 8.VII.1967]. Всего к исходу месяца приходилось лишь 10 дней оплачиваемой работы [205, 1966, X, 735]. В кооперативах вилает Эль-Кеф и Бизерта крестьяне в среднем были заняты 108 тыс. человек [59, 9; 171, 8.VII.1967]. Всего к исходу месяца приходилось лишь 10 дней оплачиваемой работы [205, 1966, X, 735]. В кооперативах вилает Эль-Кеф и Бизерта крестьяне в среднем были заняты 108 тыс. человек [59, 9; 171, 8.VII.1967]. Всего к исходу месяца приходилось лишь 10 дней оплачиваемой работы [205, 1966, X, 735].

По данным французской газеты «Монд», личный ход крестьян в кооперативах Севера колебался от 140 дней в году [148, 204; 137, 154]. По данным французской газеты «Монд», личный ход крестьян в кооперативах Севера колебался от 140 дней в году [148, 204; 137, 154]. По данным французской газеты «Монд», личный ход крестьян в кооперативах Севера колебался от 140 дней в году [148, 204; 137, 154]. По данным французской газеты «Монд», личный ход крестьян в кооперативах Севера колебался от 140 дней в году [148, 204; 137, 154]. По данным французской газеты «Монд», личный ход крестьян в кооперативах Севера колебался от 140 дней в году [148, 204; 137, 154]. По данным французской газеты «Монд», личный ход крестьян в кооперативах Севера колебался от 140 дней в году [148, 204; 137, 154].

В январе 1969 г. министр планирования Бен Салах принял решение за семь ближайших месяцев распространить кооперативную систему еще на 4,5 млн. га, то есть охватить ее всю сельскохозяйственную площадь — и предпочтительно в форме производственных объединений. (Напомним, что до этих пор крупных и средних земледельцев не принуждали вступать в кооперативы.) Весной и летом 1969 г. началась лихорадочная организация кооперативов. Уже к маю старые и вновь созданные кооперативы производственного типа («производственные объединения» и «кооперативы освоения») имели охватывали почти 3 млн. га; все «кооперативы обслуживания». На восточном побережье были выкорчеваны и «живания» намечалось превратить в производственные — сажки тысячи олив (всего 650 тыс.; 450 тыс. в один день [182, 19.VI.1970]). Однако из недостатков, непрекращавшихся кооперативами, было тем более неожиданным, что лица, ответственные за администрации, новые посадки не производили и земля пустовала. Иногда феллахам в возмещение предоставляемые участки, изъятые из государства и кооперативов, но обмен не шел по принципу гектара, и владельцы теряли часть площади.

В результате кампания по кооперации вызывала в большее недовольство крестьянской массы. Участники стихийных бунтов, порой дохоливших до вооруженных столкновений с полицией. Высшего накала достигла в начале 1969 г., когда было объявлено, что кооперативная система должна охватить абсолютно все земли. Следует иметь в виду, что в 1968 г. кооперации включали только 20% сельского самоуправления. «Производственные объединения» занимали 350 тыс. га, пятую часть обрабатываемой площади северных зерноводческих районов (в том числе 115 тыс. га), получены из государственного земельного фонда и насчитывали 26 тыс. членов. Кооперативы освоения сосредоточенные имели 360 тыс. га (в том числе 200 тыс. из государства забаллотированы Национальным собранием. Сам Бен-

Салах был обвинен в государственной измене и приговорен к 10 годам каторги. Сформированные в стечении предыдущие месяцы кооперативы были сразу распущены, а затем ликвидировано и большинство «старых», за исключением тех, что были созданы только на государственных землях.

На пресс-конференции 23 августа 1970 г. новый министр сельского хозяйства привел следующие данные о распределении земель в Тунисе (тыс. га): 4500 — во врашены частным владельцам, 720 — «государственный фонд» (в том числе 202 — производственные кооперативы), 200 — кооперативы по освоению новых земель, 68 — агрокомбинаты, 62 — образцово-показательные фермы, 112 — распределены среди молодых земледельцев, 80 — продаются с торгов [171, 23.VIII.1970].

По мнению многих наблюдателей, идущая в настоящее время передача земель частным лицам, столь же спешная, каким было и создание кооперативов, орудует не способствует стабилизации и наращиванием темпов сельскохозяйственного производства. Сейчас государство основной упор делает на оказание финансовой и технической поддержки частным капиталистическим хозяйствам (субсидии на модернизацию, организация системы обслуживания и т. д.). Мелкие же фермеры, получившие назад свою землю, не в силах наладить производство на новых началах, а старые формы ведения хозяйства, существовавшие до кампании по кооперируанию, уже не могут быть восстановлены. Огромно число мелких участков продаются крупным землевладельцам. Как отмечает орган итальянской коммунистической партии «Ринашита», массу бедных крестьян, которая «оказалась столь полезной, так как ее было легче маневрировать в момент смещения Бен Салаха, оставили на произвол судьбы; заплатив дорогой цену за политику „социалистического“ министра, они сейчас расплачиваются за политику либерального министра [203, 30.VII.1971].

Одновременно с ликвидацией сельскохозяйственных кооперативов начался ростпуск и коммерческих кооперативов и объединений, созданных в розничной и в оптовой торговле. На внутреннем рынке в период 1962—1969 гг. ведь играли роль приобретенные районные торговые общества профessionальные ассоциации: Общество по сбыту тек-

стильных товаров, насчитывавшее 800 акционеров [95, 470], кооператив «Аль-Лухум», объединивший мясоторговцев Туниса, компания СТИЛ, имевшая «старых», за исключением тех, что были созданы только на государственных землях. Общество по продаже канделярских товаров. Специальное управление взяли в свои руки концерн «Монополию на продажу пива и молочных продуктов», государственные управление взяли в свои руки концерн «Монополию на продажу важнейших продуктов: зерна и растильного масла.

Меры по централизации оптовой торговли, несмотря на их половинчатость, дали ощутимые положительные результаты. По подсчетам экономистов, доля коммерческой прибыли в стоимости ВВП сократилась с 16% в 1962 г. до 12,8% в 1968 г. [191, 11—12.IV.1971].

Однако за введенными в 1970 г. изменениями в законодательство, регулирующее систему сбыта (отмена монопольных прав «районных обществ» и снятие ограничий на создание частных компаний в оптовой торговле), последовал бурный расцвет частнопредпринимательской деятельности в этой области. Торговый оборот до 37,5 млн. дин. в 1971 г. [95, 477]. Параллельно им возникли десятки акционерных компаний, частных предприятий, специализирующихся на оптовой торговле. Только в области сбыта пищевых продуктов в 1971 г. действовало 84 новых предприятия.

К началу 70-х годов в стране существовали 314 коммерческих предприятий с ежегодным торговым оборотом свыше 1 млн. дин. каждое. Среди них пять Национальных управлений и два кооператива, которые реализуют 23% общей коммерческой прибыли, 50 частных акционерных компаний. Они получают 47% общей прибыли. Остальные 30% приходятся на индивидуальные предприятия. Среди них важнейшим является Национальное управление по торговле зерновыми, которое в 1970 г. приобрело за границей зерно на сумму 1,2 млн. дин. [95, 479]. Снабжение мукоомольных предприятий и пунктов розничной торговли ведется непосредственно Управлением. Что же касается Национального управления по торговле растильным маслом,

оно полностью осуществляет экспорт оливкового масла из Туниса и снабжает внутренний рынок дешевыми сортированными смешанным растительного масла и американским соевым маслом. Олераии на внутреннем рынке находятся в руках субподрядчиков, крупных коммерсантов.

Внешний рынок закрыт для частных предпринимателей, но они скапывают в различных районах Туниса маслины и оливковое масло, которое доставляют затем Национальному управлению. В 1970 г. им было дано право приобретать урожай маслин на корню и самостоятельно устанавливать цены на местные закупки. Через тех же частных предпринимателей ведется и сбыт продукции, потребляемой внутри страны. 27 частных коммерсантов закупают на центральных пунктах Управления крупные партии смешанного растительного масла, которое они затем распределяют розничным торговцам [95, 480—482].

В области внутреннего сбыта и экспорта цитрусовых государственный контроль практически свелен к нулю. В 1969 г. было распущено Тунисское общество по производству цитрусовых, объединившее 13 крупных коммерсантов и осуществлявшее под контролем власти основные экспортные сделки. В настоящее время 80% экспорт цитрусовых приходится на частный сектор. Остальные 20% экспортируют кооперативы обслугивания, об赖以生存ные непосредственные производители [95, 482—485].

Перемены в 1969 г. означали отказ от попыток промоделизировать и государственного вмешательства в сферу производственных отношений форсировать создание отвечающей современным условиям системы хозяйствования.

Причины неудачи применения методов дирижизма в Тунисе различны. Так, планирование основывалось на тесной взаимосвязи и взаимообусловленности моделируемых экономических, социальных и демографических процессов. Что касается количественных, экономических показателей, они не могли быть достигнуты отчасти в силу ошибочности самих расчетов. Как отмечал в своей книге, изданной еще в 1968 г., генеральный директор Планта Садок Бахрун, плановые показатели десятилетней программы, казалось, были основаны на большом количестве

статистических наблюдений, но все исходные данные относились к 1957 г., который был «наименее репрезентативным для тунисской экономики» [124, 79].

Существенный недостаток методики планирования заключался также в следующем. В модели роста, положенной в основу десятилетней программы, главным параметром является заданный темп увеличения валового национального продукта, тогда как все другие показатели (объем инвестиций, внутреннее накопление, уровень потребления и т. д.) оказывались производными величинами. Реальные же возможности достижения этих показателей были мало изучены [по: 124].

Поставив в центр расчетов необходимость ускорения темпов производства, авторы программы до какой-то степени пренебрегли другими задачами, стоявшими перед тунисской экономикой, в частности проблемой обеспечения занятости трудоспособного населения. Они предполагали, что в ходе осуществления плана эта проблема решится автоматически. Как замечает С. Бахрун, при выборе направлений инвестирования основным критерием служил уровень производства и практически не применялся коэффициент оптимальности, который должен был бы учитывать одновременно такие факторы, как продуктивность, рентабельность, перспективность предприятия с точки зрения экспортных возможностей и использования рабочей силы [124, 80].

В Декатилетнем плане недоучитывались возможные технические трудности реализации проектов, колебания внешней конъюнктуры. Конечно, многие из этих моментов не могли быть предусмотрены заранее. Так, в годы трехлетнего плана (1962—1964) намеченный объем валютных инвестиций не был достигнут не только из-за низкого уровня внутреннего накопления, но также в результате неполного освоения заемных средств. Дело в том, что кредиты (особенно из США) предоставлялись не в форме свободной валюты, а предназначались на определенные проекты, как правило, на покрытие закупок материалов, импортируемых из стран-кредитора. Тунисские специалисты отмечали, что французскую помощь было легче использовать, нежели американскую, поскольку Франция применяла систему «смешанных кредитов», позволявших финансировать одновременно и поставки капитального оборудования, и местные расходы [191, 7.VIII.1966]. Поэтому объем использованной иностранных

ранной помоши был ниже полученной номинальной. Позже тунисское правительство добилось изменения режима займов, но в течение первых лет выполнения плана для поддержания уровня инвестиций пришлось использовать средства финансирования инфляционного характера [124, 88].

Оценивая результаты мероприятий новодустровского правительства, специалист по экономике Туниса Ж. Понсе писал: «Чтобы закрыть бреши в своих химерических проектах, в которых ошибочно принимались за постоянные величины столь неустойчивые факторы, как курс цен на товары, объем и ориентация частных инвестиций, степень реализации обещанной иностранной помоши и уро- вень сельскохозяйственного производства, тунисское государство прибегло к отнюдь не прогрессивным ме- дам: закручиванию финансовых гаек, замораживанию зарплатной платы, увеличению денежной массы в обра- зении, чрезмерным изъятиям меновых и кредитных ре- зервов и, наконец, к девальвации и повышению цен на внутреннем рынке» [199, 1965, VIII, 23].

Но главная причина неудачи проводимых реформ была, очевидно, в том, что предлагавшаяся перестройка механизма хозяйственных связей должна была обес- печить, по замыслу, прогресс общества в целом, не уловившая вовремя близайших интересов практически ни одного из реально существующих в стране социальных слоев. Более того, в той или иной мере эти непосредственные интересы приносились в жертву — и потому в своей деятельности власти не имели определенной классовой опоры.

Можно сказать, что политика правительства опира- лась лишь на авторитет и силу самого правительства. Недаром именно в период «дирижизма» в Тунисе начали говорить об автономности политической власти в Тунисе о «бонапартистском» характере режима. Эта мысль полу- чила распространение и среди интеллигенции марксистских убеждений⁸, тогда как в первые годы независимости тунисская компартия безоговорочно определяла новодустровский режим как власть национальной буржуазии [см. 12].

Пройденный страной этап, связанный с реформами в экономике, особенно в завершающей его стадии, протекал в обстановке острой внутренней борьбы и имел вес, а неоднозначные политические последствия. Противо-

речивость сложившейся ситуации определялась уже тем, что главный инициатор создания кооперативных структур Ахмед Бен Салах — отчасти по своим идеям, отчасти благодаря личным связям — был фигувой, олицетворяющей левое, во всяком случае умеренно левое, направление тунисской интеллигенции. Тунисские коммунисты в ос-

новном держались линии критической поддержки экономических реформ. Поэтому его отстранение многими было воспринято как победа правых сил. И действительно, в прямой оппозиции к Бен Салаху находились противники какого бы то ни было «социализма», даже в дустревском варианте, фактически выражавшие интересы ущемленных реформами высших слоев тунисских собственников (такие люди, как, например, министр внутренних дел Мстири). Но, укрепившись после ухода со сцены Бен Салаха, эта группировка, стремясь завоевать авторитет среди той же интеллигенции и молодежи, выдвинула требование «либерализации» общественной жизни. На VIII съезде партии, состоявшемся осенью 1971 г., Мстири и его сторонники составили оппозицию президенту Бургиби и премьер-министру Нуире, добиваясь изменения статей конституции, закрепивших авторитарную форму правления, безраздельность президента, выказавшись за коллегиальность руководства самой партией. Еще до этого Мстири, так же как и его близкий друг, министр обороны Бен Аммар, был снят со своего поста. В январе 1972 г. он был исключен из рядов СДП за «фракционную деятельность», а затем и выведен из состава депутатов Национального собрания.

Показательно также, что при всей своей умеренности проводившиеся в Тунисе преобразования в экономической области вызывали беспокойство на Западе. Западные державы, и особенно США, стремятся удержать Тунис в орбите своей политики, привязать страну к капиталистическому рынку, исходя из того, что постоянная потребность ее экономики в иностранной помоши составляет основу правления Бургиби.

Предоставляя субсидии развивающимся странам — Тунис занимает одно из первых мест на Африканском континенте по размерам получаемой им американской помоши, — американский империализм стремится прямым

или косвенным путем поддерживать рост частнокапитала

листического сектора в этих странах. Поэтому настороженное отношение к проводившимся в Тунисе реформам со стороны западных держав, особенно со стороны США стало очевидным с момента введения политики пансионирования.

В заявлении посещавших Тунис делегаций американских бизнесменов, в докладе прибывшей туда в ноябре 1967 г. группы экспертов МВФ были высказаны рекомендации замедлить процесс создания кооперативов или вовсе отказаться от них [187, 10.XII.1967, 2]. Осенью 1969 г. Бургиба прямо говорил об этом в официальном выступлении: «Дружественные державы в том числе Франция, послы, аккредитованные в Тунисе убеждали нас, что страна шла по пути, ведущему в пропасть. Предоставляющие нам помощь организации — также, как Международный банк реконструкции и развития, — обращались к нам с неоднократными предупреждениями...» [183, 12.XI.1969].

Примечательно, что члены прибывшей в Тунис в 1967 г. для заключения деловых контрактов делегации американских предпринимателей сочли, что наличие государственного сектора создает неблагоприятные условия для вложений в тунисскую экономику. «Однако, — говорится в их докладе, — миссия была официально информирована о том, что государственная собственность и инвестиции были необходимы лишь ввиду недостаточности капитала в частном секторе. Правительство намерено выйти из обычной сферы приложения частного капитала, как только последний будет в состоянии оккупить предприятия данной отрасли. В качестве примера нам было названы промышленность, банки и страховые учреждения» [185, 30.I.1967].

Но позднее даже буржуазная западная пресса отметила, что сырьи тунисских реформ имеет сугубо отрицательные последствия, так как в глазах населения подавана сама идея кооперации, полезность которой давно признана в капиталистических странах [182, 19.VI.1970]. На самом деле неблагоприятный психологический эффект может оказаться гораздо глубже: в сознании широких масс обесценивается также и понятие «социализм», которое в представлении простого тунисца связывалось именно с кооперированием и нередко отождествлялось с ним. Это обстоятельство, как отмечается в последне-

программном документе тунисской компартии «За новый прогрессивный и демократический выбор», ставит особо сложные задачи перед левыми силами страны в их борьбе за массы [см. 182а, 1—7.X.1974, 23].

Экономические мероприятия 60-х годов оказали заметное влияние на социальную структуру тунисского общества, хотя происшедшие в ней изменения и не во всем соответствуют тем замыслам, которыми руководствовалось новодустировское правительство.

В известном смысле цель тунисской политики планирования заключалась в том, чтобы в рамках контролируемой экономики обеспечить формирование качественно новой буржуазии, буржуазии промышленного типа. Для этого было необходимо фактически ликвидировать «традиционную буржуазию» как экономическую общность. Реформы были направлены к тому, чтобы вовлечь ее в систему современного производства или в случае невозможности — вытеснить из хозяйственного кругооборота. Как показано выше, правительству не удалось добиться превращения посреднической буржуазии в класс промышленных капиталистов. Крупные тунисские собственники если и переменили свои капиталы, то внутри посреднической же сферы. После того как их торгово-спекулятивная деятельность была ограничена, они соглашались вкладывать капиталы только в такие отрасли, как туризм и сфера обслуживания, в лучшем случае в строительство. Имела место также иммобилизация капитала в виде сокровищ.

В 1969 г. частные предприятия в промышленности осуществили капиталовложения в размере 9,4 млн. дин., а в сфере торговли и услуг их инвестиции составили 17,2 млн. дин., в том числе 13 млн. было направлено на развитие туризма [61, 116]. В целом на протяжении первого десятилетия развития капиталовложения в промышленные предприятия на 3/4 финансировались за счет государственных средств [54, 10].

Хотя частный капитал играет некоторую роль в индустральном секторе, среди тунисских промышленников наберется едва ли десяток таких, которые ведут дела на уровне предприятий «общественного сектора». Среди них можно назвать следующие имена:

— Али Мхени. В столице ему принадлежат три фирмы — по производству металлоконструкций, по подрядам на строительные, землеройные и погрузочные работы.

«Али Мхени и К°» — самая крупная в стране кожевенная фабрика. В Сусе им создана «Компания Желлул и Аль Мхени», владеющая фабрикой по обработке строительного камня, цементным заводом и предприятием по жилищному строительству. Мхени принадлежит торговому контору по импорту и сбыту на внутреннем рынке промышленного оборудования.

— Мухаммед и Али Сфар — владельцы компании являющейся главным в стране производителем и экспортером фруктовых и рыбных консервов. Сфары сами владеют рыболовецкими судами. Имеют, кроме того, фирму по экспорту оливкового масла.

— Бен Йеллер — содержит целую сеть предприятий по обработке и размолу кофейных зерен (монополизируя эту отрасль), по производству шоколада и сладостей, по выжимке оливкового масла. Ему принадлежит фирма «Рошиль», занимающаяся экспортом и импортом пищевых продуктов.

— Клод Гозлан — тунисец из еврейской семьи, владелец фирмы, являющейся ведущим предприятием в мебельной промышленности. Она была основана в 1956 г. и имела тогда всего четырех рабочих. В 1964 г. предприятие состояло уже из четырех фабрик (по производству металлической, деревянной и кухонной мебели). В 1965 г. «Тунисско-американским обществом развития» и фирмой «Клод Гозлан» была создана акционерная компания для того, чтобы наладить в Тунисе производство тракторов и приборов для бурения скважин [см. 32; 40; 47].

Весьма знаменательно, что среди этой кучки тунисских промышленников трудно найти выходцев из «старинных» купеческих или землевладельческих фамилий. Если можно судить по публикуемым в экономических ежегодниках спискам владельцев предприятий, почти все эти люди, как и их семьи, были мало известны в деловом мире до независимости и выдвинулись уже в последнее время. Это лишний раз подтверждает тот факт, что «традиционная буржуазия» не стала в Тунисе источником формирования предпринимательской прослойки современного капиталистического типа. Отстраненная от власти, ограниченная в своей экономической деятельности, она продолжает существовать, в общем сохраняя свой консервативный характер, который изменился, быть может, лишь в том отношении, что тенденцию к накоп-

лению богатств сменило стремление к неограниченному потреблению.

Иными словами, деятельность правительства, по сути, ставившего целью ускорить капиталистический прогресс, была неприемлема для высшей прослойки тунисских собственников, испытывающей недоверие к социально чуждой ей правящей партии. Предлагавшиеся отдаленные перспективы развития не компенсировали в ее глазах утраты сегодняшних выгод.

В конечном счете политика дирижизма в наименьшей степени затронула верхушечные слои населения; известная ограничениям подвергалась частное предпринимательство, но не частная собственность. Произошло своеобразное удвоение верхушки общества. Наряду с торговово-земельной и торгово-промышленной буржуазией, которая не увеличилась численно и незначительно расширила свои позиции, на базе госаппарата и системы учреждений по управлению экономикой сложилась нечто вроде борократической буржуазии, которая непосредственно смыкается с партийно-государственной элитой, а самим своим существованием связана с наличием госсектора в экономике. Характерной особенностью формирования (бюрократической буржуазии) в Тунисе является то, что она почти не приняла в себя представителей старых привилегированных и денежных сословий и образовалась за счет выходцев из средних слоев.

Во многих случаях могло показаться, что правительство выступает защитником интересов мелкой буржуазии. Такая мысль тем более правдоподобна, что сама партия была создана в тридцатых годах молодой романнической интеллигенции, выходцами из зажиточной мелкобуржуазной прослойки сахельских городков; из той же среды образовалась и нынешняя административно-политическая элита.

Однако преобладание мелких форм собственности и мелких форм производства именно и составляло главное препятствие на пути к осуществлению задуманного новодустровским правительством плана экономического развития страны. И несмотря на то, что некоторые мелкие предприятия (такие, как образование кооперативов) предполагали закрепление определенной части мелких производителей, в целом реформы, предпринятые правительством, форсировали процесс разложения мелкой буржуазии, пролетаризации ее низших слоев.

В значительной степени под воздействием реформы повышение цен на продовольственные товары, тем более что оно касалось как раз необходимых продуктов, слойка мелких производителей — и этот процесс в целом таких, как мясо, рыба, растительное масло, фасоль.носит необратимый характер. Если в связи с восстановлением свободы частного предпринимательства можно было буржуазии в сфере торговли, то такие явления, как отчуждение от земли крестьянства, исход массы жителей из деревни, имеют окончательный характер. В результате усилившейся миграции происходит разрушение городских низов, деформирующее процессы классообразования в современном тунисском городе.

Что же касается рабочего класса и вообще лиц наемного труда, их материальное положение в 60-х годах заметно ухудшилось. Зарплата рабочих и служащих в течение десяти лет была заморожена на уровне 1955 г. Только в январе 1966 г. было повышен жалование низкооплачиваемых категорий наемных работников. Следующее повышение минимума заработной платы имело место лишь в 1971 г. Однако в первые годы независимости, несмотря на вызванное экономическим застоем общее ухудшение материальной обеспеченности трудящихся в положении таких категорий, как промышленные рабочие — не говоря уже о служащих администрации, — произошло известное улучшение просто благодаřа отъезду европеевцев, в результате чего тунисцам стали доступны более высокоплачиваемые посты. (Только в промышленности освободилось около 20 тыс., треть имевшихся тогда в этой отрасли постоянных рабочих мест.)

С переходом же к политике планирования для изыскания дополнительных бюджетных средств правительство вводило такие меры, которые повлекли за собой резкое (вздорожание жизни) (притом в первую очередь они оказывались на широких слоях городских тружеников, лич, живущих на заработную плату): возрастание косвенных налогов, система «экономики», увеличившая цены не только на предметы роскоши, но и на большой круг импортных потребительских товаров, девальвация динара... Резко подскочила кризисная роста цен. Если в 1963 г. общий индекс потребительских цен в тунисской столице по сравнению с 1960 г. стал выше на 3%, то за 1963—1966 гг., т. е. за тот же промежуток времени, он увеличился на 15,5% [46, 28; 39, 62]. Особено тяжело сказалось на положении трудящих-

ций президентом в словах «наемный рабочий — брат хорезма» [23, 18], объявило антигосударственной диверсией любые экономические требования трудящихся, даже представленные в самой мирной форме. В довольно сложной истории взаимоотношений правящей партии с профсоюзным центром ее усилия были направлены на то, чтобы изжить идею о существовании особых интересов рабочего класса. С трибуны VII съезда партии Бургиба обвинил некоторых лидеров ВСТТ (назавав их «хублистами», буквально хлебниками) в том, что, «игнорируя общенациональные интересы, они видят цель профсоюзного движения в систематическом увеличении заработной платы и в не менее систематическом сокращении рабочего времени» [16, 76].

Тем не менее тунисские власти признают как отрицательное явление отсутствие роста подушевого дохода населения. В IV плане развития отмечается, что в 1962 г. 75% жителей страны располагали доходом, не достигавшим 50 дин. на человека, что считалось тогда необходимым прожиточным минимумом. (В настоящем время он официально определяется в 70 дин.) Далее указывается, что к 1973 г. число лиц с доходом ниже «порога бедности» составляло 40% населения [53, 39, 178]. Однако эта оценка, как нам представляется, основана на существенно завышенных показателях.⁹

В плане конструируется, что национальный доход на протяжении истекшего десятилетия экономического развития увеличивался на 2,4% в год (в неизменных ценах) вместо предусмотренного на этот период увеличения на 4%. «Следовательно, — говорится в плане, — прирост подушевых доходов был минимальным, и, если бы не было эмиграции, благодаря которой прирост населения вместо 2,8% (естественный прирост) был снижен до 2,2%, он

был бы вообще ничтожным» [54, 177]. Среди категорий, располагающих самыми низкими доходами, в плане не названы: 70 тыс. семей мелких сельских хозяйств и 150 тыс. семей рабочих-сезонников в сельском хозяйстве и 90 тыс. семей ремесленников и временных рабочих в промышленности и сфере обслуживания. На долю этой части населения приходится 10% национального дохода [54, 180].

Четвертый план развития намечает осуществление капиталовложений в размере до 1,2 млрд. дин. (300 млн. дин. в год), причем предполагается, что лишь 24,3% этой суммы будет обеспечено за счет внешних займов и субсидий [54, 17—19, 47—53]. В ориентации капиталовложений по сравнению с предшествующим планами вносятся определенные корректировки, и прежде всего увеличивается часть инвестиций, направляемых в отрасли производства, способные в короткие сроки обеспечить экономическую отдачу и получение прибылей. «В начале первого десятилетия,— говорится в предисловии к новому плану,— были поставлены две противоречивые друг другу задачи: выделить 67% капитала с долгосрочной отдачей и тем не менее добиться 6%-го прироста экономики, что было явно недостижимо» [54, 11]. В ходе выполнения четырехлетнего плана на 1973—1976 гг. намечается довести до 60% долю инвестиций, предназначенных для секторов экономики, дающих непосредственные доходы как в сельском хозяйстве, так и в сельскохозяйственной сфере. В плане указывается, что на протяжении предстоящего десятилетия 2 млрд. дин. будут инвестированы в сельское хозяйство и другие производственные отрасли и 1 млрд.— в область «экономической и социальной инфраструктуры» [54, 12] (табл. 14).

В целом капиталовложения по наметкам четвертого плана должны возрасти до 24,5% валового национального дохода [54, 17]. Инвестиции в промышленности должны составить 32% общей суммы капиталовложений (против 29% в ходе выполнения десятилетней программы). Их общая стоимость будет равна 382,7 млн. дин. Они распределяются следующим образом: 34,0 млн. дин.— в горнодобывающую промышленность, 78,2 млн.—

Таблица 14
Распределение ежегодных капиталовложений*, млн. дин.

Организ.	1969—1972 гг.		1973—1976 ** гг.		1977—1981 ** гг.
	1969	1970	1973	1974	
Сельское хозяйство и рыболовство	27,7	44,4	75,7	75,7	
Промышленность	53,1	95,7	149,1	149,1	
в том числе обрабатывающая	19,6	40,1	54,7	54,7	
Сфера обслуживания	89,7	158,5	222,2	222,2	
в том числе транспорт и связь	25,7	48,9	92,5	92,5	
туризм	15,1	28,4	41,5	41,5	
жилищное строительство	23,3	36,1	44,1	44,1	
Всего	167,5	298,6	447,0	447,0	

* [54, 47]. Среднегодовые показатели.
** Запланированные показатели.

в энергетическую, 110,3 млн. дин.— в нефтяную и 160,2 млн. дин.— в обрабатывающую [54, 73—74]. Основная часть капиталовложений в обрабатывающей промышленности отводится текстильным, кожевенным и швейным предприятиям (25%), производству стройматериалов (21%), а также пищевой и консервной промышленности (18%). Особенно значительным будет увеличение инвестиций в производство стройматериалов— примерно в 4 раза [54, 74]. 53% общих капиталовложений предназначаются для сферы услуг. Они достичнут 634 млн. дин., причем 37% этой суммы пойдут на обслуживание туризма и транспорта [54, 71, 75].

Планом предусматривается увеличение доли частного капитала в инвестициях до 40%, в том числе в обрабатывающую промышленность до 51% [54, 46, 57, 69]. По сравнению с предшествующим десятилетием это означает существенное увеличение частных капиталовложений. Разъясняется это положение, составители плана ссылаются на концепцию «тунисского социализма». В том виде, как она была изложена на VIII съезде партии, смысл ее сводится к установлению равновесия между

C =
= *союз*
??

Ду частным и «общественным сектором». Объявляя себя сторонником социализма, президент Бургиба разъяснял борьбу, — говорил он, — пропасть между различными союзами избежать внутривладельческих конфликтов и классовой борьбы. В плане приводится ссылка на вышеупомянутое выступление Х. Бургибы, который призывает к борьбе против «бездействия, нищеты, невежества и болезней». «Если государство не выделит значительную

часть своих ресурсов и не направит свои усилия на эту

сторону понимании «социализм — это средство дости-
гнуть определенной цели, а именно — развития». А самая большая опасность, угрожающая стране, за-
ключается в социальных разногласиях, в классовой не-
правде предварительных разрешений на осуществление экономических проектов, кроме случаев, когда

требуется импорт оборудования.

Составители плана исходят из предположения, что валовой внутренний продукт в 1973—1976 гг. будет составлять около 1 млрд. дин. в год, что означает ежегодный прирост на 6,6% в год в сравнении с уровнем 1972 г. и на 8,8% по отношению к среднему показателю за период выполнения III плана развития [54, 49, 55].

Предполагается, что структура валового внутреннего продукта будет следующей: промышленность — 28,2%, сельское хозяйство — 16,1, сфера услуг — 55,7%. В год выполнения III плана это соотношение было следующим: промышленность — 25,6%, сельское хозяйство — 17,8% сферы услуг — 56,6% [54, 79].

В IV плане провозглашается намерение осуществить обширную социальную программу, в том числе изыскать решение для проблемы занятости и добиться повышения уровня жизни населения. Правда, в нем признается, что даже в том случае, если наметки этого плана будут выполнены и если удастся осуществить цели, намеченные на предстоящее десятилетие (увеличение капиталовложений в три раза, повышенные темпы экономического роста до 8%), можно буде-
лишь приблизиться к решению этих проблем. Важны условия выполнения поставленных задач считается снижение рождаемости в стране.

Показательно, что необходимость осуществления социальной программы в плане обосновывается стремлением избежать внутривладельческих конфликтов и классовой борьбы. В плане приводится ссылка на вышеупомянутое выступление Х. Бургибы, который призывает к борьбе против «бездействия, нищеты, невежества и болезней». «Если государство не выделит значительную

часть срочных мер с целью избежать обострения классовой борьбы в стране обращали особое внимание представители МБРР, посещавшие Тунис, и в частности президент банка Макнамара [54, 27—28].

Таким образом, основная задача нового плана сводится прежде всего к переориентации экономической стратегии с целью достижения возможно более коротким путем заметного улучшения состояния экономики, что считается необходимым не только для обеспечения независимого развития страны, но и для предотвращения социальных конфликтов, опасность нарастания которых в начале семидесятых годов становилась в Тунисе все более острой. В то же время четвертый план достаточно четко подтверждает линию правительства и новодустровской партии на привлечение местной буржуазии к участию в реализации экономических планов, что, бесспорно, будет означать и укрепление ее политического влияния в стране.

**ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЕ ТУНИССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ**

**Изменения в составе
самоиздательного населения**

Материалы официальной тунисской статистики содержат достаточно полную информацию о динамике, составе и занятиях самоиздательного населения. В стране дважды (в феврале 1956 и мае 1966 г.) проводилась всеобщая перепись населения; предпринимались также отраслевые и выборочные обследования рабочей силы, специальная сельскохозяйственная перепись; периодически публикуются результаты промышленных цензов.

Наибольший интерес для изучения классовой структуры представляют материалы всеобщих переписей, которые охватывают всю совокупность самоиздательского населения и дают его характеристику по некоторым признакам. Правда, сравнительный анализ этих источников осложняется тем, что при проведении переписей 1956 и 1966 гг. была применена неодинаковая система группировки данных, как и различные методы их сбора. Не вполне совпадают критерии, по которым выделялось трудоспособное и занятое население, принципы его классификации по профессиональному и социальному разрядам. Но при условии предварительной корректировки данных материалы демографической статистики позволяют получить достаточно достоверные показатели, отражающие классовый состав тунисского общества и наиболее существенные тенденции в его со временном развитии.

О значительных сдвигах в социальной структуре тунисского населения, произошедших уже в первые годы независимости, свидетельствует зафиксированное в итогах переписей изменение отраслевого распределения рабочей силы, прежде всего сокращение сферы занятости

в аграрном производстве. Этот процесс ведет к сужению основного, наиболее массового в прошлом социального слоя — мелкого крестьянства, к росту армии наемного труда и стягиванию ее в крупные городские центры, к увеличению относительного перенаселения.

Если в 1956 г., по данным переписей, в Тунисе более

2/3 самоиздательского населения приходилось на занятых сельским хозяйством, то к 1966 г. их доля составляла немногим более 50%, а численность снизилась с 880 тыс.

до 700 тыс. В то же время до 18% увеличилась часть населения, работающего в промышленности, строительстве и на транспорте. Почти вдвое возросла численность лиц, занятых в «третьичном секторе» (табл. 15)¹.

Судя по всему, и в других странах Северной Африки действует устойчивая тенденция к сокращению удельного веса занятых в аграрном секторе. По нашим подсчетам, сделанным на основании результатов национальных переписей, сообщенных МОТ, в Египте занятые сельским хозяйством составляли в мужском самоиздательском населении² 62,6% в 1947 г., 56,6% — в 1960 г. и в 1966 г. — 55,4%. В Алжире за 1954—1966 гг. их доля уменьшилась с 75% самоиздательского мужского населения (мусульман) до 52%. В Тунисе соответствующий показатель изменился между 1956 и 1966 гг. с 64 до 43%³ (табл. 16).

Однако относительное сокращение аграрного населения может ити и при численном его возрастании. Так, в Египте, по официальным данным, за 1947—1966 гг. число работающих в сельском хозяйстве мужчин увеличилось с 3,6 млн. до 4,3 млн. Но в странах Magриба наблюдается абсолютное уменьшение сельскохозяйственного населения. За период, охваченный переписями, в Алжире численность мужчин, занятых в аграрных отраслях, снизилась с 1,6 млн. до 1,3 млн., в Тунисе — с 540 тыс. до 440 тыс. [см. 98, 1962 и 1970]⁴.

Как показывают данные тунисской статистики, при общем убытке сельскохозяйственного населения, отмеченной в 1956—1966 гг., в некоторых отраслях аграрного сектора (в лесоводстве, мелиорации, в системе администрации-технического обслуживания) число работающих увеличилось, но резко сократилась численность занятых в земледелии. Это произошло за счет уменьшения простой крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство. Если судить по результатам всеобщих перепи-

Таблица 15

Распределение самодеятельного населения старше 15 лет по отраслям*

Сектор экономики	Первый вариант (максимальная оценка)				Второй вариант (минимальная оценка)			
	1956 г.		1966 г.		1956 г.		1966 г.	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Сельское хозяйство	878,5	67,7	698,0	52,0	550,5	56,6	448,0	41,0
Промышленность и другие отрасли несельскохозяйственного производства	152,0	11,7	242,0	18,0	152,0	16,0	242,0	22,1
Торговля и обслуживание; административная система . .	146,0	11,3	287,0	21,3	146,0	15,0	287,0	26,2
Лица с неопределенными занятиями	120,5	9,3	117,0	8,7	120,5	12,4	117,0	10,7
Все самодеятельное население	1297,0	100	1344,0	100	969,0	100	1094,0	100

* Составлена по: [98; 69; 73; 74].

* Составлена по: [98, 1962, 14—19; 1970, 44—57].
** Вне отраслей хозяйства, помимо лиц, имеющих неопределенные (или «трудно квалифицируемые») занятия, Учитывались: в Алжире — впервые ищущие работу (1966); в Тунисе — впервые ищущие работу (1966); в Марокко — все безработные (1960).

сей, в 1956 г. среди мужчин, занятых в аграрном секторе, насчитывалось 320—330 тыс., а в 1966 г. — лишь 190 тыс. человек, которые работали в собственном хозяйстве. Их распределение по отраслям и социальным группам было следующим (в тыс. человек) [по: 69; 73]:

Отрасли	1956 г.		1966 г.*	
	Земледелие и скотоводство . . .	529	Помогающие члены семьи . . .	355
Мелиорация земель, лесное хозяйство и прочие	3	75		
Рыболовство	8	10		
Социальные группы				
Занятые в своем хозяйстве . . .	320—330	190 ^{раб}	20 ^{раб}	
Помогающие члены семьи . . .	(40—30)			
Наёмные рабочие (включая непостоянно занятых, поленщиков и безработных).	180	230 ^{раб}		
В том числе в «отрядах по борьбе с отсталостью»	—	(70)		
Всего . . .	540	440 ^(рабочих)		

Эти цифры могут вызывать некоторое сомнение, особенно если сопоставить их с данными о земледельческом населении, полученными в ходе аграрной переписи

Таблица 16
Хозяйственно-отраслевая структура мужского самодеятельного населения стран Северной Африки*, %

Сектор экономики	Египет		Алжир		Тунис		Марокко	
	1947 г.	1966 г.	1954 г.	1966 г.	1955 г.	1966 г.	1960 г.	
Первичный . . .	62,6	55,4	75,4	51,8	64,3	43,0	58,1	
Вторичный . . .	16,2	21,1	8,5	15,2	11,9	21,0	12,6	
Третичный . . .	21,1	20,4	6,7	18,5	9,5	25,5	15,8	
Лица с неопределенными занятиями ** . . .	0,1	3,1	9,4	14,5	14,3	10,5	13,5	
Все самодеятельное население	100	100	100	100	100	100	100	

1961—1962 гг. При проведении переписей населения хо- зяйственно-отраслевая и социальная структура определяется на основании личных сообщений опрашиваемых об их профессиональной принадлежности и социальной статусе. Давно замечено, что в статистике азиатских африканских стран появляются преувеличенные данные о численности «класса земледельцев», так как к нему склонны относить себя многие лица, в действительности не занятые в сельском хозяйстве. Это объясняется рас пространенностью землевладельцев-абсентеистов, та- и мотивами социальной престижности. Некоторые иска- жения могут возникать также из-за разного подхода при классификации полученных данных.

В результате аграрной переписи были получены более детализированные сведения о занятиях сельского населения. В 1961—1962 гг. в стране было учтено 326 тыс. частных земледельческих хозяйств на собственной и арендованной площади [см. 87]⁵. Тем не менее среди лиц, возглавлявших семейное или предпринимательское хозяйство, только 166 тыс. (51%) посвящали ему все или большую часть рабочего времени [87, 18]. Остальные хозяева занимались главным образом иным трудом, который, вероятно, доставлял им основные средства существования, судя хотя бы по тому, что $\frac{3}{4}$ из них отсутствовали больше половины года [87, 61—65]. В последней категории подавляющее большинство (145 тыс.) составляли мелкие крестьяне, владеющие участками до 20 га. Не имея возможности прокормить со своего надела, они поручали его родственникам, большую часть времени где-то подрабатывая, батрача в чужих хозяйствах, но чаще всего записывались в «отряды по борьбе с отсталостью»⁶. Выдаваемое там нищенское пособие, видимо, превышало доход, который давала крестьянам собственная земля. Эти отряды — своего рода трудовые лагеря для безработных — существуют в Тунисе с 1955 г. и используются преимущественно на посадках леса, на работах по мелиорации и закреплению почв.

Эти факты приводят к мысли о том, что данные тунисских переписей, касающиеся структуры самодеятельного аграрного населения, не вполне сопоставимы. Переписи не выделяют в особую группу людей, работавших в «отрядах по борьбе с отсталостью». Есть основание предположить, что в материалах переписи 1956 г.

сельские жители, состоявшие в «отрядах по борьбе с отсталостью», почти полностью были причислены к земледельческому населению и учтены в качестве самостоятельных хозяев, если они имели свой участок земли. В 1966 г. часть находившихся в «отрядах» была отнесена к сельскохозяйственным рабочим, а другие, используемые на ремонтно-дорожных работах, на расчистке земли и т. п., были учтены среди занятых в сфере обслуживания [73, 116]. Численность «отрядов по борьбе с отсталостью», в 1958—1966 гг. колебавшаяся в пределах 100—300 тыс. человек⁷, является показателем аграрного перенаселения и свидетельствует о масштабах неполной занятости, которая все больше пребывает в сельских районах Туниса явные формы безработицы.

Как известно, рост аграрного перенаселения в афроазиатских странах в значительной степени был связан с резким ускорением темпов увеличения численности населения к середине XX в. Однако этот фактор действовал в зависимости от сопутствующих изменений в структуре сельскохозяйственного производства. В тех странах, где колониальная эксплуатация деревни велась преимущественно путем изъятия для внешнего рынка части продукции, производимой в рамках традиционного хозяйства, аграрное перенаселение достаточно продолжительное время могло сохраняться в скрытых формах — за счет увеличения числа занятых при постоянном понижении интенсивности и производительности их труда.

В Алжире и Тунисе способность традиционного хозяйства удерживать избыточную рабочую силу ограничивалась тем, что местное население было вытеснено европейской земельной колонизацией со значительной лучшей площади. Это вело не только к ускоренному обезземеливанию крестьянства в зоне колонизации, но и вызвало резкий упадок традиционного хозяйства в областях, где не было экспроприации земель. Особенно пострадало в Тунисе население обширных центральных областей, где основная отрасль — скотоводство было подорвано прекращением летних перекочевок на Север. Так же было в районах Высокого и Северного Тела, жители которых, сочетавшие земледельческие занятия с отгонно-пастбищным животноводством, лишились возможности использовать близлежащие луга, занятые под крупные зерноводческие фермы.

*изменяющее + неизменяющее
= лесное производство и промышленность*

рабочего Капиталистическое хозяйство в тунисском земледелии, сложившееся в основном на базе зерновой монокультуры, отличается малой потребностью в живом труде, который легко заменяется техникой. Развитие современного сектора здесь сопровождалось не вовлечением в производство дополнительной рабочей силы, а пропрессирующим снижением уровня занятости.

В крупных хозяйствах северных зерноводческих областей наемные рабочие, занятые круглый год, обслуживаются от 60 до 100 га каждый. Но и использование временных рабочих не имеет массового характера. Сезонники набираются, как правило, на срок в 1,5—2 месяца, из расчета один человек на 50—100 га [77—87, 148]. По оценке специалистов ФАО, на рубеже 50-х годов площадь «модернизированных хозяйств» составляет 1356 тыс. га, или 35% обрабатываемого тогда земельного фонда [202, 1968, № 15, 19]. Согласно данным 1961—1962 гг., машинная обработка земли применялась в хозяйствах, занимавших 2,2 млн. га, почти половины используемых под земледелие площадей [87, 72].

Сами условия земледелия и его специализации в ряде районов обуславливают низкую потребность в использовании рабочей силы. В стране ведущее место занимают две сельскохозяйственные культуры: оливы, которые насчитываются около 40 млн. стволов, и зерновые — в основном пшеница, уступающая место ячменю в засушливых районах⁸. Выращивание зерновых на бахчевых землях, как и уход за оливковыми плантациями требуют затрат труда в среднем не более 100—130 дней в году.

Прежде земледелие в Тунисе сочеталось с разнообразными ремесленными промыслами, которые в ряде районов (особенно на восточном побережье и в оазисах) служили населению даже не побочным, а столь же важным источником доходов, как и сельское хозяйство. Поэтому разрушение традиционной промышленности самым опутанным образом сказалось на положении сельскохозяйственного населения. А поскольку в Тунисе (по крайней мере с конца 30-х годов) не находилось сколько-нибудь значительного освоения новых земель⁹, можно считать, что аграрное перенаселение здесь обогнало естественный прирост сельского населения.

Реализация государственной программы индустриализации

		1956 г.		1966 г.	
Горнодобывающая промышленность	15,0	23,5			
Обрабатывающая промышленность	79,7	103,6			
Строительство и «общественные работы»	28,0	59,4			
Электро- и водоснабжение	3,0	17,1			
Транспорт и связь	26,3	38,7			
Всего	152,0	242,3			

1956 г.
1966 г.

1956 г.
1966 г.

Следует, однако, заметить, что статистические материалы дают приблизительное представление о численности людей, чей труд прилагается в данном секторе экономики. В итоговых данных переписей населения учитывается главное занятие и на этом основании самодействующее население разделяют по сферам хозяйственной деятельности. Это распределение весьма условно, так как в системе мелкотоварного производства границы групп занятости подвижны, одно лицо нередко имеет занятия в различных отраслях. Особенно часто совмещается торговля с ремеслом либо мелким промышленным предпринимательством; многие земледельцы сами осуществляют переработку сельскохозяйственной продукции (к примеру, отжим оливкового масла)¹⁰. В части статистических материалов они могут фигурировать как занятые в промышленном секторе.

Возникают существенные расхождения между итогом ¹ всеобщих переписей населения и отраслевых обследований рабочей силы. В ходе подобного обследования проводившегося в 1964 г., на предприятиях пищевой промышленности было насчитано 25 тыс. человек [43, 33]. Промышленные цензы 1964—1966 гг. учитывали в пищевкусовом производстве менее 7 тыс. [48, 13], а перепись 1966 г.—15,5 тыс. занятых [73, 87].

Сравнение переписей 1956 и 1966 гг. показывает, что занятость в непроизводственном, «третичном» секторе ² намного превышала ³ увеличение ⁴ самоиздательского населения в промышленных отраслях экономики. Впрочем, эта сфера объединяет самые различные виды деятельности, а их классификация в статистике каждой страны имеет свои специфические особенности. Ниже мы приводим данные переписей об увеличении самоиздательского населения, связанного с непроизводственным сектором (чисто занятых в труде) [составлено по: 69; 73]:

	1956 г.	1966 г.
Администрация	57	86
государственные и муниципальные учреждения	26	56
судебные органы и полиция	3	10
армия	8	20
Общественное обслуживание	20	95
образование, культура	13	29
здравоохранение	5	8
социальное обеспечение, общественные и религиозные учреждения и т. д.	2	58
в том числе «отряды по борьбе с отсталостью»	62	73
Торговля и финансы	48	33
Бытовые услуги	27	
Итого	146	287

Наибольший прирост занятых наблюдался в администрации и общественном обслуживании. Правда, в материалах переписи 1966 г. к этому разряду была отнесена часть «отрядов по борьбе с отсталостью» (учтены в графе «социальное обеспечение»). Такая классификация не совсем точна, так как «отряды» иногда привлекаются и к производственной деятельности. Но даже без «отрядов» число занятых в административных и об-

щественных учреждениях увеличилось более чем вдвое — с 57 тыс. до 127 тыс., а без иностранцев в четырех разах — с 34 тыс. до 115—120 тыс.

Число занятых в торговле и бытовых услугах возросло всего на 23,5%. Но надо иметь в виду, что ⁵ почти треть из них составляли европейцы. Число занятых в сельском хозяйстве 1956 г. ⁶ почти треть из них составляли европейцы. Число занятых в сельском хозяйстве 1956 г. ⁶ почти треть из них составляли европейцы. Число занятых в сельском хозяйстве 1956 г. ⁶ почти треть из них составляли европейцы.

При этом ⁷ «не имеющих определенных занятий», живут за пределами села, занятые в сфере торговли и услуг. По данным переписи 1966 г., среди занятых вне сельского хозяйства 430,7 тыс. (80%) составили рабочие населения, связанные с непроизводственным сектором «самостоятельный» хозяева, не использующие наемного труда (табл. 17).

Таблица 17
Распределение по социальным группам самоиздательского населения в непроизводственных отраслях экономики*, в 1966 г., тыс. человек

Группы занятых	Отрасли			
	промышленность, строительство и транспорт	торговля и банки	обслуживание, администрация	Всего
Предприниматели, использующие наемный труд	4,6	4,4	1,8	10,8
Высшие управленческие кадры	1,6	1,0	2,8	5,4
Служение	17,0	5,2	58,5	80,7
Работчики	180,0	23,6	141,0	344,6
Самостоятельные хозяева	38,7	39,3	9,0	87,0
Всего	241,9	73,5	213,1	528,5

* Составлена по: [74].

Принятое в демографической статистике капиталообразующее и развивающиеся страны понятие социальной

категории (или социального статуса) основано на ежеские по ремонту радиоприемников, велосипедов, бытовом признаке — отношении к найму. Выделяемых приборов и т. п.). Таким образом большие группы населения включены в себя прослойки, весьма далекие друг от друга по другому общественному положению, уровню жизни, характеру общественному положению, уровню жизни, характеру труда.

Широкая трактовка дается термину «рабочие», это рабочие, занятые физическим трудом. В условиях бытования белудинской одежды, домашних и хозяйственных предметов, например ремней и упряжи, рыбакской масла — нередко являются специальностью какого-то мастерства, больших сосудов-амфор для хранения оливкового масла — иногда целого городка. Но они обафро-азиатских стран большую, а нередко и подавляющую часть этой категории составляют пограничные, «улупролетарские» слои — поденные рабочие, занятые различными видами работ, живущие в промышленном производстве и на транспорте, а свыше 160 тыс. — в торговле и различных видах обслуживания [по: 74].

Очень пеструю картину представляет собой категория самостоятельных хозяев, в которую наряду с ремесленниками и мелкими лавочниками включаются как личные, так и промышленники, по своему материальному положению примыкающие к верхушечным слоям тунисского общества, так и представители самых неимущих, пауперизованных слоев населения. Это, с одной стороны, владельцы адвокатских контор, работающие по заказа архитекторы, занятые частной практикой врачи, а с другой — бакшиши, бродячие торговцы, чистильщики и прочие «лица уличных профессий» (согласно классификации в материалах переписи 1956 г.).

Мелкие производители, городские и сельские ремесленники, в настоящее время составляют в Тунисе менее 20% рабочей силы, занятой в промышленных и сельскохозяйственных отраслях. К сожалению, проводившиеся в стране обследования кустарного производства были весьма неполны, а их цифровые данные практически несопоставимы. Но, судя по всему, уже к началу 60-х годов среди мужского населения Туниса насчитывалось немногим более 20 тыс. ремесленников традиционного типа — занятых в текстильном, кожевенном, гончарном производстве. Наряду с этим получило развитие мелкое предпринимательство в строительстве и в области технических ремесел (к которой относят мастера)

гает на скупщиков, которые поставляют им сырье для производства.

Как показывают результаты проведенного в 1965—1968 гг. обследования семейных бюджетов, в тунисских средних городских столицах нового типа, состоящие из лиц наемного труда. В 1966 г. насчитывалось свыше 80 тыс. служащих, причем 60 тыс. работали в системе государственного-административного аппарата, учреждений и предприятий «общественного сектора». Почти половину из них составляли лица, имеющие высшее и среднее специальное образование. Это учителя начальной и средней школы — около 20 тыс., младший медицинский персонал — 7 тыс., инженерно-технические кадры в производстве — 3,5—4 тыс. [73, 87—127].

До независимости средние учебные заведения существовали практическими лишь в рамках французской школы. Единственным исключением был «колледж» Садыккий, созданный еще в 1875 г., чтобы готовить для административной службы людей, знакомых как с арабо-мусульманской культурой, так и с науками Запада. Обучение в Садыккий было бесплатным, учеников отбирали по конкурсу. В 1955 г. там обучалось 1,3 тыс. человек; 5 тыс. тунисцев посыпало французские лицеи. Помимо того, существовали средние школы при старинном богословском университете Зейтуна, ко-

торые в 50-х годах насчитывали 15 тыс. учеников. Сам университет имел 1 тыс. слушателей. В соответствии с реформой, начатой в 1958 г., в Тунисе были ликвидированы коранические школы-куттабы и создана единая система школьных учреждений. Средние учебные заведения, включая технические и педагогические колледжи, к настоящему времени ежегодно заканчивают до 10 тыс. человек. 2—3 тыс. учащихся получают университетские дипломы в Тунисе и за границей.

«Традиционная» интеллигенция, получившая образование в Зейтуне, в настоящее время состоит преимущественно из лиц поколого и среднего возраста. Они еще составляют значительную часть учителей начальной школы (преподаватели арабского языка), служащих местной администрации, судебных органов и полиции [202, 1969, № 16, 14]. Эти люди в основном принаследуют к низкооплачиваемой категории и редко попадают на сколько-нибудь ответственные посты.

Новая тунисская интеллигенция, формирующаяся в стенах университета, по своему социальному происхождению связана главным образом с мелкой буржуазией, пролетарскими и полупролетарскими слоями городского населения. Уроженцы сельских мест составляли в 1965/66 г. примерно треть учащихся Тунисского университета; 18% студентов принадлежали к буржуазной среде и другим привилегированным кругам общества; 42% были выходцами из семей мелких предпринимателей, служащих средней и младшей категорий, зажиточных крестьян. У остальной части студентов родители были малоземельные крестьяне (14%), торговцы и ремесленники, не имевшие в своих заведениях других помощников, кроме членов семьи (11%), промышленные и сельскохозяйственные рабочие, поденщики, безработные (15%) [202, 1969, № 16, 108—116].

Немалые трудности представляет определение численности и структуры частнопредпринимательской про-

стойки, поскольку в тунисской статистике отсутствуют сведения о ее доходах. Данные о применении наемного труда не могут служить достаточным показателем для того, чтобы выделить крупную и среднюю буржуазию. При проведении переписи 1956 г. были разграничены предприниматели, использующие труд 5 и более рабочих, и мелкие производители, работающие самостоятельно либо нанимающие 1—4 человека. Среди торговцев

выделяли лиц, имевших более двух работников. Всего в стране тогда насчитывалось около 5 тыс. собственников (тунисцев и европейцев), которые, судя по масштабам найма, имели дело капиталистического типа [по: 70].

В 1966 г. для всех отраслей был принят единый показатель. Различались предприниматели, имеющие более 5 и менее 5 рабочих, отдельно учитывались хозяева, не использовавшие наемный труд. Однако намерение выделить высшую прослойку предпринимателей не дало результатов. Из 23 тыс. хозяев, использовавших наемный труд (включая землевладельцев), большие половины не указали числа рабочих; только 600 заявили, что нанимают более пяти [см. 75].

Что касается промышленных переписей, то в них учитываются лишь хозяева предприятий, принадлежащих отдельным лицам. В 1970 г. 90% от 620 ценных промышленных предприятий (с числом занятых свыше 20) имели форму частных или смешанных акционерных обществ, а сведения о составе капитала компаний не отговариваются. Группы, предпринятые некоторыми группами специалистов, в частности Национальной школой администрации, провести исследование этого вопроса, были безуспешны, так как анкеты, рассыпавшиеся по промышленным и финансовым организациям, остались незаполненными.

Во всяком случае, можно полагать, что крупная и средняя промышленная буржуазия в Тунисе исчисляется несколькими сотнями, а может быть, десятками человек. Более значительной по своему удельному весу остается торговая и земельная буржуазия. Только в оптовой торговле действуют больше тысячи предпринимателей; владельцев крупных товарных хозяйств в сельских районах насчитывается не менее 10 тыс. [см. 71, 87].

Многие факты говорят о том, что в годы независимости наиболее влиятельной частью тунисского общества стали высшие кадры государственного аппарата. Судя по данным переписей, в 1956 г. часть служащих, исполнявших функции управления в административном и хозяйственном-финансовом аппарате, состояла из 4,9 тыс. человек (в том числе 1,5 тыс. тунисцев). В 1966 г. к категории «высшие административные кадры» было отнесено почти 6 тыс. служащих (вместе с занятыми в сель-

ском хозяйстве). Эти данные близки к результатам подсчетов, проведенных в 1964 г. тунисским социологом

Л. Бен Салем. Имея доступ к материалам о штатном расписании административных учреждений, она получила возможность достаточно точно установить состав управлеченческих кадров министерств, национальных компаний, банков, а также крупных смешанных и частных предприятий. По ее сведениям, служащие категорий А (с окладом от 300 до 750 дин.) составляли 4,5 тыс., не считая 2 тыс. работавших по контракту иностранных специалистов. Они распределялись следующим образом:

2,6 тыс.—в органах гражданской и судебной администрации, в системе просвещения и здравоохранения; 1,7 тыс.—в министерстве экономики и планирования и в подчиненных ведомствах, включая государственные и смешанные компании; 0,2 тыс.—на частных предприятиях [127, 100, 156, 172].

С образованием государственного сектора руководя-

щие кадры партийного и административного аппарата одновременно стали занимать посты и в органах управления экономикой. Видные партийные функционеры, губернаторы провинций, ответственные чиновники министерства планирования стали директорами многих государственных и смешанных компаний [127, 335]. Наряду с этим состав управлеченческих кадров все больше пополняется за счет молодых специалистов, непосредственно попадающих в аппарат управления из высших учебных заведений. По подсчетам Бен Салем, свыше 60% высших управлеченческих кадров в экономике (директоров и вице-директоров компаний, начальников управлений, главных экспертов и т. п.) составляют люди, родители которых имели более скромное общественное и материальное положение. Их отцы занимали низшие посты в администрации, либо были крестьянами, мелкими лавочниками, ремесленниками, пекарями, пекариками; 6% имели отцов-рабочих. И лишь 15% руководящих кадров в экономике вышли из семей бывших коммерсантов, предпринимателей в области промышленности (включая ремесленников, использовавших наемный труд), а 11%—из семей крупных землевладельцев или зажиточных крестьян [127, 221].

В целом, опираясь на перепись населения и другие статистические материалы, можно сделать следующие расчеты, характеризующие социальную структуру муж-

ского самодеятельного населения (без европейцев, тыс. человек) [по: 69; 73]:

	1956 г.	1966 г.
Бургазия, высшая бюрократическая прослойка и представители свободных профессий, примыкающие к ним	5—10	10—15
Служащие	30	70—75
Крестьянство	310	180
Мелкие предприниматели	5	10
Ремесленники и торговцы, не эксплуатирующие наемный труд	60	60—70
Неоплачиваемые семейные работники	45	30
Сельскохозяйственные рабочие и батраки-плоденищи	170	230
Городской пролетариат, связанный с крупным производством	40	100
Прочие лица наемного труда в несельскохозяйственных отраслях	70	120
Поденщики и безработные в городе	100	170
<i>Всего</i>	<i>840 тыс. затрачено</i>	1000

Эти расчеты показывают, что прослойка мелких производителей в Тунисе резко сузилась. Вместе с предпринимателями, панимающими не более пяти человек, и родственниками-мужчинами, работающими в семейных хозяйствах, она сократилась с 50 до 29% самодействующего населения. К исходу первого десятилетия независимости среди мужского самодеятельного населения лишила наемного труда образовали уже преобладающую массу—до 70%. Однако большие половины среди них составляли безработные, сезонные рабочие, лица, занятые в «отрядах по борьбе с отсталостью», поденщики и полузаработные.

В научной литературе, посвященной афро-азиатским странам, неоднократно отмечалось, что главной формой относительного перенаселения в этом регионе является не безработица в чистом виде (резервная армия труда), а неполная занятость, зачастую прикрытая различными формами деятельности вне сферы производства. Тунисская биржа труда не оглашает сведений о числе учитываемых ею безработных; к тому же регистрируется очень малая их часть. Итоги переписей дают неполное представление об истинных размерах безработицы, и тем более о численности частично занятого населения [2]. В различных тунисских источниках нередко встречается цифра 300—400 тыс., определяющая число

частично безработных, но это приблизительная, кочующая из одной публикации в другую оценка [154, 87; 172, 525].

650-66 Судя по данным всеобщих переписей, в течение первого десятилетия независимости рабочий рост коренного населения из аграрного производства до известной степени уравновешивалось ростом занятости в иных отраслях экономики. В последующие годы картина изменилась. В связи с частичным свертыванием программы индустриализации темпы увеличения занятости в промышленном производстве понизились. Надо полагать, что и в «третичном секторе» понизится прирост занятости. К тому же в 1956—1966 гг. наблюдался медленный рост самодеятельного населения.

В 1956 г. население Туниса составляло около 3,9 млн.¹³ в 1966 г.—4,5 млн., увеличившись за десятилетний период на 15% [по: 71]. По этим цифрам нельзя судить, однако, о темпах естественного прироста коренного населения, так как на общем итоге сказывалось влияние происходившей в эти годы эмиграции. Страну покинуло большинство обосновавших здесь в колониальный период европейцев, а также несколько десятков тысяч тунисцев, уехавших в поисках работы (табл. 18).

Таблица 18
Общий прирост населения страны
и самодеятельного населения.*

	1956 г.	1966 г.	Прирост, %
Все население	3 943 270	4 533 350	15
тунисцы	3 601 800	4 463 350	24
иностранные граждане	341 470	70 000	—
Самодеятельное население	1 296 700	1 343 700	4,5
тунисцы	1 190 700	1 323 700	11,2
иностранные граждане	106 000	20 000	—

* Составлена по: [69, 71, 73].

Ж. Г. За рассматриваемое десятилетие естественный прирост коренного населения составил 24%, а с учетом выехавших работать за границу — 26% [53, 24]. Между тем самодеятельное население старше 15 лет увеличи-

лось в стране лишь на 4,5%, собственно тунисское — на 11,2%.

Однако причин разрыва между темпами прироста населения в целом и самодеятельной его части в 1956—1966 гг. заключается в изменении возрастного состава. Хотя превышение уровня рождаемости над смертностью отмечалось в Тунисе уже в середине века, «демографический взрыв» пришелся на самый последний период. Среднегодовые показатели прироста населения составили в 1911—1921 гг. 0,75%, 1921—1931—1,35, 1931—1936—1,83, 1936—1946—1,88, 1946—1956—2,09, 1956—1966 гг.—2,60% [95, 310]¹⁴.

За 1956—1966 гг. удельный вес лиц моложе 15 лет повысился с 41 до 46,3%. Вместе с тем распространение начального и среднего образования подняло низшую возрастную границу экономически активной группы жителей. Понятно, что увеличение доли младшей возрастной группы на определенном этапе должно вызвать стремительный скачок вверх кривой роста трудоспособного населения. Действительно, если за все десятилетие с 1956 по 1966 г. число жителей старше 15 лет увеличилось на 100 тыс., то за короткий отрезок времени между 1966—1968 гг.—на 160 тыс. [53, 47].

По подсчетам авторов четвертого плана, общая численность трудоспособного населения в конце 1972 г. должна была составить 1181 тыс. мужчин и 1387 тыс. женщин. За основу была взята общая численность взрослой группы 15—64 лет, скорректированная по числу учащихся, инвалидов и лиц, продолжающих трудиться после 64 лет. В плане отмечается, что среди женщин работало примерно 340 тыс. Общее число мужчин, имевших работу, включая живущих случайными зарплатами и сезонниками, достигало 1047 тыс. [54, 119—121]. В плане приводится следующее распределение занятого мужского населения Туниса на конец 1972 г. (тыс. человек) [54, 121]:

	Постоянно- ные рабо- чи и слу- жашие	Сезонные рабочие	Всего
Сельское хозяйство . . .	300	250	550
Промышленность и дру- гие несельскохозяй- ственные отрасли . . .	413	84	497
Всего	713	334	1047

Авторы плана делают оговорку, что эти данные не могут считаться точными, так как достоверные сведения бывали получены только в отношении добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорта, администрации и обслуживания туристов. В других сельскохозяйственных секторах, таких, как строительство, розничная торговля, ремесло и сфера услуг, статистические данные неполны. Поскольку в сельском хозяйстве последние полные сведения относятся к 1966 г., оценки общего числа постоянно занятых в этой отрасли и сезонников даются на основании сопоставления данных о естественном приросте населения, миграции в города и выезде на работу за границу. Фактически, как отмечается в плане, часть ученных в качестве сезонных сельскохозяйственных рабочих относится к числу ищущих работу в городах [54, 121].

Как отмечается в четвертом плане, на протяжении первого десятилетия политики планирования (1962—1971 гг.) темпы прироста производства были «недостаточными для создания такого числа рабочих мест, которое могло бы обеспечить кардинальное решение проблемы занятости. Единственное, чего удалось добиться за эти годы, — не допустить серьезного осложнения этой проблемы» [54, 29]. В плане указано, что на протяжении десятилетия ежегодно создавалось примерно 14—15 тыс. новых рабочих мест. По официальным расчетам, предложение рабочих мест будет увеличиваться ежегодно приблизительно на 50 тыс. Составители плана исходят из предположения, что численность самодеятельного населения к 2000 г. возрастет на 1 млн. человек. Однако в своих расчетах они принимают во внимание только 20% трудоспособных женщин, считая, что остальная часть женского населения страны не будет участвовать в деятельности вне семьи. Всего четвертым планом предусматривается создание (вне сельского хозяйства) приблизительно 120 тыс., а до 1981 г. — 348 тыс. рабочих мест [54, 50—51].

В настоящий время Тунису в какой-то мере удается снять остроту проблемы занятости за счет расширения трудовой эмиграции. В то же время в самые последние годы наблюдается огромный приток населения в города, чему способствует как передача кооперативных земель частным владельцам, так и ликвидация «отрядов по борьбе с отсталостью».

Внутренняя миграция населения

При изучении современных процессов классообразования в развивающихся странах, и в первую очередь формирования рабочего класса, весьма важен анализ внутренней миграции, ибо ее характер и масштабы в значительной мере определяют источники пополнения, количественный и качественный состав пролетарских слоев города и деревни.

Уже начиная с 30—40-х годов миграция приобретает все более отчетливое и самостоятельное значение в преобразовании социальной структуры тунисского населения. Происходит перераспределение населения по территории страны в пользу наиболее развитых районов; заметно изменяется соотношение между городским и сельским населением; начинается ускоренный рост некоторых крупных городов в ущерб старинным очагам урбанизации. В годы независимости усилению миграции способствовали некоторые новые факторы, в том числе не последнюю роль играет повышение образовательного уровня сельского населения, особенно молодежи, все больше стремящейся в города.

По данным переписи 1966 г., около 20% взрослого населения страны (старше 15 лет) составляли люди, переселившие место жительства. Особо высок процент мигрантов в возрастных группах 20—34 лет, где он колеблется от 21,5 до 25,2% [72, 48]. О прогрессирующем характере миграции свидетельствует тот факт, что свыше $\frac{2}{3}$ мигрантов, ученых на конец 1966 г., переменили место жительства на протяжении предшествующих 10 лет, а больше половины — после 1961 г. [72, 41]. Но если в первое десятилетие независимости ежегодное число мигрирующих жителей составляло в среднем 45—50 тыс., то с конца 60-х годов, согласно оценке тунисских специалистов, оно превышает 70 тыс. [95, 378] ¹⁵.

К сожалению, данные тунисской демографической статистики недостаточны для того, чтобы представить во всей полноте картину миграции, и позволяют выявить лишь основное направление миграционных потоков ¹⁶. Итоговые материалы переписи 1966 г., во время которой впервые был проведен учет переселений ¹⁷, к тому же не содержат никаких сведений о социальном составе мигрантов.

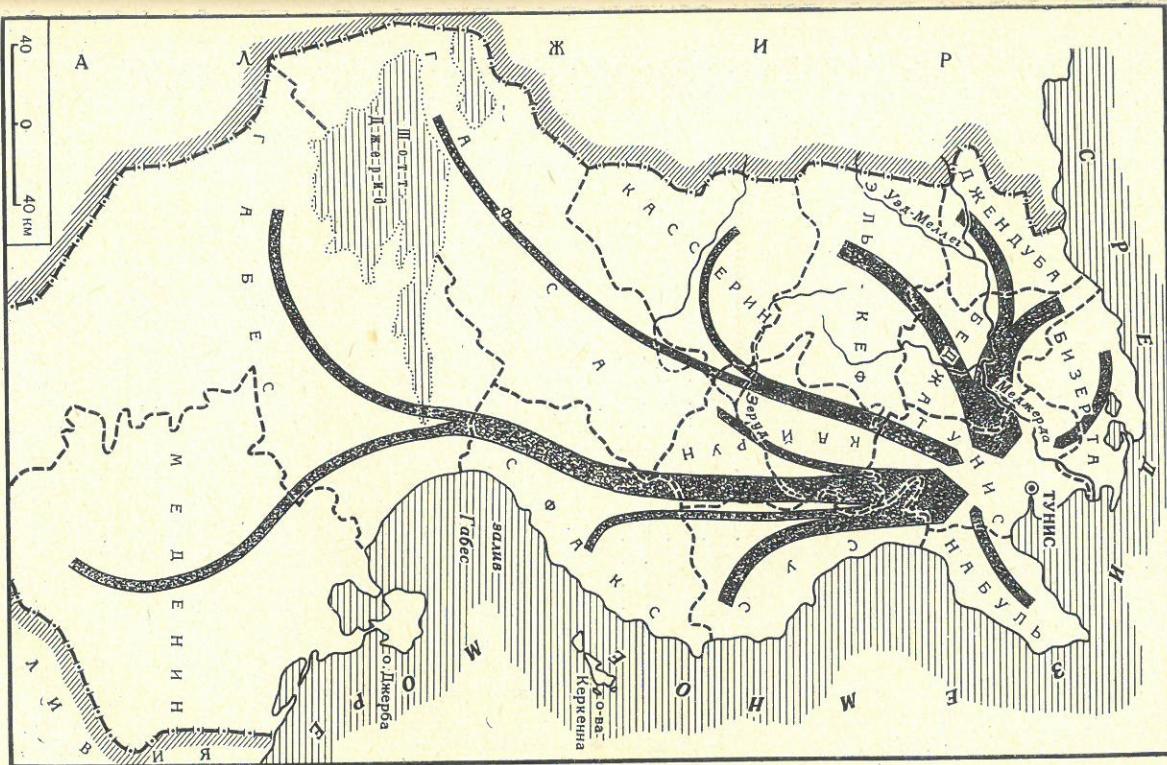
Судя по имеющимся данным, в первой трети нынешнего века прирост тунисского населения во всех районах страны шел более или менее равномерно (если не считать тех городов, где наблюдался большой приток европейцев, но оставалась стабильной и даже сокращалась численность жителей-мусульман). В последующий же период, особенно начиная с конца тридцатых годов, статистика повсеместно фиксирует разрыв между естественным и фактическим приростом населения [см. 95; 62; 202, 1968, № 15; 1969, № 17—18].

Территориальная неравномерность развития, которая становится все более отчетливой, обуславливает массовые перемещения населения, и прежде всего миграцию сельских жителей. Очагами притяжения миграционных потоков становятся большие города, административные и хозяйственные центры колониальной экономики, где создавались современные промышленные предприятия, транспортные узлы и возникнал значительный спрос на рабочую силу в сфере обслуживания.

Ниже среднего показателя (2% в год), исчисленного для периода 1936—1956 гг., был прирост населения почти во всех кандатах Северо-Западного Туниса (1,7%), Сахеля (1,2—1,8%), центральных областей (1—1,5%). В южных районах, кроме Сфакса и горнопромышленной Гафсы, он в редких случаях достигал 1%. Все эти территории образуют обширную зону выезда. Только северо-восток страны — города Тунис, Бизерта и Татеюэльме к ним аграрные районы испытывали значительный приток. В 1936—1956 гг. население кандатов Тунис, Бизерта, Набуль и Солиман возросло на 106%, тогда как общая численность жителей страны увеличилась лишь на 44% [96, 64].¹⁸

Район г. Тунис привлекает к себе не только жителей сопредельных провинций, но и основную массу мигрантов из самых отдаленных мест тунисского Юга. С ним не мог соперничать даже Сфакс, переживший в первой половине века пору бурного расцвета и приобретший значение южной столицы. За период 1936—1956 гг. население кандата Сфакс возросло на 66% — главным образом за счет переселенцев из ближних областей. Другие крупные города были в основном локальными либо промежуточными центрами миграций.

Подсчеты Х. Атыйи о соотношении численности жителей, сосредоточенных в пределах разных экономико-

Карта 2. Миграционные потоки к вилаету Тунис [93, 90]

географических районов страны [202, 1969, № 17—18, 520], еще с большей очевидностью, нежели контрасты, наблюдавшиеся при сравнении административных территорий, показывают перераспределительный результат миграций. Самые ранние достоверные данные о размещении тунисского населения относятся к 1926 г. В последующие 40 лет наблюдалась интенсивная концентрация в приморской полосе: удельный вес жителей побережья повысился с 38,5 до 53,5%. Доля населения степной и сахарской зоны уменьшилась с 40 до 26,5%. На Северо-Востоке, занимающем 6,5% территории страны, к 1966 г. была сосредоточена треть населения, 15% его приходилось на одну лишь столицу:

Районы	Площадь, %	Население, %	1926 г.	1966 г.
Северо-Восток	6,5	23,5	33,0	
Восточное побережье (Сахель, Сфакс, Габес)	9,0	15,0	20,5	
Северо-Запад	11,0	21,5	20,0	
Центр (Степи)	18,0	22,5	14,5	
Юг	55,5	17,5	12,0	

Хотя правительство независимого Туниса приложило немало усилий для того, чтобы сладить различия в уровне хозяйственного развития различных районов и как-то контролировать миграционные процессы, исход населения из деревень после 1956 г. еще более усилился. Отрицательное сальдо внутренних миграций было зафиксировано переписью 1966 г. во всех областях страны, кроме вилайета Тунис, и в большинстве низших административных районов-«дегелегаций». Положительный баланс имели только крупные города, шахтерские поселки Гафсы, часть района Кал-Бон и некоторые города вроде Кассерина (где было построено первое во всем районе крупное промышленное предприятие). Отношение отрицательного сальдо миграций к общей численности населения, проживающего в данном районе, в северо-западных вилайетах составило 10% (Эль-Кеф, Беджа) и 7,2% (Джандуба), в вилайете Сус — 6,3%, в южных вилайетах Габес и Меденин — соответственно 7,1 и 9,3%, на о. Джерба, в местностях Матмата, Татавин и в Джериде (вилайет Гафса) — от 17 до 30%. В других районах встречные миграционные потоки более или менее уравновешивались (вилайеты Бизерта, Набуль, Сфакс, Гафса). На очень незначительных тер-

риториях обнаруживалась низкая миграционная активность [96, 127—128].

Самое высокое в абсолютном и относительном измерении положительное сальдо миграционного баланса имел вилайет Тунис и прежде всего сама столица. В 1966 г. в Большом Тунисе проживало 65% мигрантов, переселившихся в разное время за пределы своего вилайета (без вилайета Тунис), — свыше 200 тыс. человек, или почти третью жителей города [72, 21, 28]. По приблизительной оценке, перемещение сельских жителей в города образует $\frac{2}{3}$ всех миграний постоянного населения страны. Хотя нет точных данных о составе миграционных потоков, местные специалисты сходятся во мнении, что в столицу страны направляется не меньше половины сельских мигрантов и что они в то же время составляют свыше 50% принимаемого ею населения [202, 1967, № 5, 77—110]. Еще большую роль приток из деревни играет в росте провинциальных городов и особенно новых промышленных центров, возникших в годы независимости.

Эволюция аграрных отношений и миграции сельского населения

Поскольку массовая миграция из деревни оказывает в Тунисе, как и в других развивающихся странах, все более существенное влияние на сам процесс урбанизации и социальную структуру городского населения, важно рассмотреть конкретные (местные) причины этого явления, его характер и возможные в дальнейшем тенденции. Несмотря на то значение, которое приобретают — в силу изменений в массовом сознании, в потребностях и представлениях людей — моральные motivы миграции, первостепенной остается роль факторов, связанных с эволюцией форм аграрного производства, процессами дифференциации крестьянства.

К сожалению, при анализе этих проблем приходится обращаться к материалам более чем десятилетней давности. Последняя аграрная перепись была проведена в Тунисе в 1961—1962 гг. Еще раньше, в 1950 г., предпринималось аналогичное обследование силами специалистов ФАО, но результаты его не были опубликованы; о них можно получить некоторое представление по отрывочным данным, использованным в литературе [см. 156; 157].

Материалы переписи 1961—1962 гг. также слабо изучены: они были изданы малым тиражом и предназначались для административных органов и местных научных библиотек [см. 77—87]. Дополнив данные переписи собственными наблюдениями и подсчетами, тунисские специалисты опубликовали за последние годы несколько работ, посвященных отдельным районам и провинциям страны. Среди них особого внимания заслуживают диссертация Э. Махлуфа «Структура и модернизация сельского хозяйства на равнинах Эль-Кефа» [48], статья Х. Альтий, в которых он прослеживает эволюцию социальной структуры земледельческого населения в степных районах и в оазисах тунисской Сахары [202, 1965, № 2; 1966, № 6]. Однако исследований, которые представляли бы картину аграрных отношений в масштабах всей страны, не существует. И публикации данных аграрной переписи 1961—1962 гг. остаются не только главным, но практически единственным источником для изучения этого вопроса.

Перепись, проведенная до реформ в деревне, зафиксировала распределение земельной собственности и характер аграрных отношений в том виде, как они сложились в результате колонизации, но уже в момент, когда самоевропейское хозяйство в Тунисе исчезало. Что кажется принятых к тому времени законов, отменивших некоторые устарелые формы регулирования земельных отношений, они лишь способствовали развитию тех тенденций, которые наметились в период протектората. Ввиду отсутствия более поздних статистических материалов трудно с достаточной точностью ответить на вопрос, какие изменения в производственных отношениях и распределении земельных площадей произошли вслед за проводившимися в 1962—1969 гг. мероприятиями по сельскохозяйственной кооперации. По мнению местных исследователей, занимающихся аграрными проблемами, в настоящее время структура частной земельной собственности остается примерно той же, что и в начале 60-х годов. Попытка объединить мелких крестьян в кооперативах на время приостановила стихийные процессы перераспределения собственности и концентрации земельного капитала. После отказа от реформы все, в общем, вернулось к прежнему состоянию. Это подтверждают результаты опроса, проведенного в 1970 г. Институтом национальной статистики в ви-

lage Эль-Кеф. Выяснилось, что при некотором расширении общей площади обрабатываемых земель соотношение между категориями крупных, средних и мелких хозяйств практически совпадает с тем, которое существовало в этом районе в 1961—1962 гг. [95, 80].

Данные аграрной переписи указывают на высокую степень концентрации земельных площадей в руках групп капиталистическими методами. Они свидетельствуют также о далеко зашедшем процессе обезземеливания и пролетаризации тунисского крестьянства (табл. 19).

Таблица 19
Структура землепользования в 1961—1962 гг.*

Размеры хозяйств по группам, га	Число хозяйств **		Площадь хозяйств	
	тыс.	%	тыс. га	%
Более 500	0,6	0,18	554	4,0
200—500	1,5	0,46	468	9,3
100—200	3,0	0,92	427	8,5
50—100	8,3	2,55	562	11,2
20—50	42,0	12,9	1304	26,0
10—20	64,3	19,7	888	17,7
5—10	73,0	22,4	512	10,2
Менее 5	133,0	40,8	307	6,1
Всего . . .	325,7	100	5022 ***	100

* [87, 11].
** В ходе аграрной переписи исследовалось хозяйство — производственная единица. Сведения о землевладении, регистрирующиеся Службой земельных кадастров, нигде не публикуются.
*** Кроме того, 200 тыс. га занимали государственные хо-

зяйства.

В начале 60-х годов 40% сельских жителей Туниса (235 тыс. семей) не имели ни собственной, ни арендной земли. Почти треть возделываемых земель занимали 5 тыс. хозяйств свыше 100 га каждое. Их общая площадь в пять раз превышала ту, что находилась в распоряжении 133 тыс. крестьян, обрабатывавших участки меньше 5 га. А такие хозяйства лишь в зоне орошаемого земледелия, в Тунисе очень незначительной, могли обеспечить необходимый для существования

семьи достаток. Весь парк сельскохозяйственной техники (насчитывающий тогда свыше 10 тыс. тракторов, 3 тыс. жнеек, 3,5 тыс. грузовых автомобилей) находился во владении 4,7% хозяев. Они использовали ее не только для собственных нужд, но также извлекали большие доходы, отдавая в наем, либо посыпая машины вместе с рабочими для вспашки и уборки в другие хозяйства.

Земельные участки, на которых применялась техника, составляли 48% обрабатываемых площадей [87, 73].

В Тунисе существует и значительная по численности и по размерам используемая ею площадей категория земледельцев, ведущих хозяйство среднего масштаба, на участках от 10 до 100 га¹⁹. Сравнение с другими странами, имеющими сходные условия земледелия, показывает, что удельный вес этой группы хозяйств в Тунисе один из самых высоких. Если в начале 60-х годов в Тунисе ей принадлежало 55% обрабатываемых земель, то в Марокко на долю подобных хозяйств приходилось лишь 28%, в Сирии (накануне аграрной реформы) — 37%, в Северном Ираке (в районах богарного земледелия) — 35% всей площади [99, 89; 109, 54]. Примерно такой же удельный вес по численности и по используемой площади данная категория крестьян имела в соседнем Алжире (среди арабского населения). По подсчетам С. Амина, доля ее в общем сельскохозяйственном доходе была несколько меньше, чем в Тунисе [116, т. I, 136]. На основании этого Тунис нередко характеризуют как страну с многочисленной пролетарской сплодной и мелкой зажиточной крестьянством, выделяя указанное обстоятельство как важную черту его социальной структуры.

Тем не менее усредненные цифры скрывают значительные порайонные различия в характере аграрных отношений и классовой дифференциации земледельческого населения. Уже одно разнообразие природно-климатических условий Туниса делает неприменимыми обильные для всей страны оценки типичного размера мелкого, среднейского и крупного, поместьческого или капиталистического хозяйства. Надо иметь в виду, что 1 га на Севере по продуктивности равен 5 и даже 10 га в засушливой зоне. Зерновые, посевные в степях, дают, как правило, ничтожный урожай — 2 ц/га. Поэтому сколько нибудь зажиточными здесь можно считать лишь хозяев, имеющих не менее 50 га пашни. Напротив, в районах

орошаемого земледелия, скажем, в зоне цитрусовых плантаций на полуострове Кап-Бон, хозяйство размером в 10 га обычно является высокотоварным. Следует также заметить, что в центральных и южных районах разные меры всей обрабатываемой площасти, как и площасти, используемой разными категориями хозяйств, весьма непостоянны. Многие земельные участки не засеваются в засушливые годы; после обильных дождей площадь посевов резко увеличивается. (На рис. 2 показана структура землепользования в Тунисе по примерной оценке, сделанной нами с учетом средней доходности основных сельскохозяйственных культур.)

Достаточно существенны также местные различия в способе ведения хозяйства, которые сложились в результате эволюции традиционных форм земледелия. Прежде в Северном Тунисе был наиболее распространенным тип феодального хозяйства, основанного на группе связанных крепостной зависимостью крестьян арендаторов. В южных оазисах феодальная эксплуатация вплоть до второй половины XIX в. дополнялась элементами рабовладельческих отношений. В Степях и в Высоком Телле, где население находилось на грани кочевого и оседлого образа жизни, имущественные отношения представляли собой многообразные ступени перехода от родо-племенного к феодальному укладу. На восточном побережье, в Сахеле, преобладало мелкое и среднее хозяйство, издревле сложившаяся свободная частная собственность (в зоне оливковых насаждений), иногда сочетающаяся с общинной собственностью на пахотные земли и пастбища.

Аграрная колонизация, положив начало капиталистическому расслоению тунисской деревни, обусловила крайнюю неравномерность этого процесса. Она распространялась в основном на Северный Тунис, в меньшей степени на полуостров Кап-Бон и район Сфакса. Вне сферы ее непосредственного влияния остались лишь оливководческий Сахель, где не было земельных владений иностранных. Хотя на Юге и в центральных районах земельные приобретения европейцев были незначительны, на них воздействие колонизации сказалось в сильной степени. Нарушив хозяйственные связи, существовавшие у местного полукочевого населения с селедими областями, прежде всего с районом Телля, колонизация повлекла за собой оскудение местных ма-

Север

Сахель

Сакак

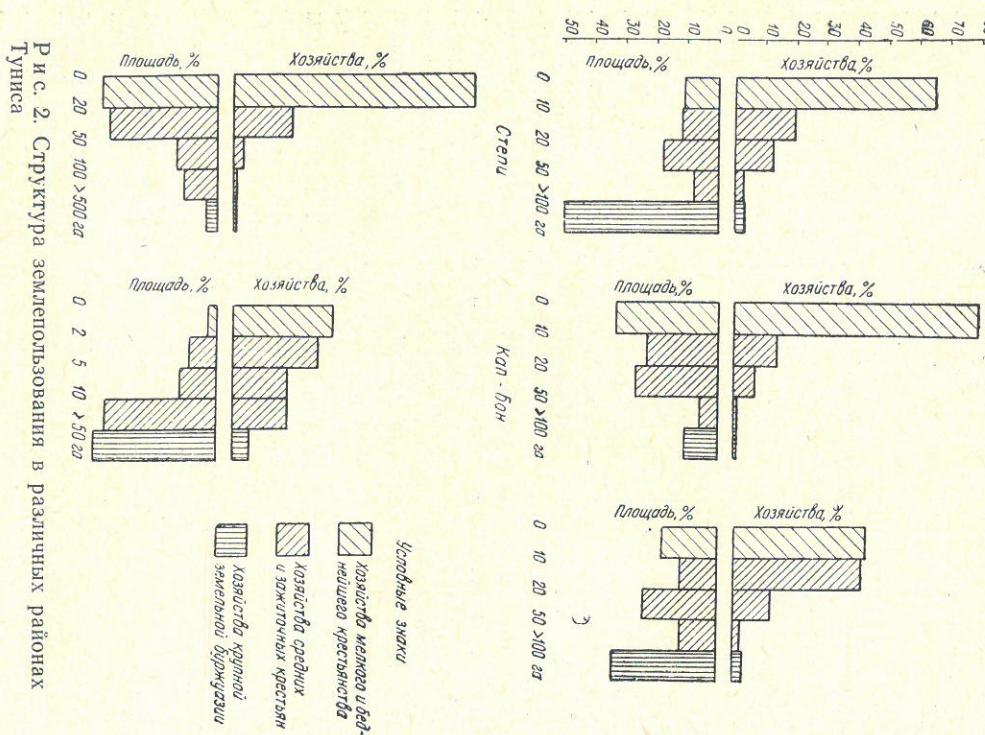

Таблица 20
Распределение земель между различными группами хозяйств в Северном Тунисе и в других районах страны *

Размеры хозяйств, га	Число хозяйств, %		Площадь хозяйств, %	
	Северный Тунис **	Остальные районы ***	Северный Тунис	Остальные районы
Более 500	Менее 1,0	Менее 1,0	20,0	5,0
100—500	3,0	1,0	30,0	13,0
50—100	3,0	2,5	8,5	12,5
10—50	31,0	33,0	30,0	50,0
Менее 10	63,0	63,5	11,5	19,5

* Составлена по: [77—86].

** Вилайеты Эль-Кеф, Сук-эль-Арба (Джендуба), Беджа, Бизерга, Тунис.

*** Вилайеты Кал-Бон (Набуль), Сус, Сакак, Кассерин, Каирруан, Гафса, Габес, Меденин.

териальных ресурсов, законсервировала экономическую и социальную отсталость.

В результате сложилась ситуация, когда при наличии значительной и относительно устойчивой прослойки средних и мелких самостоятельных производителей-землевладельцев (преимущественно в Сахеле) образовалось две зоны с огромной массой нищавшего, вымываемого крестьянства: Северо-Запад и Южный Тунис.

Именно эти области стали очагами наиболее интенсивной миграции сельского населения. Но в первом случае это было результатом широкого развития капитализма в земледелии, а во втором — следствием крайней отсталости аграрного хозяйства, сохранившего свои архаичные формы, которые сковывали, наряду с другими неблагоприятными факторами, всякое развитие производств.

Аграрные отношения в Северном Тунисе. Подсчеты, произведенные по материалам аграрной переписи, показывают, что районы Северного Туниса отличаются наиболее высокой степенью концентрации земельного капитала: хозяйства размером свыше 100 га каждое в 1961—1962 гг. здесь занимали 50% обрабатываемых земель, тогда как в остальных районах на них приходилось только 18% площади. Если же проводить сравнения, исходя из предложенного выше определения размеров крупного хозяйства (см. рис. 2), то окажется, что земельная буржуазия Севера имела в своем распоряжении 834 тыс. га; в других областях страны крупно-капиталистические и помещичьи хозяйства занимали площадь в 440 тыс. га (табл. 20).

высокомеханизированным. В начале 60-х годов в районах Телля было сосредоточено 95% имевшегося в стране тракторного парка. Лишь 140 из 2,5 тыс. хозяйств свыше 100 га совсем не применяли техники [по: 77—87] ²⁰.

Производство в крупных хозяйствах Севера построено преимущественно на использовании наемного труда. Иногда, правда, случается, что предприниматель отдает небольшой участок своей земли, если на нем нельзя использовать машины, в обработку какому-нибудь крестьянину на условиях, подобных хаммасату ²¹. Но по своей роли этот крестьянин ближе к наемному рабочему, чем к издольцу старого типа: он не ведет самостоятельно хозяйство на арендуемом участке, который является частью большой фермы и управляемся вместе с ней ²².

Образование крупнокапиталистического аграрного сектора в районах Телля было прямым результатом европейской земельной колонизации. Однако в отличие от алжирского Севера, где в руки европейцев перешли почти все сельскохозяйственные угодья, в Тунисе складывалась и национальная земельная буржуазия, которая, когда французы уходили из страны, сумела занять место предпринимателей-иностранцев ²³.

Европейская колонизация произвела коренной переворот в структуре землевладения и землепользования в Северном Тунисе. Прежде всего она нанесла удар по крупной феодальной собственности. Французы скупали земли разорившихся вельмож; добились передачи им в бессрочную аренду части «благотворительных хабусов» (вакфы соборной мечети Зейтуна), иногда осваивали «мертвые» земли. Но к началу XX в. эти возможности были уже исчерпаны, и в дальнейшем колонизация шла за счет отчуждения собственности феллахов. В отличие от первых французских землевладений европейские поместья, появившиеся в Северном Тунисе после 1900 г., как правило, росли за счет поглощения средних и мелких наделов. Французские предприниматели широко использовали также аренду крестьянских земель. Многие европейские фермы состояли из лесятков, даже сотен наделов, которые юридически оставались собственностью крестьян-тунисцев.

Преобладающей формой аренды в Северном Тунисе стала аренда на основе фиксированных денежных выплат. При этом оговаривается только размер годовых

платежей, как правило, эквивалентный условной цене одного-трех центнеров пшеницы с каждого гектара, и продолжительность срока аренды.

Французские предприниматели прибегали также к использованию традиционных видов аренды, среди которых особо широкое распространение получило контракт на условиях «дхара». По контракту «дхара» renta выплачивается в зависимости от урожая — в натуральной, иногда в денежной форме. Первоначально в качестве арендатора выступало лицо, располагающее орудиями производства, но не имевшее средств для того, чтобы самостоятельно вести хозяйство. Владелец земли участвует в расходах по производству (предоставляет половину семян, иногда — половину удобрений), арендатор вкладывает собственный труд и инвентарь. При этом хозяину участка причисляется 30—35% урожая.

Французские фермеры и крупные местные землевладельцы стали прибегать к контракту «дхара», когда брали в аренду участки с неплодородной почвой или не были уверены в урожае ²⁴. В этом случае меняются и отношения между хозяином и арендатором, и порядок распределения дохода. Крупный арендатор не нуждается в том, чтобы владелец вносил свою часть капитала (каких-нибудь один-два мешка семян), и тому достается лишь 25% урожая. Таким образом, в зависимом положении оказывался не арендатор, а собственник земли, которого нужда заставляет сдавать часть своего на- дела, чтобы получить аванс в счет будущего урожая.

В наиболее удобных для выращивания зерновых районах Телля — в плодородных долинах Матир, Сук-эль-Халис, Сук-эль-Арба — образовались сплошные зоны крупных механизированных ферм. Традиционное крестьянское хозяйство либо исчезало, либо оттеснялось в «джебель» — на горные склоны, где расчистка земель под пашню вызывала разрушительную эрозию почв.

Уровень концентрации земельных площадей неодинаков в отдельных районах Северного Туниса. Наиболее сосредоточение земель в крупных хозяйствах характерно для равнинных вилайетов Беджа и Тунис. Поколением вилайетам оказываются иными, поскольку значительную часть их территории составляет горная местность, где сохранилось традиционное крестьянское хозяйство. Так, в вилайете Эль-Кеф, расположеннном в Высоком Телле, хозяйства свыше 100 га

занимали в 1961—1962 гг. 34% обрабатываемой площади. В долинах они охватывали 66% земель. В долине Бен-Анн только 10 крупнейших хозяйств, размером свыше 200 га каждое, занимали 61% земельных угодий; в равнинном шейхате Сиди-Амер 13 таким хозяйствам принадлежало 76,5% площади [148, 119] (табл. 21).

Таблица 21

Распределение земель между различными группами хозяйств в пяти вилайетах Северного Туниса, 1961—1962 гг.*

Размеры хозяйств, га	Доля хозяйств по площади, %				
	Эль-Кеф	Сук-эль-Арба	Белжа	Бизерта	Тунис
Более 100	34	50	66	41	62
50—100	12	8	6	7	8
Менее 50	54	42	28	52	30

* Составлена по: [77, 78, 82, 83, 85].

Точно определить, каким был удельный вес тунисских хозяйств в капиталистическом секторе аграрного производства в период протектората, не представляется возможным. Перепись 1950 г. отнесла к категории «модернизированных хозяйств» (основанных на эксплуатации наемной рабочей силы, применения машин и новейших агротехнических методов) 1356 тыс. га из 4,5 млн. га использовавшихся в стране угодий. Из них 700—800 тыс. га принадлежали французам и итальянцам, около 600 тыс. га — тунисцам. Поскольку часть этих «арабских» земель могла входить (через аренду) в европейские фермы, собственно тунисские капиталистические хозяйства, очевидно, составляли около трети площади «modернизированного сектора» [202, 1968, № 15, 19].

Исследователи, изучавшие аграрные отношения в колониальном Тунисе, обычно подчеркивали «отсталость» тунисского капиталистического хозяйства. По сравнению с европейским его отличала более низкая концентрация земель и капиталов и более слабая техническая оснащенность, соединение капиталистических форм эксплуатации с полуфеодальными. Ж. Понсе приводил следующие данные о крупных хозяйствах, расположенных

в шейхате Лорбер. Крупное французское хозяйство здесь в среднем занимало 300 га, тунисское — 100 га. Если говорить о механических средствах обработки земли, то в европейских хозяйствах на один гектар приходилось 0,20 л. с., в тунисских — 0,14 л. с. Живой труд использовался соответственно из расчета 3,5 человека на 100 га и 9 — на 100 га, причем тунисские хозяйства на единицу площади использовали в 6 раз больше семейных работников и в 5 раз больше хаммасов [157, 93—94].

Подобное соотношение было типичным в середине века для всего Севера. Однако изучение более поздних статистических данных позволяет сделать вывод, что где-то в 40-х и особенно в 50-х годах начинается процесс укрепления позиций тунисского капиталистического хозяйства в земледелии. Очевидно, главная причина, обусловившая этот процесс, заключалась в том, что земельные владения стали переходить из рук помещиков-абсентеистов к сельской буржуазии, формировавшейся из зажиточного крестьянства, частично из предпринимателей, наживших капитал торговлей. Действительно, в первой половине века для Северного Туниса было характерно появление «помещичьего капитализма». Крупные тунисские хозяйства, применяющие сельскохозяйственную технику и наемный труд, как правило, принадлежали представителям старой знати, удерживавшимся на высоких должностях в системе беиской администрации. Они вели обработку земли лишь в части своих имений, поручая наблюдение за хозяйством управляющим, сдавая оставшуюся площадь в аренду. Естественно, что тунисские помещики осуществляли капиталовложение в гораздо меньших масштабах, нежели французы. Но в условиях, когда предприниматели-европейцы переходят ко все более интенсивной механизации, которая вытесняет и живой труд, такие полукапиталистические хозяйства становятся нерентабельными. Землю абсентеистов прибирают к рукам сельская буржуазия, которая сама, без каких-либо посредников, налаживает хозяйство, иногда более «modернизированное», чем европейское.

Другим фактором, способствовавшим развитию сельской буржуазии, было разорение мелкокрестьянского хозяйства, которое заметно усиливается в рассматриваемый период. Ускорение демографического роста в се-

дние века приводят к крайнему раздроблению мелкого хозяйства, которое становится уже совершенно нежизнеспособным; и это заставляет все большее число людей покидать свои наделы. Возможно, именно то обстоятельство, что на Севере середняцкая прослойка к концу колониального периода была весьма немногочисленна, способствовало столь быстрому развитию кулачества до уровня крупной буржуазии, поскольку оно смогло воспользоваться одновременным упадком и полукапиталистического помещичьего, и крестьянского хозяйства.

Проледить этот процесс дают возможность материала некоторых обследований, предпринятых тунисскими экономистами. Так, опрос на основе 50%-ной выборки среди крупных предпринимателей-землевладельцев в вилайете Эль-Кеф в 1963 г. показал, что земли, полученные по наследству, составляли только половину их имений [148, 133]:

Размеры имений, га	Земли, полученные по наследству, %	Приобретенные земли, %
Более 1000	5,2	94,8
500—1000	57,5	42,5
300—500	26,8	73,2
200—300	76,2	23,8
100—200	70,0	30,0
50—100	73,7	26,3
В среднем, %	52,6	48,4

Поскольку все землевладельцы были не старше 50 лет, их хозяйства, видимо, разрослись за счет недавних приобретений. Точно установлено, что в долинах Кеф и Серс половина покупок была совершена после 1950 г. $\frac{2}{3}$ новых земель были куплены крупными участниками, свыше 200 га, у помещиков-абсентеистов, оставшаяся часть — у мелких крестьян (участками менее 10 га каждый). Особенно незначительна доля унаследованных земель в крупнейших владениях (причем два из павших в выборку землевладений этой категории были целиком унаследованными, тогда как шесть других составлены из новоприобретений). За счет недавних приобретений образовалось и самое большое из обследованных хозяйств. Его владелец получил от отца только 80 га и за несколько лет расширил имение до 1,5 тыс. га, не считая дополнительно арендуемой земли [148, 133].

Исследователи, проводившие опрос, отмечали, что к 60-м годам в вилайете Эль-Кеф совершенно исчезли обширные фамильные поместья, еще до недавнего времени нередко встречавшиеся в Высоком Телле [148, 132]. В большинстве своем они перешли в чужие руки, к представителям нового класса сельской буржуазии, сформировавшейся в очень короткий период из местных зажиточных крестьян.

Аналогичные процессы проходили и в приморских районах Нижнего Телля, где французам не удалось захватить столь обширных массивов, как на Северо-Западе. В качестве примера можно привести шейхат Галаат-эль-Андлес (по названию главной деревни) в дельте р. Меджерда, между Тунисом и Бизертой. За годы протектората земля шейхата дважды поменяла собственников, перейдя из рук именитых сановников к ростовщикам из столицы, а затем к предпринимателям из деревенского кулачества. Последние вводят капиталистические методы эксплуатации, превратив большинство местных жителей из крестьян-арендаторов в наемных сельскохозяйственных рабочих и поденщиков.

Шедший в 40-е годы процесс развития «снизу» крупной сельской буржуазии подтверждают данные по шейхату Галаат. Так, некий хозяин, имевший в 1945 г. 15 га, к 1961 г. приобрел уже 200 га; крестьянин, получивший в наследство в том же 1945 г. десяток гектаров, в 1961 г. владел 110 га, арендую еще 150 га [202, 1965, № 3, 93]. Проведенные в 1956—1957 гг. реформы в области земельного права (упразднение категории неотчуждаемых вакуфных земель) создали дополнительные возможности для расширения капиталистического хозяйства в земледелии. «Наследственные» хабусы, доход с которых делили многочисленные «пользователи»²⁵, как правило, ликвидировались путем продажи крупными участками, так как раздел земли между всеми людьми, имевшими право на ренту, в большинстве случаев привел бы к дроблению ее на микроскопические парцеллы.

Хабусные земли, десятилетиями обрабатывавшиеся без каких-либо капитальных вложений трудом изольщиков, редко могли заинтересовать крупных предпринимателей, имевших возможность получить французские фермы — с техникой, постройками, налаженной системой производства, они оказались доступны низшему слою сельской буржуазии. После принятия закона 1957 г.

зажиточные крестьяне, на протяжении ряда лет сколачивавшие хозяйство из мелких отрезков, совершили значительные приобретения.

Таким образом, в первые годы независимости продолжался и даже ускорился рост купчих и крупнокапиталистических хозяйств. При этом по-прежнему большую роль играла аренда крестьянских наделов; кроме того, местным предпринимателям предоставлялись земли из государственного фонда. Подсчеты по материалам аграрной переписи 1961—1962 гг. показывают, что собственные владения крупной буржуазии в северных районах составляли лишь 30% общей площади, тогда как ее хозяева занимали почти половину возделываемых земель (табл. 22).

Таблица 22

Распространение аренды в Северном Тунисе, 1961—1962 гг.*

Размеры хозяйств, га	Площадь хозяйств **, тыс. га			Всего, %
	Собственная	Взятая в аренду	Общая	
Более 100	503,0	331,0	834,0	50,0
20—100	321,5	124,0	445,5	26,5
Менее 20	291,5	103,0	394,5	23,5
Всего . . .	1116,0	558,0***	1674,0	100,0

* Составлена по: [77; 78; 82; 83; 85].

** Цифры округленные.

*** В том числе 108 тыс. га из государственного фонда.

предпринимателей использовать под свои посевы мелкие участки, принадлежавшие крестьянским семьям.

Проводя в 1966 г. исследование структуры крупных капиталистических хозяйств в вилайете Эль-Кеф Э. Махлуф совершил выборочный опрос 40 землевладельцев, которые в 1962 г. имели хозяйства площадью выше 200 га (арендуя при этом 55% используемых земель). После того, как в этом районе стали образовываться кооперативы, четвертым из 40 опрошенных присоединилось полностью ликвидировать свои хозяйства, состоявшие на 90% из арендуемых участков. Остальные предприниматели смогли их сохранить благодаря приобретению новых земель и аренде других участков, не вшедших в кооперативы. Общий размер этих хозяйств сократился к 1966 г. на 2,2 тыс. га, но собственность землевладельцев увеличилась на 1 тыс. га [202, 1967, № 9, 40—42].

Таким образом, мероприятия властей, в отдельных случаях серьезно затронувшие интересы крупных собственников, не подорвали сколько-нибудь существенным образом позиции аграрной буржуазии. Однако усиление государственного контроля над сбытом сельскохозяйственной продукции и планы дальнейшего расширения кооперации естественно вызывали беспокойство и враждебность земельной буржуазии Севера, которая сыграла не последнюю роль в движении за отмену реформ.

После начавшегося в 1969 г. распуска кооперативных объединений крупные предприниматели стали активно скупать участки, возвращаемые крестьянам, которые часто оказывались не в силах восстановить хозяйство и покидали деревню. Судьба государственных имений тем временем оставалась нерешенной. В сентябре же 1973 г. министр сельского хозяйства Туниса объявил, что власти намерены приступить к продаже земель из государственного фонда, сохранив за собой лишь четверть его площади [71, 9.IX.1973].

Как уже отмечалось выше, крупные зерноводческие хозяйства северных районов отличаются слабым использованием рабочей силы. В 1961—1962 гг. в пяти вилайетах, входящих в зону Телля, было учтено 27 тыс. постоянно занятых сельскохозяйственных рабочих. В вилайете Кап-Бон, обрабатываемая площадь которого почти в 8,5 раза меньше, было сосредоточено 23 тыс. сель-

скохозяйственных рабочих. В крупном хозяйстве Телля (свыше 100 га) в среднем было занято по 6—7 рабочих. На каждого из них приходилось 60—80 га. В вилайете Эль-Кеф один рабочий обслуживал 100 га посевной площади. Специальное обследование, проведенное в этом районе в 1966 г., дало следующие показатели использования рабочей силы в крупных хозяйствах [148, 169—170]:

Площадь обслугиваемых хозяйств, га	Число постоянно занятых наемных рабочих	Число сезонников, набираемых как привило, на два месяца
2540	23	15—40
1800	20	19
900	5	20
700	7 ²⁵	17
300	—	4

В Северном Тунисе нередко встречаются хозяйства, в которых вовсе нет постоянных работников. Э. Махлужф приводит такие примеры: крупный торговец имеет в долине Серс зерноводческую ферму более 300 га; на ней даже нет никаких построек. Хозяин имеет два трактора и обходится несколькими рабочими, которых нанимает только на время сева и уборки. Другое подобное хозяйство без постоянных рабочих занимает 680 га. Тракторы и жнеики, принадлежащие владельцу, после завершения работ обслуживают другие хозяйства [148, 103].

Не удивительно, что сельскохозяйственные рабочие в районах Телля, и особенно в областях преобразования зерновойモノкультуры, образуют очень незначительную часть самодеятельного населения. Например, в районе Сук-эль-Арба безземельные крестьяне в 1961—1962 гг. составляли 60% населения деревень, не считая занятых вне сельского хозяйства. Из них лишь 7%, или 2 тыс. глав семейств, имели постоянную работу (табл. 23).

Вследствие такого ведения капиталистического хозяйства в Северном Тунисе, тенденция к превращению неимущих крестьян в сельскохозяйственных рабочих поддается процессом их прямого вытеснения из аграрного производства, так как в крупнокапиталистическом секторе одновременно происходит сужение сферы использования наемного труда.

Таким образом, в областях тунисского Телля распространен не столько промежуточный тип малоземельного

Таблица 23
Сельское население северных вилайетов*, главы семейств

	Сук-эль-Арба		Беджа		Бизерта		Тунис	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Земледельцы, живущие своим хозяйством . . .	4,5		11	8,2	17	10,0	30	8,0
Сельскохозяйственные рабочие	5,3	13	11,0	23	8,6	5,0	26	13,8
постоянные рабочие без своего хозяйства [*]	2,0		4,3					8,0
сезонные рабочие и поденщики без своего хозяйства	2,5		5,7		3,0			5,0
рабочие с наделом	0,8		(1,0)		0,6			(0,8)
Лица, живущие работой в «отрядах по борьбе с отсталостью»	18,0	43	12,1	25	4,3	13	7,0	18
не имеющие своего хозяйства	14,0		10,1		3,0			5,0
имеющие хозяйство	4,0		(2,0)		1,3			(2,0)
Занятые вне аграрного сектора **	13,7	33	17,1	35	10,5	31	10,2	26
не имеющие своего хозяйства	12,0		16,1		9,5			9,0
имеющие хозяйство	1,7		(1,0)		1,0			(1,2)
Всего . . .	41,5	100	48,4	100	33,4	100	39,0	100

* Составлена по: [77; 78; 83; 85]. В скобках оценка.

** Торговцы, ремесленники, собственники-рантье, служащие, несельскохозяйственные рабочие и лица неопределенных занятий.

крестьянина-полупролетария, систематически работающего по найму, сколько крестьянина-паупера, не имеющего никакого регулярного источника существования.

Аграрные отношения в Южном Тунисе. Капиталистическая дифференциация аграрного населения Южного и Центрального Туниса происходила гораздо медленнее, чем в других областях страны. В колониальный период для центральных и южных районов было характерно состояние всеобщего обнищания, деградации производства. Хотя сами эти районы не были затронуты европейской колонизацией, ее последствия были для них пагубны. В прошлом в период жатвы бедуины уходили на Север и работали на полях, получая за это однажды урожая, а их стада, не находившие корма в иссушенных степях, могли здесь пастись на стоявших под паром землях. Уже в начале нынешнего века в северных районах почти исчезли пастбища. Массовое введение в 30-х годах сельскохозяйственных машин на фермы колонистов резко сократило потребность в работе сезонников на уборке.

Последствия разрыва традиционных экономических связей были самые тяжелые. Засухи приводили к падежу скота. Во время засух 1943—1946 и 1960—1961 гг. в степях поголовье сокращалось вдвое. По сравнению с началом века урожайность зерновых культур здесь не увеличивалась. У жителей значительно сократились побочные источники существования. Если раньше кочевники выполняли роль торговых посредников между внутренними и приморскими районами, то теперь сафакские коммерсанты захватили даже местную торговлю.

В XIX в. обширные пространства Степи находились в полном распоряжении кочевников. По праву, основанному на обычье, обширные районы считались владением того или иного племени. Кайруанские равнины занимал племенной союз злаз. Почти вся территория, ныне входящая в вилаят Гафса, была зоной расселения племен хаммама. Что касается племени суасси, то его кочевья простирались от солончакового озера Сиди-эль-Хани до города Эль-Джем.

В первые годы после установления протектората французские власти, пользуясь тем обстоятельством, что племена не имели юридически оформленных прав на свою землю, пытались провести в этих районах иммиграцию, стояли население и захватили около

100 тыс. га. Позднее эти земли были переданы французским компаниям и частным предпринимателям [по: 156; 158]. Однако сопротивление кочевников, не утративших свою воинственность, заставило колониальную администрацию в 1935 г. признать племенную собственность — «арш». Вместе с тем власти поощряли раздел земель и переход их в частное владение.

Процесс раздела происходил медленно. Хотя кочевники массами переходили к оседлости, расширяли посевы зерновых, они предпочитали сохранять нераздельную племенную собственность, ибо это защищало их земли от экспроприации. Все большее распространение получало частное или семейное держание земли (наследственное право группы родственных семей пользоваться определенным участком). К 1956 г. свыше 3 млн. га обрабатываемых земель, пастбищ и выгонов еще оставались коллективной, общинной собственностью [95, 62].

В 1957 г. был издан закон, имевший целью ускорить частное присвоение общинных земель и одновременно стимулировать развитие земледелия в степных районах. Участки закреплялись за отдельными лицами при условии, что они заселят половину земли плодовыми деревьями. Однако, ввиду запутанности правовых отношений, множества спорных вопросов, раздел земель пропалось проводить постепенно. Часть крестьян получала участки в «инзаль» — долгосрочную аренду с правом передачи наследникам при выплате небольшой символической ренты. Другие рассматривались как временные арендаторы, имеющие преимущественное право выкупа.

К настоящему времени площадь общинных земель в Тунисе сократилась до 2 млн. га. Около 700 тыс. га составляют земледельческая «инзаль» [54, 130—131]. При составлении плана развития на 1973—1976 гг. правительство поставило задачу в ближайшем будущем завершить раздел земель и ликвидировать все формы землевладения, кроме частной [54, 13].

Анализ данных аграрной переписи 1961—1962 гг. свидетельствует о довольно значительной степени имущественного расслоения в центральных областях Туниса. В районе Высокая Степь (Кассерин и северная часть вилайета Гафса) 2,7 тыс. хозяев (4,7%) сосредоточили в своих руках $\frac{1}{4}$ обрабатываемой площади. Среди

лил, имевших собственный скот, 5250 человек, или 22%, владели 78% всего поголовья овец [по: 79; 81].

Лишь немногие крупные хозяйства в Центральном Тунисе можно отнести к типу помецических землевладений; еще реже здесь встречаются капиталистические хозяйства. В 1961—1962 гг. в вилайете Кайруан насчитывалось 540 тракторов, в вилайете Кассерин — 188, в вилайете Гафса — всего 99 [см. 79; 80; 81]. Даже хозяева, занимающие большую площадь, являются, как правило, низкотоварными, поскольку на них «кормятся» по две-три семьи. Обследование, проведенное в районах Сбейла и Хаджеб-эль-Лон, показало, что в хозяйствах размером 20—50 га приходилось в среднем по 4 га на человека, в хозяйствах свыше 50 га — по 5 га. Здесь имелось 33 крупных хозяйства, владельцами которых являлись 82 семьи, состоявшие из 455 членов [122, 20]. В степных районах, где еще не распались большие патриархальные семьи, в значительных масштабах используется труд неоплачиваемых семейных помощников. По подсчетам, сделанным нами на основе материалов аграрной переписи 1961—1962 гг., во всем Центральном и Южном Тунисе (без оазисов) население, занятое в земледелии, распадалось на следующие категории: 70—80 тыс. — занятые в своем хозяйстве крестьяне, 100 тыс. — неоплачиваемые семейные работники, 7,7 тыс. — баграки, хаммасы и сельскохозяйственные рабочие современного типа [по: 77—81]. Кроме того, 60—70 тыс. крестьян, имевших свое хозяйство (или долю в хозяйстве), находились в «отрядах по борьбе с отсталостью». Для еще большего числа неимущих, безработных людей «отряды» были единственным источником существования.

Сахарские оазисы, составляющие всего лишь 1—1,5% территории Туниса и менее 1% его сельскохозяйственной площади, являются районом с крайне высоким уровнем аграрного перенаселения. Ежегодно тысячи мигрантов идут отсюда на шахты Гафсы, в города юго-восточного побережья, но главным образом — в столицу. На границе между степями и Сахарой лежит прибрежный оазис Габес. Ввиду повышенной влажности там невозможно выращивать хорошие сорта фиников. Главное место в хозяйстве оазиса занимают огородные культуры и табак. Доходы крестьян здесь ничтожны. 96,3% хозяев имеют участки, не достигающие гектара.

С другой стороны, четверть земли оазиса принадлежит небольшой группе собственников [202, 1965, № 2, 71].

Многие из них — горожане, землю которых обрабатывают батраки или издольщики-хаммасы.

Оазисы Джериды представляют собой островок застойного общества, где в большей степени, чем где бы то ни было в Тунисе, сохранились полуфеодальные и квазифеодальные отношения²⁷. Здесь в основе сельскохозяйственного производства лежит труд хаммасов, составляющих 27% жителей [202, 1965, № 2, 69].

Джерид — главный район производства фиников в Тунисе, где насчитывается около 1,5 млн. пальм. Собственно, Джерид — общее название группы оазисов туинской Сахары (Нефта, Таозер и Видьян), где проживает свыше 50 тыс. человек. Помимо обычных сортов фиников, которые издревле были основным продуктом питания жителей Юга, здесь выращивают прозрачные финики «деглат ан-нур» (пальмы света). Они пользуются спросом в Европе и составляют важную статью тунисского экспорта.

Земледелие в Джериде во многом сохранило архаичные черты. Хотя для оазисов характерна парцелярность хозяйств, существует несколько помециков с очень значительными владениями. Треть площади самого большого оазиса Таозер принадлежит 60 семьям. 62% хозяев в Джериде владеют менее 0,5 га [202, 1965, № 2, 71]. Имущественное неравенство в этих районах выражается не только в разделении земельной площади, но и в распределении воды. Вода здесь — предмет продажи, ее передают по наследству, похищают.

Порядок пользования водой оазисов основывается на древнем законодательстве, которое существовало еще в начале нашей эры. На протяжении веков феодалы прибрали к рукам водные ресурсы. И теперь в некоторых пальмовые сады вода, текущая по системе искусственных каналов, подается по нескольку часов в день. Другие получают ее раз в неделю или вовсе остаются без воды. Обследование, проведенное в 1962 г., показало, что 83% площади Джериды орошается недостаточно. В то же время одно семейство в Таозере имеет право на пользование седьмой частью ресурсов орошающего оазис вади [202, 1965, № 2, 61—62].

Как уже говорилось, основным производителем в Джериде является хаммас-издольщик. Около четверти

населения оазисов, которое все время пополняется за счет переселенцев из соседних кочевий, живет случайным заработком. Если издольщик не спрятывается с работой, он занимает поденщиков-«саввабов» или помощника, которому уступает от одной до двух пятых из своей доли урожая. В Джериде можно встретить немало хаммасов, у каждого из которых по 10, 30 и более хозяев. Преобладающая масса собственников, за исключением только нескольких семей, имеет микроскопические участки, порой всего одну пальму. Иногда у одного дерева бывает десяток хозяев. «Прямо землепользование», обработка земли самим владельцем, в Джериде редкость. Часто собственность слишком мала, и владелец предпочитает искать другое занятие, довольствуясь небольшой долей дохода с урожая. Определенную роль играют и психологические факторы. В этом районе, где необыкновенно живущи старые предрасудки, еще со времен средневековья, когда на плантациях Джериды использовались рабы, у людей сохранилось представление о том, что земледельческий труд неблагороден и им могут заниматься только прильые люди. Поэтому в Джериде прозябает масса мелких землевладельцев, которые сдаают свой участок хаммасам, тогда как сами не имеют постоянного занятия.

Во время страшных засух, поразивших страну в середине 40-х годов, тысячи беженцев устремились из Сахеля, южных оазисов и степей в менее пострадавшие аграрные районы Телля и Кал-Бона. Наибольший поток беженцев направлялся в столицу, население которой за 1936—1946 гг. возросло в два раза. Во всех южных и центральных областях, кроме крупных городов, в это десятилетие произошло абсолютное сокращение численности населения. Но в последующие годы не закрепившиеся в новых местах южане массами возвращались обратно. В Высокой Степи, в области Магмата и каньоне Суасси в 1946—1956 гг. среднегодовой прирост населения превышал 3%, достигая в отдельных случаях 4,5%; в то же время численность жителей в г. Тунис и его окрестностях возрасла всего на 1,5% [96, 64]. Стабильный миграционный поток наблюдался в тех районах, где относительное аграрное перенаселение было связано с расширением капиталистического производ-

ства, а также в некоторых районах крайнего Юга (Джерба, Двирет, Гумрасин), где миграция в город стала традицией, но только для мужского населения.

Устойчивый характер и постоянную тенденцию к нарастанию внутренняя миграция приобретает в Тунисе на рубеже 50—60-х годов и резко увеличивается начиная с 1965 г. При этом она теряет черты отходничества.

Мы уже говорили о том, что материали переписи 1966 г., фиксируя миграционный обмен между административными районами страны, не содержит данных о социально-профессиональном составе мигрирующего населения и указаний на то, являются ли мигранты выходитами из городов или из сельской местности.

Стремясь восполнить этот пробел и различить межгородскую миграцию и миграцию сельского населения, группа тунисских специалистов, работающая при министерстве экономики, произвела собственные расчеты, определяя как сельское все население районов, где городские центры отсутствуют либо концентрируют незначительную часть жителей. Этим путем была установлена численность населения сельских районов на 1956, 1966 и 1971 гг. (в последнем случае по итогам переписи министерства здравоохранения). Дальнейшие расчеты основывались на предположении, что в указанные отрезки времени естественный прирост во всех сельских районах был одинаков и соответствовал общенациональному показателю. Таким образом извлекается условная величина — численность сельского населения на конец периода, которая могла быть достигнута при отсутствии миграционных движений. Разность между этой цифрой и реальным числом жителей, учтенных в данной местности, соответствует saldo миграций.

Хотя описанный выше метод заранее допускает определенную степень ошибки, он представляет вполне приемлемым для выявления главных тенденций в миграционных процессах. Результаты, полученные тунисскими исследователями, показали, что в период с 1956 г. по май 1966 г. из сельских областей мигрировали 240 тыс. человек. Убыль населения всех северных районов (кроме вилайета Набуль) составила 83 тыс. человек, вилайетов Сус и Сфакс — 35 тыс., деревень центральных и южных районов — 106 тыс. жителей (в том числе почти 68 тыс. из вилайета Меденин) [95, 378].

переписями 1966 и 1971 гг., свидетельствуют о явном нарастании миграций. В эти пять лет число людей, покинувших сельскую местность, превысило 180 тыс. Из северных районов за это время мигрировало больше сельских жителей, чем за предыдущее десятилетие, — 86 тыс., из южной и центральной зоны — 110 тыс. И лишь в деревнях Сахеля и полуострова Кап-Бон наблюдался некоторый приток населения [95, 378]. По всей очевидности, это переходное явление, связанное с резким увеличением миграции из центральных степных районов (Кассерин, Гафса, Кайруан), где в течение первого десятилетия независимости наблюдалась временная стабилизация населения. Поток мигрантов прежде всего хлынул в ближайшие, более богатые районы восточного побережья. Население городов Сус и Сфакс в этот период увеличивалось ежегодно на 4% против 3% в 1956—1966 гг.; темпы роста других городов Сахеля, откуда в предыдущий период мигрировала значительная часть их собственного населения, повысились с 1,5 до 2,8% [96, 71].

В Тунисе в настоящее время наблюдается не только превышение темпов роста городов и миграционный отлив из сельских мест, но и опустение деревни, абсолютное сокращение числа ее жителей. Если в 1956—1966 гг. сокращение сельского населения наблюдалось только в вилайете Меденин и в oasisах Джерда, то в период между переписями 1966 и 1971 гг. сельское население уменьшилось по численности в 6 из 13 вилайетов страны. В сельской части вилайета Тунис численность жителей сократилась на 2,8%, в вилайете Эль-Кеф — на 1,2%, но в районе Эбба-Ксур — на 10,9%. Сельское население вилайета Меденин сократилось на 7,2%, вилайета Габес — на 4,5%, в том числе на полуострове Зарзис, в районах Матмата и Эль-Хамма — на 18—23%. В вилайете Касрин аграрное население в целом сократилось на 2,4%, а в некоторых местах — на 20—22%. В сельских районах, окружающих горнопромышленный центр Гафсы, население уменьшилось на 28—30% [96, 72—73].

Урбанизация и типы городов

По официальным оценкам, в Тунисе доля городского населения составляла: в 1921 г. — 7%, в 1931 г. — 17, в 1936 г. — 21, в 1946 г. — 26, в 1956 г. — 29, в 1966 г. —

40%. Общая численность городских жителей, в 1936 г. составлявшая 480 тыс., к 1956 г. достигла 930 тыс., а за первое десятилетие независимости почти удвоилась — до 1820 тыс. [74; 202, 1967, № 9, 85; 1968, № 15, 300; 1969, № 17—18, 520; 198, 1960, № 3, 496].

Критерий, по которому в тунисских переписях выделялось городское население, чисто административный. К городам относятся все населенные пункты, получившие статус коммуны, т. е. управляющиеся местными муниципальными советами. До 1957 г. права муниципального самоуправления, закрепленные декретом от 14 января 1914 г., имели 66 «городов». В основном это были достаточно крупные населенные пункты, но некоторые из них не насчитывали и тысячи жителей. Какая-нибудь деревушка могла получить статус коммуны только потому, что в ней поселились несколько европейцев. В 1957 г. муниципальные органы были созданы еще в 17 городах, а к 1966 г. число населенных пунктов — коммун возросло до 135 [137, 167]. Следовательно, за период между двумя последними переписями количество населенных пунктов, учитываемых как города, увеличилось вдвое.

Территория муниципалитетов в отдельных случаях включает довольно обширную пригородную, чисто сельскохозяйственную зону. В то же время в составе населения крупных городов не учитываются жители тесно связанных с ними предместий, лежащих за чертой коммуны. По этой причине 65% занятых в добывающей промышленности Туниса, согласно данным переписи 1966 г., фигурировали как «сельские жители». В районе Гафсы жилые поселки шахтеров расположены на удалении в 1—2 км от местных административных центров (Мдилла, Редеф, Муларес, Меглави), а шахтерские центры Северного Туниса (Джерисса и Кальба-Джерда) вообще не являются коммунами и целиком были включены в «сельскую зону» [см. 71, 75].

Тунисские специалисты считают, что к городскому типу поселений можно отнести большинство населенных пунктов страны, насчитывающих свыше 2 тыс. жителей. Исследовательская группа, работающая при отделе благоустройства территории тунисского Министерства экономики, произвела ряд уточнений, исключив поселения, которые превышают этот размер, но живут только сельским хозяйством и не имеют ни городских построек, ни системы коммунального обслуживания [см. 92]. Она

внесла и другие коррективы в порядок статистического учета, рассматривая в качестве единой агломерации крупные городские центры и связанные с ними близлежащие городки и поселки²⁸. Результат получился следующий. В Тунисе насчитывается 100 городов, где в 1956 г. проживало 1715 тыс. человек, в том числе 1430 тыс. Тунисцев, в 1966 г.— 2122 тыс. человек (что составляло соответственно 41,5% и 46,8% всего неевропейского населения страны) [96, 71, 67]. Если взять за основу эти показатели, то создается следующая картина роста городского населения [96, 65]:

Годы	Среднегодовой прирост городского населения, %		Среднегодовой прирост всего населения Туниса, %	
	1926—1936	1936—1956	1956—1966	1966—1971
2,05	2,94	3,92	4,04	2,43
	1,90	1,96	2,62	
				2,43

К 1971 г. в городах проживало 2562 тыс. человек — 50,5% населения страны. Три города с числом жителей более 100 тыс. в каждом — Тунис, Сфакс и агломерация Сус — сосредоточивали 1370 тыс. человек, или более половины всего городского населения. На города с населением 20—100 тыс. человек приходилось более 21%, с 5—20 тыс.— 22% городского населения [95, 333].

Тунисские города отличаются большим разнообразием как с точки зрения экономической жизни, так и по своему генезису, облику, составу населения. Можно выделить следующие типы городских населенных пунктов:

- многофункциональный город (промышленно-торговый и административный центр);
- многофункциональный город со значительным удельным весом сельскохозяйственного населения;
- город преимущественно торгово-административного значения;
- промышленный город, как правило, с односторонним производством;
- традиционный город, старинный очаг урбанизации с преобладанием ремесленного или земледельческого населения.

Разумеется, эта классификация в достаточной мере условна. Немало городов имеют промежуточный характер, а крупные города Туниса, как правило, в большей

или меньшей мере соединяют в себе черты традиционного, колониального и современного города. Следует отметить также, что все города с населением, превышающим 50 тыс. жителей, имеют полифункциональную структуру. Одноотраслевые города — торго-административные, аграрные или, напротив, чисто промышленные, — как правило, невелики. В то же время в экономике почти всех сколько-нибудь значительных городов, за исключением разве Туниса, довольно высок удельный вес «традиционного хозяйства» — земледелия и ремесленного производства (табл. 24).

Таблица 24

Распределение городского населения по удельному весу занятых в отраслях производства традиционного типа, 1966 г.*

Число городов . .	Доля занятых в земледелии, %					Более 50
	20	14	16	14	18	
Общее население городов, тыс. человек	1021,8	575,1	192,3			333,1

Число городов . .	Доля занятых во всех традиционных отраслях, %					Более 50
	0—10	10—20	20—30	30—40	40—50	
Общее население городов, тыс. человек	71,5	918,3	477,2			655,3

* Составлена по: [95, 596, 598; 96, 68—69].

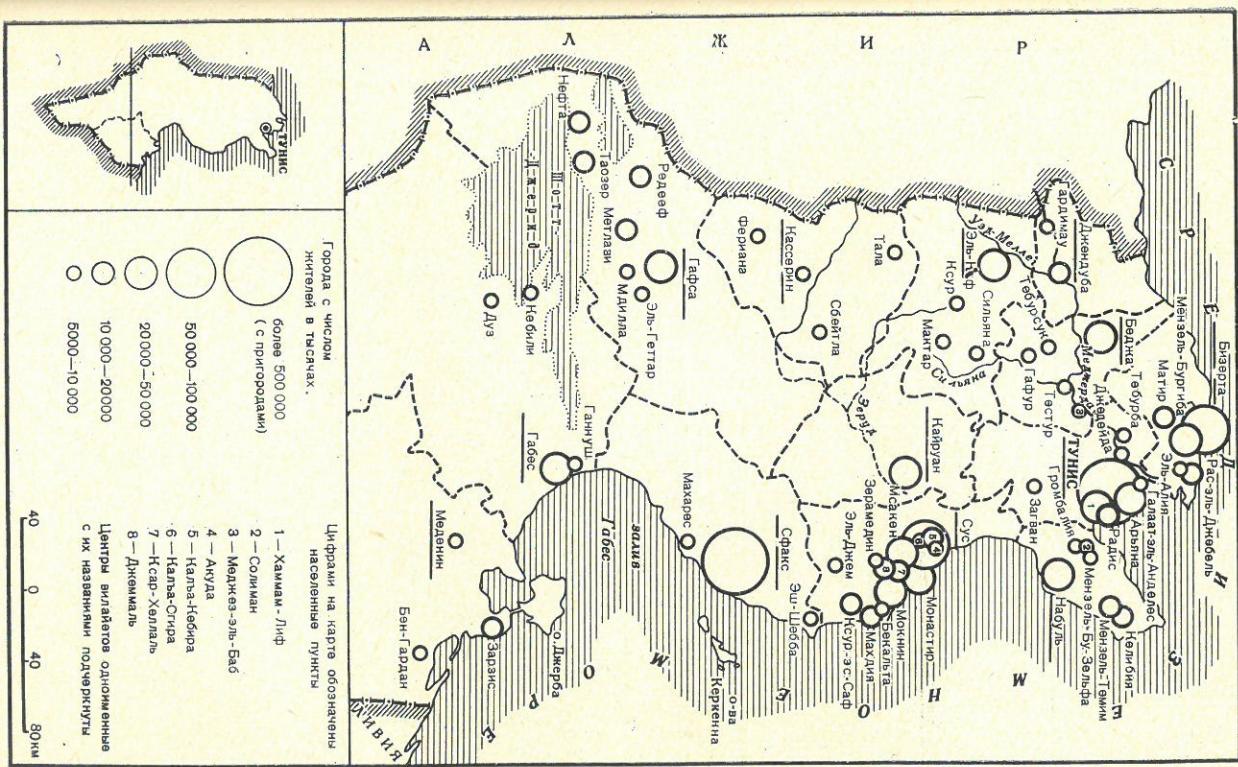
** Земледелие, прибрежное рыболовство и ремесло (без ремонтных мастерских).

Во всем самодействующем городском населении удельный вес занятых сельскохозяйственным трудом (90 тыс. человек) в 1966 г. достигал 17,2%, а исключая безработных — 21,4% [95, 361]. В 50 городах доля земледель-

ческого населения в 1966 г. превышала 30%. Большинство из этих городов насчитывало по 5—6 тыс. жителей, среди них имеются и довольно крупные. Это города-оазисы Таозер и Нефта, сельскохозяйственные центры северо-западного Туниса (Матир, Мелджез-эль-Баб), старые города Кап-Бона (Мензель-Темим, Солиман). От 20 до 30% занятых в земледелии было в 5 из 13 промышленных столиц (Меденин, Беджа, Набуль, Габес, Гафса). Во втором городе Туниса — Сфаксе в сельском хозяйстве было занято 19% населения [95, 364].

Если учитывать и другие виды традиционной деятельности (кустарную промышленность и рыбакский промысел²⁹), то окажется, что в 72 городах Туниса на этот сектор приходилось свыше 30% самодеятельного населения. Самым крупным ремесленным центром страны является знаменитый своим ковроделием Кайран (58 тыс. жителей), где почти 40% населения занято в кустарном производстве. Все другие города, где ремесленники составляют свыше 30% самодеятельного населения, расположены в Сахеле. Среди них первое место занимают города гончаров и ткачей Моккин и Ксар-Хеллаль. Города, в которых удельный вес традиционной экономики составляет меньше 10%, насчитывают в общей сложности 71 тыс. жителей. Это Джендуба и шесть горнорудных центров в Южном Тунисе и вилайете Эль-Кеф [95, 598].

Значительный удельный вес сельского хозяйства и традиционной экономики в тунисских городах связан с историей образования городских поселений в этой стране. Средневековая Ифрикия была страной многочисленных, цветущих городов, что объясняется, с одной стороны, той ролью, которую играла транссахарская и морская торговля, а с другой — сохранившимися здесь элементами земледельческой общины-города. С точки зрения культуры и образа жизни грани между деревней и городом в районах с земледельческим, оседлым населением («хадари») была размыта, неопределенной. Но единству города и деревни противостояла «бадия», негородизованный мир бедуинов и полуученников.³⁰ В какой-то мере следы этого контраста сохраняются и в наше время, когда кочевники уже осели на землю, а города стали очагами индустриального развития либо, напротив, деградировали, приблизившись к большой деревне.

Достаточно ярко свидетельствуют об этом данные о распределении жителей Туниса по различным видам поселений в 1966 г. (тыс. человек) [58, 4]:

Население городов:	
с современного типа (2 тыс. — 750 тыс. жителей)	1457
традиционного типа (2 тыс. — 50 тыс.)	665
Население деревень (более 50 жителей)	629
Дисперсное население	1782

Наряду с концентрацией значительной части жителей в городах для Туниса характерен и очень большой удельный вес дисперсного расселения. В этом случае население проживает в одноко стоящих домах — куполообразных глиняобитых «турби» или сложенных из брусков плотно утрамбованной земли «маамра». Этот вид расселения распространен почти по всей территории внутренних областей Туниса (кроме оазисов), где около 80% жителей находятся вне населенных пунктов ³¹. В то же время деревни и села Туниса обычно расположены невдалеке друг от друга, образуя цепочки или гроздья поселений.

Наибольшая часть городов сосредоточена в прибрежной зоне. 47 из 100 больших и малых городов удалены от моря менее чем на 10 км; здесь концентрируется $\frac{3}{4}$ всего урбанизированного населения [95, 328]. Во внутренних районах лишь 8 городов в 1971 г. насчитывали более 20 тыс. жителей, среди них один Кайруан имел население, превышавшее 50 тыс. человек; другой город, Гафса, приближался к этому уровню (47 тыс.) [95, 333]. По своему характеру и происхождению города внутренней зоны Туниса неоднородны. В южных и центральных областях встречаются очень древние города: известные еще в античности центры оазисов и первая столица мусульманского Магриба — Кайруан. Рядом с ними — горнорудные поселки, возникшие в конце прошлого — начале нынешнего века, и Кассерин, превратившийся в значительный город уже в последнее десятилетие.

Главными индустриальными центрами Туниса являются столица, Сфакс, Сус и частично Бизерта, вернее, ее спутник — г. Мензель-Бургиба (бывший Ферризиль), который при независимости стал местом строительства самого большого в стране завода. В этих городах сосре-

доточена подавляющая часть занятых в промышленном производстве (80% без добывающей промышленности), на крупных транспортных (95%) и строительных (90%) объектах ³². Одновременно они являются морскими портами, через которые осуществляются практически все экспортно-импортные перевозки ³³.

Хотя эти города являются промышленными центрами, имеющими данные показывают, что промышленность здесь играет второстепенную роль по сравнению с посредническим непроизводственным сектором. В торговле, управлении и обслуживании занята значительная, а в г. Тунис — преобладающая часть населения [подсчитано по: 90, 159; 93, 78].

Отрасль	г. Сус, %	г. Тунис, %
Сельское хозяйство	3,0	4,3
Рыболовство	3,5	
Строительство	20,7	7,75
Промышленность	16,2	18,7
Ремесло	4,5	1,75
Транспорт	8,4	9,5
Торговля	10,0	14,9
Администрация и коммунальное обслуживание	21,5	28,7
Сфера обслуживания	12,2	14,4

Со времени французской колонизации г. Тунис постепенно превращался в европейский город — в начале века рост населения столицы шел в основном за счет притока европейцев, тогда как численность мусульман оставалась на одном и том же уровне и даже убывала. В 1881 г. мусульманское население столицы составляло 70 тыс. человек, а почти через 60 лет, в 1926 г., — всего 83 тыс. Затем кривая роста резко поднимается: число тунисцев — жителей столицы в 1926—1936 гг. увеличилось на 50%, в 1936—1946 гг. — на 100%, в 1946—1956 гг. — на 50% и в 1956—1966 гг. — на 70% (табл. 25).

Развитие города в колониальный период, характери-

зовавшееся неоднородностью экономической и культурной жизни, расовой и социальной раздробленностью, наложило отпечаток на его внешний облик. Тунисская столица как бы слеплена из нескольких несходных городов: район богатых вилл — Бельведер; европейский центр; Медина, сохранившая черты арабского средневековья.

Национальный состав населения после получения независимости претерпел коренную ломку. Из города вы-

Таблица 25

*Рост населения г. Тунис**

тыс. человек

Год	Всего	В самом городе	В прел- мествах	Мусуль- мане	Евреи	Евро- пейцы
1881	110	—	—	70	15	25
1926	186	—	—	83	24	79
1936	258	220	38	120	30	108
1946	450	365	85	240	40	170
1956	565	410	155	370**	40	155
1966	670	470	200	630	(25)	(15)

* Составлена по: [202, 1967, № 9, 77–110; 1968, № 15, 299; 1969, № 17–18, 505–524; 1971, № 27, 31–68]. В скобках оценка.

** Из них 20 тыс. мусульман-иностранцев.

ехали европейцы, которые составляли почти треть его жителей, он стал центром притяжения для тунисского населения. Сюда перебирались зажиточные горожане из провинции. Однако главный поток прибывающих в столицу состоял из сельских мигрантов. По подсчетам специалистов, в столицу направляется половина всех уходящих из деревни крестьян. За первые шесть лет независимости (1956–1961 гг.) в г. Тунис переселилось столько же обнищавших крестьян, сколько за десять предыдущих лет (1946–1956 гг.) — 60 тыс. [197, 1960, № 3, 500].

Нынешнее население медины, ставшей «пролетарским» районом, по сравнению с сороковыми годами возросло вдвое, а жилая площадь осталась прежней. Как показали обследования, в половине домов нет ни электричества, ни канализации, редкие семьи имеют водопровод и газ.

Характерной чертой столицы стали гурбивили (кварталы лачуг), которыми обросли ее окраины. В начале 60-х годов в гурбивилях проживало не меньше 100–150 тыс. человек. По подсчетам тунисских специалистов, население некоторых гурбивилей увеличилось между 1956 и 1960 гг. на 75–105% [202, 1967, № 9, 100]. Значительная часть населения гурбивилей — безработные. Опросы, проведенные тунисскими исследователями, показали, что в гурбивиле Джебель-Лахмар, где в 1964 г. проживало 40 тыс. человек, 64% населения не имели работы или работали поленно [156, 80].

Правительство пыталось остановить поток миграции в столицу. Одной из мер было создание в сельской местности «отрядов по борьбе с отсталостью». Полиции и городским властям было дано указание отсыпать обильно беженцев. Гурбивили, ставшие очагом болезней, несколько раз пробовали снести. За счет государственных средств в городе были построены кварталы «народных домов» Аль-Хадра, Ат-Тахир, Аз-Зухур. Кварталы состоят из двухкомнатных домиков стоимостью в среднем 600 дин. Эта сумма выплачивается на протяжении 30 лет. Но это дало возможность расселить лишь 20 тыс. человек, примерно седьмую часть жителей гурбивилей [202, 1967, № 9, 102]. Поэтому для столицы наиболее острыми проблемами остаются проблемы занятости и жилищного строительства.

Помимо столицы и прилегающего к ней района, сажает высокий процент городского населения имеет ви- лайет Сус. Если иметь в виду только прибрежную часть вилайета — «Старый Сахель» (без степных окраин, зоны расселения недавно осевших кочевников сусасси и валид-сейид), то окажется, что в населенных пунктах с числом жителей 2 тыс. и более здесь сосредоточено 80% населения. В самом городе Сус проживает 70 тыс. человек; 25 других сахельских городов насчитывают вместе 300 тыс. жителей (на 1971 г.) [по: 90, 67].

С своеобразие Сахеля заключается в том, что в этом земледельческом районе нет деревни в собственном смысле слова, как чисто аграрного поселения с присущим ему образом жизни. Даже очень небольшие населенные пункты не отличаются от соседних городов ни характером застройки, ни хозяйственной деятельностью. В мертвый сезон, особенно продолжительный в оливководческой зоне, жители Сахеля всегда занимались кустарным промыслом (ткачество, выделка шерстяных покрывал, шитье по шелку), рыболовством и торговлей. Подобно городскому, население сахельской «бальды»³⁴ было смешанным, разнородным в религиозном отношении (приверженцы различных братств, иудеи). Другой особенностью является густота поселений — в прибрежном Сахеле насчитывается свыше 300 чел./км². Они тесно связаны между собой торговым обменом и находятся друг к другу ближе, чем к сливковым рощам и полям, которые часто расположены за несколько километров от местечка, где живут их владельцы.

Как и культуру земледелия, Сахель унаследовал городскую цивилизацию от античной эпохи. Если в Ливии, Алжире, на севере Туниса топография римских и арабских поселений редко совпадает, то здесь почти каждый населенный пункт стоит на месте древнейших городов. Сус ведет свою историю от финикской Хадруметы, позже столицы провинции Бизантии, Монастырь — от города-крепости Руспини, служившей опорным пунктом Цезарю в его африканском походе. Деревня Латма соответствует Лептис-Минору, Ксиба — Книссии, Хергла — Хорреа-Каэлии. Городок Эль-Джем стоит под стенами огромного колизея Тидруса.

При византийцах и особенно в период арабского захвата экономика района испытывала упадок, но городская жизнь не прерывалась. С IX в. наступило возрождение Сахеля. По описаниям путешественников, среди его пышных оливковых рощ располагались города и большие села, столь многочисленные, что почти соприкасались друг с другом. Некоторые имели укрепления из камня. Их плотно застроенные улицы сбегались к мечети и центральному торговому кварталу. Мелкие чисто земледельческие поселения были редки. Иногда они образовывались как сателлиты, отколовшиеся от городов (Хаммам-Сус, Завиет-Сус).

Во второй половине XIX в. упадок ремесел и морской торговли послужил причиной «урбанизации» Сахеля. Тем не менее, его экономика сохранила смешанный характер, а в отдельные периоды (особенно во время второй мировой войны) кустарная промышленность ожидалась. Со своими 10 млн. олив Сахель является важнейшим сельскохозяйственным районом; по нашим подсчетам, в начале 60-х годов каждая вторая семья в village владела земельным участком. Однако земледелие служит основным занятием лишь 22,4% жителей сахельских городов (1966 г.). Свыше 26% заняты в ремеслах, обрабатывающей промышленности, почти 20% — в строительстве и на транспорте; 32% составляют работающие в торговле и обслуживании [93, 78].

По всей видимости, в середине XIX в. на Сахель приходилась половина городского населения Туниса. Еще в 1936 г. он концентрировал четвертую часть горожан. Но в 1936—1956 гг. прист на населения во всех городах Сахеля, кроме Суса, был ниже 2% (среднего общенационального показателя). Сахель становится зо-

ной отоком населения, но его города продолжали разрастаться, многие из них сливаются. Так, Мокнин и Ксар-Хеллаль превратились в единий город с населением в 40 тыс. человек; агломерацией стал г. Сус. Изучение данных о ежедневных межгородских сообщениях, а также сведений бюро по труду оустройству показало, что значительная часть населения ближайших городов, насчитывающих вместе 100 тыс. жителей, работает на предприятиях Суса. Таким образом, для Сахеля характерна не столько сельская миграция, сколько срастание старых городов, их кристаллизация вокруг промышленных центров. Масштабы промышленного строительства в Сахеле недостаточны для того, чтобы уравновесить прирост населения и предложение на рынке труда. Все больше усиливается миграция из Сахеля, в последнее время в основном за границу. В Париже и на юге Франции образовались целые колонии выходцев из одного г. Мсакен, которые насчитывают по несколько тысяч человек.

Близким по своему типу к сахельским городам является Сфакс. Формирование его как крупной агломерации (за последние 70 лет его население возросло в 12 раз) имеет своеобразные черты. На протяжении веков Сфакс сохранял городской облик и городской уклад. В результате нашествия бану-хильль в окрестностях города погибли оливковые насаждения, и Сфакс долго жил рыбной ловлей, ткачеством и весьма скромной торговлей. Лишь в XVII в. население стало постепенно восстанавливать вокруг города сады, а с XIX в. — оливковые плантации. Одновременно начали оживать ремесла, увеличился объем морской торговли. Но она по-прежнему отставала от торговой деятельности Суса, через порт которого вывозилась продукция всего оливководческого Сахеля.

Сфакс стал крупным портом лишь после открытия месторождения фосфоритов в районе Гафсы. Французская горнодобывающая компания подвела к нему от Гафсы железнодорожную ветку; в 1895—1897 гг. были осуществлены работы по углублению гавани и строительству портовых сооружений. Превращение Сфакса в важнейший транзитный пункт немало способствовало развитию города. Тем не менее в экономике Сфакса все более заметную роль играло земледелие.

С конца XIX в. оливковые насаждения вокруг горо-

да разрастались. Зажиточные горожане, купцы, уплатив в казну определенный взнос, осваивали «мертвые земли», обычно применяя контракт «мухараса», по истечении которого арендаторы сами могли стать владельцами небольших наделов. Арендаторы также были в основном жителями Сфакса. Лишь позже в качестве мухараси стали использовать пришельцев-кочевников. Особенность культуры оливкового дерева, не требующего постоянного ухода, позволила землевладельцу жить по-прежнему в городе, проводя периодически по несколько дней на участке, где он имел какое-нибудь временное жилище. По данным тунисских исследователей, к середине века 90% взрослых мужчин и 80% женщин, живущих в городе, были владельцами хотя бы нескольких оливковых деревьев. Им принадлежала половина земельных площадей района [202, 1968, № 15, 264].

Параллельно расширялась и коммерческая деятельность. В настоящее время Сфакс превратился в главный торговый центр южного побережья и центральных областей страны, где расположено 43% полезной сельскохозяйственной площи и проживает 35% тунисского населения. Зона влияния города распространяется на вилайеты Сфакс, Гарса, Габес, Меденин, Кассерин и южную часть вилайета Кайруан.

Сфакская буржуазия наживала огромные прибыли, скупая по низким ценам на коротко урожай оливководческих плантаций, сбывая его на внутреннем и внешнем рынке; она владела наиболее значительными предприятиями по отжиму оливкового масла. Через Сфакс шел сбыт продукции животноводства степных районов. Промышленное строительство в городе было незначительным. Только в 1947 г. здесь был построен сравнительно крупный завод по обогащению фосфоритов, а позднее другие предприятия этой отрасли. В остальном же промышленность состояла из мелких фабрик обувного или пищевого производства.

Постепенно менялась структура города. В Медине осталось не больше 16—20 тыс. жителей. Между мединой и портом возник европейский деловой квартал, а у южных ворот — предместье докеров и поденников «рабат». В основном Сфакс разрастался за счет пояса садовых усадьб, распространившегося в радиусе 10—15 км. В 1956 г. в самом городе проживало 65,5 тыс. человек, в зоне садов — свыше 100 тыс.; в 1966 г.— примерно

70 тыс. в городе и 170 тыс.— в «садах» [202, 1969, № 17—18, 505—524]. Зеленый пояс Сфакса стал не только главной жилой зоной; по обочинам ведущих к центру дорог простились всевозможные склады, мастерские, главное, многочисленные предприятия по отжиму оливкового масла.

За поясом садов, имеющим плотность населения свыше 1000 чел./ км^2 , начинается лес оливковых деревьев. Плотность во внегородской части вилайета составляет в среднем 25 чел./ км^2 [см. 71]. В административных границах вилайета имеется только восемь деревень, из них шесть довольно крупные, — в самой северной его части. Южнее Сфакса встречаются только городок Махарес (5 тыс. жителей) и рыбацкая деревушка Накта (300 жителей). Остальные поселения представляют собой отдельно разбросанные гурби, в которых ютятся осевшие на сферакских землях кочевники.

Таким образом, Сфакс, занимающий второе после столицы место по числу крупных предприятий промышленности и транспорта, представляет собой гигантское аграрное поселение с относительно низким удельным весом населения, занятого в собственно промышленном секторе.

Что же касается городов Северо-Запада, то они почти в чистом виде представляют тип староколониальных центров. По мере того как европейцы «осваивали» этот сельскохозяйственный район, равнины Телля теряли своих жителей, превращаясь в сплошное пшеничное поле с разбросанными фермерскими усадьбами, вокруг которых лепились несколько домишек баграков.

Для Западного Телля традиционным поселением является дуар (который в этой местности часто называли «мешта», буквально зимний лагерь) — некогда временная палаточная стоянка, позже превратившаяся в деревню с каменными, глиняными или земляными строениями, обычно окружеными садами за изгородью. В XVII—XVIII вв. здесь возникли довольно крупные деревни-дешера, которые были главным дуаром племени, рода или религиозного братства. Некоторые большие дешера сложились на месте древнейших берберских поселений. В период колонизации многие деревни, особенно в долинах, вовсе исчезли, дешера опустели или стали распадаться на мелкие дуары. Их население разбредалось и по-

в 3—4 дома. Жители покидали и «кала'а», старые деревни-крепости в горах. Обычным видом поселения в Телле стали беспорядочные скопления нескольких гурб, как правило, расположенных невдалеке от французских усадьб.

Меж тем вдоль главных дорог возникали города. Их сердцевину, по словам тунисского исследователя Ф. Стамбули, образовывал треугольник: вокзал — зернохранилище — военный гарнизон [202, 1971, № 26, 10]. Город отчетливо распадался на две жилые зоны: квартал европейцев и мусульманскую часть, состоявшую из старой деревушки и лачуг мигрантов, в основном пришельцев-бедуинов.

Доля урбанизированного населения в северо-западных провинциях составляет около 20%. Только три города, центры вилайетов, имеют свыше 10 тыс. жителей. Их отличает большой удельный вес занятых в сфере обслуживания (свыше 40%) и самый высокий, в сравнении с другими городами страны, уровень безработицы (табл. 26).

Таблица 26
*Структура населения главных городов Северо-Запада**

Численность населения, тыс. человек				Отраслевое распределение самоизделия населения (1966 г.), %			
	1956 г.	1966 г.	1971 г.	сельское хозяйство	промышлен- ность, строи- тельство, транспорт	непроизвод- ственная сфера	безработные
Белжа	23,3	31,0	36,5	22,8	22,6	40,9	13,7
Эль-Кеф	14,7	23,3	31,5	13,0	11,4	40,0	35,6
Джендуба	10,0	17,9	25,2	1,4	18,5	44,1	36,0

* [95, 364].

В других городах Северного Туниса (Матир, Тебурба, Тестур, Таджервин) 40—50% населения занято в сельском хозяйстве. Это в основном большие «андалузские» села, протянувшиеся по нижнему течению р. Меджерда. В дополнение к сельскохозяйственным функциям они играют роль транспортных узлов и локальных админи-

стративных центров. С ними во многом схожи села-города Кал-Бона, среди которых только Набуль известен своим гончарным производством. В значительной мере города Кал-Бона, особенно Набуль и Хаммамет, обязаны своим нынешним развитием притоку в этот район иностранных туристов.

К типу колониальных городов можно отнести и Бизерту. В конце XIX в. Бизерта насчитывала не больше 5—6 тыс. жителей. После того, как она стала крупной военной базой, в Бизерте поселилось около 10 тыс. европейцев, которые составляли здесь половину жителей. В последние годы начался рост арабского населения города: около 10 тыс. в начале 20-х годов, 20,8 тыс. в 1936 г., 30,5 тыс. в 1956 г., 58,3 тыс. в 1966 г. [по: 202, 1969, № 17—18, 505—524]. В настоящее время Бизерта утратила свое былое значение. По числу занятых в промышленности ее уже более чем в два раза обогнал г. Мензель-Бургиба.

Изучение данных переписи 1966 г. о соотношении мест выхода и мест вселения мигрантов показывает, что большинство тунисских городов пополняется за счет переселенцев из близлежащего района. При этом, если Сус и Кайруан являются центрами притяжения для достаточно большой территории, то такие города, как Белжа, Эль-Кеф, Джендуба, Габес, в основном привлекают жителей из одной-двух ближайших «делегаций». Широкую зону притяжения имеют только города Тунис и Сфакс. Зона Сфакса охватывает южные вилайеты и Сахель: 50% мигрантов город принимает из своего вилайета, 45% — из вилайетов Гафса, Габес, Меденин и Сус³⁵. Зона притяжения Туниса — практически вся страна; наиболее мощные миграционные потоки направляются в него с Северо-Запада (36,3% мигрантов, зарегистрированных в столице) и из областей Юга (19,3%) [72, 21, 28].

Глава III

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА В УСЛОВИЯХ ТУНИСА

Прежде чем перейти к характеристике условий и особенностей формирования рабочего класса Туниса, необходимо сделать несколько предварительных замечаний о тех источниках, на которые опирается наше исследование. Наиболее полные данные о численности, производственной и территориальной концентрации фабрично-заводского пролетариата содержат переписи, проводившиеся Службой промышленной статистики при тунисском государственном секретариате экономики и планирования. Составление данных промышленных цензов и всеобщих демографических переписей позволяет определить место, занимаемое пролетариатом в структуре тунисского общества. Существенные дополнения к промышленным переписям дает обследование рабочей силы, которое проводилось в 1964 г. на всех сельскохозяйственных предприятиях, зарегистрированных в налоговом департаменте Туниса.

В то же время следует заметить, что во всех названных статистических материалах отсутствуют единые критерии, как в определении границ тех или иных отраслей, так и в выделении собственно промышленных предприятий. Вследствие этого трудно выбрать сравнимые данные, достаточно четко отражающие динамику роста промышленного пролетариата.

Некоторые из изданных в Тунисе обследований, проведенных в тех или иных отраслях промышленности, непригодны для сопоставления с другими переписями, поскольку в них постоянный персонал не выделяется из общей массы занятых. Нередко приводятся только сведения об общем числе рабочих мест на предприятиях. При использовании таких данных могут быть допущены неточности в учете постоянных и временных рабочих.

Более или менее однородные критерии положены в основу обследований, проведенных Службой промышленной статистики и опубликованных в отчетах «Промышленная перепись 1957—1960 гг.», «Тунисская промышленность в 1960—1966 гг.», а также «Результаты промышленной переписи 1968 г.» и «Результаты промышленной переписи 1970 г.», изданных Национальным институтом статистики [см. 66; 48; 67; 68].

Деление предприятий на ремесленные, полуремесленные и промышленные — задача объективно сложная в условиях страны, где преобладает мелкое производство. Очевидно, что в данном случае следует учитывать участие хозяина предприятия в процессе производства, скажем, как мастер, или же он берет на себя только функцию управления. Другим показателем, который может бы провести грань между предприятиями, использующими равное (и при этом небольшое) число рабочих, могут служить данные об их технической оснащенности. Однако сведений такого рода тунисская статистика не дает.

К индустриальному сектору подчас причисляются даже мелчайшие заведения. Так, в 1958 г. в рыбоконсервную промышленность было включено шесть «фабрик» с общим числом рабочих на них семь человек [66, 25]. Отнесение столичных мелких предприятий в промышленный сектор, видимо, объясняется тем, что при недостаточной развитости того или иного производства они обеспечивают значительную долю его продукции. Например, в промышленности строительных материалов в 1959 г. было зарегистрировано 92 предприятия, в 1960 г. — 54. Но это не означает, что некоторое число предприятий закрылось: часть из них — печи для обжига известнистых, служиваемые двумя-тремя рабочими, — перестала учитываться в связи с вводом в действие четырех кирпичных заводов с общим числом занятых около тысячи человек [66, 46].

В переписях за 1957—1960 гг. размеры учтенных предприятий указаны только по некоторым видам производства. В материалах же, относящихся к периоду 1960—1966 гг., приводятся данные об общем числе предприятий и лиц, занятых в той или иной отрасли. Естественно, что число мелких заведений полуремесленного типа, поддающихся в перепись, невелико. Так, в отраслях, где особенно широко распространено ремесленное производство — в пищевой и текстильной, — среднее число занятых на учтенных в 1960—1966 гг. цензовых предприятиях

тиях составляло соответственно 40 и 100 человек [48, 13—14].

В промышленных переписях 1968 и 1970 гг. (более подробных, чем предыдущие) впервые все предприятия были сгруппированы по числу занятых. Среди них фигурируют и такие, которые использовали от 1 до 9 рабочих каждое; в сумме их персонал насчитывал 1,5 тыс. (1968) и 2 тыс. (1970) из 100 тыс. рабочих, занятых в фабричной промышленности [67; 66]. Возможно, что включение некоторых мелких заведений в промышленный ценз несет и (случайный характер). Но для нас важен тот факт, что преувеличение численности фабричных рабочих, являющееся следствием такого подхода, незначительно.

Большую ценность как источники имеют социологические обследования, проводившиеся в последние годы в Тунисе. Дополняя анализ экономических условий формирования промышленного пролетариата, они дают возможность составить некоторое представление о психологии тунисского рабочего, о его отношении к своему труду и положению в обществе. Особо интересный и обширный материал содержит изданные в 1968 г. тунисским Центром экономических и социальных исследований материалы опроса, проведенного летом 1964 г. на предприятиях обрабатывающей промышленности тунисской столицы [см. 57]. Опрос проводила группа социологов под руководством Поля Себа, известного тунисского ученого марксиста.

Задачей обследования было прежде всего определить происхождение рабочих, их культурный уровень, степень удовлетворенности своим трудом как с точки зрения его оплаты, так и содержания, воздействия на физическое состояние и психику. На основе собранных данных предполагалось определить, насколько люди, попадающие на промышленные предприятия, способны привыкнуть к индустриальному труду, насколько их неподготовленность к такого рода деятельности препятствует развитию производственного производства, насколько устойчив контингент занятых в промышленности и т. п.

Сведения, полученные в ходе обследования на предприятиях столицы, могут послужить основой и для более широких обобщений. Ответы рабочих на предлагавшиеся им анкеты, хотя и не в прямой, разумеется, форме, проявляют свет и на отношение рабочих к существующему режиму, и на их представление о месте пролетариата

в тунисском обществе, на их мнение о перспективе изменения нынешнего положения. Они дают возможность судить о том, насколько сформировались замена традиционного группового сознания (сознания принадлежности к определенному составу, к религиозной или местнической, региональной общности, иногда к племени) пролетарским самосознанием.

Имеются и другие аналогичные материалы, в частности результаты опроса, проведенного в вилайете Гафса Бюро социологических исследований при тунисском государственном секретариате планирования и национальной экономики. Его целью было изучение условий жизни шахтеров этого района, которые составляют около 70% горнодобывающей промышленности Туниса [см. 37]. Обследование дает достаточно полное представление о материальном положении тунисских горняков и существенно дополняет собранные в столице материалы, освещавшие проблемы классового формирования пролетариата.

Опубликованы также материалы обследований, проведенных небольшими группами специалистов на отдельных предприятиях, в частности на новых заводах, построенных в провинциальных городах Бедже и Кассерине. Чаще всего эти опросы (особенно опросы, проводимые Бюро социологических исследований) носили сугубо практический характер: прежде всего рассматривались проблемы эффективности системы управления, подбора кадров.

Представляют интерес материалы социологического опроса, проведенного студентами тунисского университета под руководством П. Себа в 1966—1967 гг. среди различных слоев населения столицы [см. 44]. Им были охвачены три категории рабочих: 1) квалифицированные мастера, 2) неквалифицированные, 3) чернорабочие и поденщики. Опрос имел невысокий процент выборки и несравним с упомянутыми выше источниками, но ценность его заключается в широте проблем, затронутых исследованием.

Особое значение для изучения проблемы становления рабочего класса имеют материалы съездов Всеобщего союза тунисских тружеников, изданные на арабском и частично на французском языках. Они дают возможность проследить эволюцию политической платформы

мы этого профсоюзного центра, оказавшую существенное влияние на процесс формирования тунисского пролетариата.

Динамика роста тунисского рабочего класса

В прошлом веке ремесленные корпорации, существовавшие в больших городах страны, использовали не сколько тысяч рабочих. Но этот слой распадается, исчезает вместе с сословием балды, владельцем крупных ремесленных мастерских. Образование первых групп тунисского пролетариата связано с развитием «европейской» промышленности. Как уже отмечалось, до второй мировой войны основные средства вкладывались в горную промышленность; в стране возникли многочисленные, но мелкие фабрики по производству пищевых продуктов и строительных материалов.

В первой трети XX в. потребность промышленности в рабочей силе удовлетворялась в значительной мере за счет европейской, главным образом итальянской, иммиграции. Европейцы не только составляли прослойку квалифицированных кадров, но и основную часть чернорабочих [147, 129—150]. В тот период еще не было условий для образования стабильного класса пролетариев-тунисцев. Работа в промышленности служила временным занятием, часто имела форму отходничества. По данным переписи 1921 года в стране насчитывалось 110 тыс. рабочих-тунисцев, в том числе в промышленности и на транспорте — 30—35 тыс., из них 16 тыс. — на фосфоритных шахтах и рудниках. Почти все они работали временно. 95% рабочих-тунисцев не имели определенного места жительства [102, 17].

Первые достаточно крупные отряды тунисского пролетариата складывались на разработках фосфоритной руды и в морских портах. Но для них была характерна крайняя текучесть кадров. В опубликованном в 1931 г. исследовании, посвященном тунисской горнодобывающей промышленности, отмечалось: «Тунисский рабочий — почти всегда одновременно земледелец. Он рассматривает работу на рудниках как временное занятие, к которому обращается в случае необходимости. Резервы местной рабочей силы зависят от урожая. В 1929 г., когда на Юге был богатый урожай, на шахтах

не хватало рабочих, несмотря на то что предлагалась повышенная плата. Напротив, в недородном 1930 г. местные жители массами устремились на рудники... Это нарушает производственный ритм. Чтобы закрепить рабочую силу, некоторые горнорудные компании вводили премии за непрерывность службы, другие стали бесплатно с них обязательство ежегодно отывать определенное число дней на шахте...» [160, 69—70]. Сходная ситуация наблюдалась и в портах. Они обслуживались хотя и многочисленной, но случайной рабочей силой, используемой нерегулярно.

В течение всего колониального периода только бригады и «головные» группы грузчиков состояли на постоянной службе. В одном из номеров бюллетеня местной секции ВКТ за 1925 г. можно найти следующее предельство: «Крупные горнодобывающие компании производят двойственную политику в отношении здешних рабочих. На шахтах, где трудно бывает изыскать необходимый персонал, дирекция выдает премии за непрерывную работу. Но в пунктах отправления, больших городах, где возможность набора рабочих не столь ограничена, компании выгоднее нанимать человека временно. Он разгружает один-два вагона, получает некоторую сумму и возвращается к другим делам, покуда нужда не заставит его снова искать заработка в порту» [208, 1925, VII—VIII, 25].

Однако уже в 30-е годы конъюнктура на рынке труда стала изменяться. Подобно другим колониям и зависимым странам, Тунис ощутил последствия мирового экономического кризиса, совпавшего с временем, когда в самой стране ускорился процесс разрушения ремесла, традиционного сельского хозяйства. Введение механизации на французских фермах в Северном Тунисе лишило работы маслу батраков. В этот период начались миграции сельского населения в крупные города.

К середине века национальные кадры уже формировали основную часть промышленных рабочих. По оценке, сделанной министерством труда (на 1951 г.), местные жители составляли 72% занятых в промышленности и торговле [154, 87]. Более того, на городском рынке труда создался значительный перевес предложения над спросом. Уже в первой половине 50-х годов в городах насчитывалось свыше 100 тыс. безработных.

В 1953 г. министерством социальных дел было про-
ведено обследование промышленных, транспортных,
строительных и коммерческих фирм, насчитывавших 50
и более работников, — всего 311 предприятий. Общее
число занятых здесь оказалось равным 62,5 тыс. чело-
век, из них: 28 420 — в горной и обрабатывающей про-
мышленности, 14 380 — в строительстве, 11 970 — на
транспорте и 7730 — в торговле и сфере услуг [173,
1954, II, 60—63].

Подобной переписи на других предприятиях не про-
водилось, и удельный вес занятых в крупной промы-
шленности по отношению ко всем рабочим не был изве-
стен. Однако авторы, опубликовавшие материалы об-
следования, отметили, что персонал предприятий с 50 и
более занятых составлял свыше половины всех наемных
рабочников, числившихся в кассах семейных пособий
[173, 1954, II, 59]. О распределении занятых по нацио-
нальной принадлежности и профессиональным группам
на этих крупных предприятиях можно судить по таб-
лике 27.

Таблица 27
Число занятых на крупных предприятиях,
1953 г.*

Национальность	Профессиональные группы			Процент к итогу
	служа- щие	кавалифи- цирован- ные ра- бочие	чернорабо- чие	
Тунисцы	2070	9 500	29 830	41 400
Французы	3750	6 290	2 060	12 100
Итальянцы и про- чие	1170	6 210	1 620	9 000
Всего . . .	6990	22 000	33 510	62 500

* [173, 1954, II, 60—63].

Итак, местные жители составляли основную массу подсобных рабочих и (почти половину) квалифицирован-
ных или обученных определенным операциям рабочих.
Однако почти все рабочие (высшей квалификации) были

европейцы. Среди 1870 бригадиров и мастеров было
только 157 тунисцев, среди 625 инженеров — 9 тунис-
цев.

Процесс становления рабочего класса и превраще-
ния его в стабильную социальную категорию начался
еще до независимости. По инициативе самих рабочих,
в частности докеров, в стране была создана сеть нацио-
нальных профсоюзов, объединенных во Всеобщем союзе
тунисских грузчиков (ВСТГ). Накануне получения
страной независимости в Союз входило около 180 тыс.
человек, всего же в Тунисе тогда насчитывалось
500 тыс. лиц, работавших по найму. Кроме того, в стра-
не действовали филиалы французских профсоюзных
организаций, в том числе филиал ВКТ, в котором наря-
ду с рабочими и служащими — европейцами участвовали
тунисские трудалии, находящиеся под влиянием ком-
мунистов.

Тунисские профсоюзы сыграли значительную роль в
борьбе за независимость страны. В своих теоретических
установках ВСТГ придерживался концепций, выдвигав-
шихся новодустровской партией. Но в практических
действиях профсоюзный центр руководствовался собст-
венными методами, проявляя большую решительность,
шель дальше партии, применяя как основное средство
борьбы массовую стачку. По признанию колониальных
властей, председатель ВСТГ Фархат Хашед, руководив-
ший организованными отрядами рабочих, представлял
для французов даже большую опасность, нежели пред-
почитавшие тактику компромиссов новодустровские
лидеры [189, 1965, № 9, 24].

Как уже указывалось, первый этап независимого су-
ществования страны был отмечен спадом промышлен-
ного производства. Судя по переписям 1957—1959 гг.,
которые охватывали горнодобывающую и обрабатываю-
щую промышленность, а также железнодорожный транс-
порт, численность постоянно занятых рабочих за эти
годы не только не возросла, но даже несколько уменьшилась. На 8% сократилось число дней, отрабатываемых
сезонниками [66, табл. 1].

В годы реализации десятилетнего плана развития
занятость в сельскохозяйственном производстве зна-
чительно возросла: за период с 1960 по 1970 г. число
+ Членство в профсоюзах
(Заседание членского совета профсоюза
Земледелия, скотоводства, охоты, суперсовета)

постоянных рабочих и служащих в промышленности и смежных отраслях удвоилось. Таблица 28 дает представление о росте рабочей силы на предприятиях, учитываемых Службой промышленной статистики.

За 10 лет общее число рабочих и служащих, занятых в фабрично-заводской промышленности, в строительстве и на транспорте возросло с 50—60 тыс. до 110 тыс. Наиболее значительным было увеличение рабочей силы в металургической и металлообрабатывающей, энергетической и текстильной промышленности современного типа, а также на предприятиях автомобильного, морского и воздушного транспорта. Повысился удельный вес рабочих, занятых на предприятиях со сложным производством — на автосборочных, электромеханических, радиотехнических и прочих. Рабочий и технический персонал промышленных предприятий к настоящему времени почти полностью состоит из тунисцев; в 1968 г. на них было учтено лишь 2,6 тыс., а в 1970 г. — 1,9 тыс. иностранцев. Следует отметить также сравнительно широкое для мусульманской страны привлечение к работе в промышленности женщин. В 1970 г. на всех ценных предприятиях было занято 7,9 тыс. женщин, в том числе 5 тыс. на текстильных и швейных фабриках, где они составили свыше 40% постоянного персонала.

Удельный вес фабрично-заводского пролетариата в армии наемного труда

Чтобы получить представление о месте промышленного пролетариата в современном тунисском обществе, необходимо рассмотреть его рост на фоне общих изменений в структуре городского населения и в составе армии наемного труда.

Как уже отмечалось, в годы независимости в Тунисе наблюдался быстрый рост численности армии наемного труда. Однако употребляемая в тунисской статистике профессиональная категория «рабочие», которая подразумевает всю совокупность лиц физического труда, работающих по найму, включает значительную группу людей, уже отчужденных от собственности, но еще весьма далеких (и по месту в системе производства, и по форме своего существования) от пролетариата. По-

Таблица 28

Лица наемного труда, занятые в промышленности, строительстве и на транспорте*

Отрасль производства	Число занятых (постоянный персонал)					Прирост за десятилетие, %
	1960 г.	1964 г.	1966 г.	1968 г.	1970 г.	
Горнодобывающая промышленность и энергетика						
добыча минерального сырья	12 700	13 500	15 000	15 760	17 756	39,8
добыча и переработка нефти	400	1 000	1 000	1 020	740	85,0
производство и распределение электроэнергии, газо- и водоснабжение	2 200	2 700	3 200	3 240	6 167	180,0
Всего . . .	15 300	17 200	19 200	20 020	23 663	54,8
Обрабатывающая промышленность						
металлургическая и металлообрабатывающая промышленность **	2 700	5 200	8 220	9 240	12 058	346,6
производство строительных материалов	2 830	4 200	5 850	6 600	7 049	149,1
химическая промышленность	2 330	3 000	3 750	4 220	4 533	94,5

Продолжение табл. 28

Отрасль производства	Число занятых (постоянный персонал)					Прирост за десятилетие, %
	1960 г.	1964 г.	1966 г.	1968 г.	1970 г.	
пищевая и табачная промышленность	3 860	6 770	6 770	10 030	9 750	152,6
текстильная, швейная и обувная	3 120	6 270	9 260	12 050	14 430	362,5
деревообделочная, бумажная, полиграфическая и прочие	1 360	4 860	6 180	7 490	7 760	463,2
Всего . . .	17 200	30 400	39 930	49 630	55 480	222,5
Строительство и транспорт строительство и общественные работы	3 500	9 000	14 250	10 900	8 909	154,5
транспорт	11 400	15 100	16 750	18 050	21 047	84,6
Всего . . .	14 900	24 100	31 000	28 950	29 956	101,0
Все отрасли . . .	50 300 (55—60 000)***	74 600	92 300	98 600 ****	109 100 ****	

* Подсчитано по: [48; 66; 67; 68].

** Включая предприятия по производству металлоизделий, ремонту электротехнического и механического оборудования, транспортных средств.

*** Оценки данных промышленной переписи на 1960 г. нам кажутся заниженными. В пищевой и текстильной промышленности, а также в строительстве было недоучтено примерно 5—10 тыс. занятых.

**** В том числе рабочих: в 1968 г. — 84 600 и в 1970 г. — 93 500 человек.

этому необходимо, учитывая конкретные условия, особенности данной страны, хотя бы в некотором приближении определить границы собственно пролетариата, а также той части лиц, работающих по найму, которая может быть квалифицирована как полупролетарская прослойка.

Как показывают расчеты, проведенные на основании данных всеобщих переписей населения и промышленных цензов, общая численность городской (несельскохозяйственной) армии наемного труда за первое десятилетие независимости Туниса увеличилась вдвое, а удельный вес пролетариата в ней поднялся с 16,8 до 23% (табл. 29) ¹.

К отряду современного городского пролетариата относятся рабочие фабрично-заводской промышленности и сосредоточенные на крупных предприятиях строительные и транспортные рабочие. В 1966 г. на предприятиях цензовой промышленности было занято около 80 тыс. рабочих, в том числе 15 тыс.—на транспорте, 10 тыс.—в строительстве. Однако следует иметь в виду, что промышленными переписями охватываются только производственные предприятия, поэтому известная часть рабочих (которая состоит на службе при администрации и муниципальных учреждениях) ими не обслугивается. Во время проведения переписи населения в 1966 г. было учтено 25 тыс. «административных» рабочих, занятых в городском хозяйстве, на ремонте дорожной сети и других гражданских инженерных сооружений, ведущемся на средства министерства общественных работ [71, 116]. Большинство этих рабочих трудятся в коллективах, насчитывающих по несколько сот человек.

Очевидно, что промышленными переписями также лишь частично охвачены и строительные предприятия. В 1964 г. было учтено 9 тыс. постоянно занятых в строительстве, в 1966 г.—немногим более 14 тыс., в 1968 г.—11 тыс. (не считая 15—20 тыс. сезонников) [48; 67]. Но строительство в Тунисе—отрасль, где наблюдался особенно высокий рост занятости. По данным переписией населения, общее число работающих в строительстве возросло между 1956 и 1966 гг. с 22—28 тыс. до 60 тыс. [98; 73; 56]. По оценке же, сделанной министерством планирования на 1964 г., в строительстве было занято 85 тыс. человек [55, т. III, 24]. На первом этапе суще-

Таблица 29
Рост и изменение состава армии наемного труда

в несельскохозяйственных отраслях экономики*

Категория лиц наемного труда	1956 г. **		1966 г.	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Служащие	11,8		14,5	
инженерно-технические кадры, рабочники связи, полиции и администрацииального аппарата	8	20		
учителя и другие работники системы образования	9	20		
контторские служащие	11	30		
Городской пролетариат	(40)	16,8		
рабочие горной и обрабатывающей промышленности	55	15—20		
транспортные рабочие	15			
строительные рабочие	15—20			
рабочие, занятые в торговом и коммунальном хозяйстве	15—20			
Другие категории работающих по найму:	71,4	62,5		
сезонные и временные рабочие в промышленности и смежных отраслях	(50)	40—50		
рабочие мелкого ремесленного производства	(20)	30		
наемные работники в торговле	10	20		
наемные работники в сфере услуг	10	30		
полностью безработные	(100)	(120)		
бездействующие, занятые в «отрядах по борьбе с осталостью»		50		
Всего . . .	238	100	480	100

* Подсчитано по: [70; 71; 73; 43; 48]. В скобках оценка.

** Только тунисцы.

ствования независимого Туниса увеличение численности рабочих в этой отрасли происходило в основном благодаря расширению жилищного строительства, но с переходом к политике планирования значительная рабочая сила была привлечена к строительству промышленных объектов, ирригационных сооружений, плотин и т. п. Хотя за эти годы, вероятно, и происходило увеличение числа мелких строительных артелей, столь значительный прирост занятости нельзя отнести только на счет кустарных предприятий. Промышленные переписи, видимо, в полтора-два раза занижают действительную численность постоянных строительных рабочих, учитывая только самые крупные предприятия.

Разумеется, преобладающая часть строителей, как и рабочих, занятых в городском и дорожном хозяйстве, не входит в ядро кадрового пролетариата. Для этой отрасли характерна текущесть рабочей силы; общий уровень квалификации строителей, как правило, очень низок, чернорабочие составляют среди них большинство. Кустарной пролетарской прослойке, видимо, из этой категории можно отнести не более 30—40 тыс. человек.

Таким образом, ядро современного пролетариата в Тунисе во второй половине 60-х годов состояло из 100—110 тыс. человек, причем к началу 70-х годов оно увеличилось незначительно, максимум на 15—20%.

Важным вопросом является определение численности полупролетарских слоев городского населения, к которым относятся наемные рабочие в ремесленном производстве, некоторые категории служащих, а также более или менее регулярно занятые в промышленности, в строительстве и на транспорте сезонные рабочие.

В 1964 г. Министерством планирования было предпринято обследование рабочей силы на всех предприятиях, зарегистрированных в налоговом департаменте. В отличие от переписей Службы промышленной статистики обследованием были охвачены все мелкие предприятия (полукустарного типа) (кроме работающих в одинокую ремесленников). На предприятиях обрабатывающей промышленности с числом рабочих меньше 10 было учено почти 30 тыс. занятых (и 3,5 тыс.— на мелких строительных и транспортных предприятиях) [43, 33—34].

Наибольшее число карликовых предприятий обследованы в 1964 г. отмечено в пищевом производстве, где

28,4% рабочих были сосредоточены в заведениях с 1—3

и 21,6% — с 4—9 занятыми; в текстильном и швейном производстве, где 20,9% рабочей силы занято на пред-

приятиях с 1—3 работниками; в деревообделочном и

мебельном производстве, кожевенно-обувном, а также

в металлургическом и металлообрабатывающем, где

46,5% постоянного персонала занято в мастерских с

1—3 рабочими [43, 33—34].

Прямое сопоставление данных обследования рабо-

чей силы и переписей Службы промышленной стати-

стики невозможно (поскольку различна даже сама ме-

тодика учета). Однако есть основания полагать, что

в 1964 г. в обрабатывающей промышленности фабрич-

ного типа и в полуремесленном промышленном произ-

водстве использовалось примерно равное число рабочих.

В последующие же годы соотношение должно было

измениться. В 1965—1966 гг. начала действовать основ-

ная часть заводов, строившихся в соответствии с пла-

ном экономического развития. В этот период рост рабо-

чей силы в промышленности шел преимущественно за

счет крупных предприятий, тогда как занятость в мел-

ком промышленном производстве оставалась на преж-

нем уровне, а в ряде отраслей даже сокращалась. Та-

ким образом, в нефабричной промышленности Туниса

численность наемных рабочих сохраняется в пределах

25—30 тыс., в то время как в современных отраслях

промышленного производства за 1964—1966 гг. она воз-

росла с 32 тыс. до 40 тыс. и достигла 55 тыс. к 1970 г.

В промышленных отраслях широко используется временная рабочая сила. Ее удельный вес особенно высок

в занимающей одно из ведущих мест пищевой промыш-

ленности, где производство носит преимущественно се-

зонный характер. Например, на сахароррафинальном за-

воде в Бедже используется около 500 постоянных и

3000 сезонных рабочих [170, 16 IX 1966]. В консервной

промышленности в 1968 г. было занято только 570 по-

стоянных рабочих против 8,5 тыс. сезонных [67, 142].

Значительное число сезонников используется на транс-

порте. В строительстве поденные и временные рабочие

составляют не менее $\frac{2}{3}$ занятых.

В материалах промышленных переписей обычно не приводятся данные о числе лиц, нанимаемых на пред-

приятиях временно, не сообщается, сколько дней отра-

ботали за год сезонники. Но учитывая, что сезонные

рабочие в среднем бывают заняты 3—4 месяца в году, можно определить их приблизительную численность [составлено по: 48, 1—25]:

	Количество отработанных дней, тыс. (1966 г.)	Число сезонных и временных рабочих, тыс. человек
Горнодобывающая и нефтяная промышленность	104,0	0,9—1,1
Пищевая промышленность	900,0	7,5—10,0
Другие отрасли обрабатывающей промышленности	592,0	5,0—6,6
Строительство и общественные работы	1865,5	15,5—20,8
Транспорт	267,0	2,2—3,0

Эти расчеты сделаны на основании переписей Службы промышленной статистики и, следовательно, касаются только части предприятий — в основном крупных и средних. Но хозяева ремесленных мастерских, небольших фабричек ~~редко~~ прибегают к использованию временных рабочих, поскольку в периоды благоприятной конъюнктуры у них, как правило, не образуется избытка сырья. Поэтому при оценке общей численности отряда промышленных рабочих (которая так или иначе базируется на приблизительных и округленных цифрах) сезонную рабочую силу в мелком производстве можно во внимание не принимать.

Разумеется, численность сезонных и временных рабочих, используемых в промышленности, меняется от года к году. Например, на предприятиях по консервированию овощей и фруктов число сезонников, приходившихся на одного постоянного рабочего, в 1959—1964 гг. колебалось от 5 до 12, на рыбоконсервных фабриках — от 8 до 25 человек [202, 1968, № 14, 119—120]. В 1970 г. соотношение постоянно занятых и сезонных рабочих в обоих видах производства составило 1 : 9 [68, 147]. Однако в целом сумма дней, отрабатываемых сезонниками в промышленности и смежных отраслях, сохраняется примерно на одном уровне: 4,3 млн.— в 1960 г., 3,7 млн.— в 1966, 4,8 млн.— в 1968, 3,7 млн.— в 1970 г. [48; 67; 68]. Следовательно, и численность не имеющих постоянного места, но регулярно занятых в промышленности на транспорте и в строительных предприятиях рабочих остается в общем неизменной и составляет в этих отраслях до 30% всей рабочей силы².

Как известует из приведенных выше данных, за первое десятилетие независимости в городской армии наемного труда удельный вес фабрично-заводского пролетариата повысился. Для категорий рабочих, занятых в мелком промышленном и ремесленном производстве, увеличение было несущественным. В то же время рост прослойки служащих и наемных работников в сфере торговли и услуг происходил теми же темпами, что и пополнение рядов пролетариата, занятого в крупном производстве. Согласно нашим подсчетам, динамика роста различных групп армии наемного труда характеризовалась следующими цифрами (в тыс. человек):

	1956 г.	1966 г.	Прирост, %
Служащие	28	70	+ 150
Постоянные рабочие			
в промышленности, строительстве, ремесленном производстве и на транспорте	60	140	+ 137
наемные работники в торговле и услугах	20	50	+ 150

Увеличение общего числа наемных работников в сфере торговли и бытового обслуживания не сопровождалось концентрацией производства, которая сблизила бы их по характеру труда с индустриальными рабочими. Они разбросаны по тысячам мелких предприятий: в 1964 г. 76% торговых заведений имели менее трех работников [43, 34].

Представители низших категорий служащих, скажем, китайские работники, по своему материальному положению смыкаются с городскими пролетарскими слоями. Зачастую они живут даже в худших условиях, нежели рабочие, особенно квалифицированные. Но характерная для развитых капиталистических стран XX в. пролетаризация основной массы служащих, «белых воротничков», не типична для нынешнего уровня развития афро-азиатских государств. Разрыв между рабочим классом и служащими вызывается не только и, быть может, не столько разницей в уровне доходов, сколько психологическими факторами. Это, во-первых, традиция, согласно которой должность чиновника считается привилегированной, «уважаемой», во-вторых, то обстоятельство, что положение служащего действительно дает больше возможностей для продвижения.

Таким образом, близкими к пролетариату, видимо, следует считать только такие категории лиц наемного труда, как сезонные рабочие, регулярно занятые на крупных производствах (40—50 тыс.), рабочие ремесленных мастерских (30 тыс.), работники предприятий торговли и сферы обслуживания с числом занятых более двадцати (20 тыс.), часть не имеющих специальной подготовки и выполняющих простые функции конторских служащих (10—15 тыс.), а также безработных, имеющих квалификацию рабочего или трудившихся в прошлом на промышленных предприятиях. В итоге получается, что несельскохозяйственный пролетариат в 1966 г. насчитывал 100—110 тыс. человек, а полуторатарские слои — 170—190 тыс., что вместе составляло свыше 20% всего самостоятельного населения и 30—40% городского самостоятельного населения.

Производственная и территориальная концентрация промышленного пролетариата

В колониальный период промышленность Туниса формировалась на основе иностранных капиталов, в годы независимости ее развитие было в основном связано с деятельностью государственных и смешанных компаний, инвестиционных банков. Как следствие этого для страны характерна резкая поляризация промышленных предприятий. К началу 70-х годов рабочая сила, занятая в несельскохозяйственном производстве (не считая поденников и сезонных рабочих), концентрировалась на двух полюсах: с одной стороны — 40—50 тыс. кустарей и рабочих ремесленных мастерских, с другой — почти 100 тыс. рабочих, трудившихся на крупных и средних предприятиях. Предприятия промежуточного звена (с 10—50 рабочими) имели не более 10 тыс. занятых. Промышленной переписью 1970 г. была учтена примерно 1 тыс. предприятий, в том числе 200 предприятий, использовавших свыше 100 человек каждое. На них было занято около 80% всех рабочих и служащих [см. 68]. Правда, в отдельных случаях занятые на каждом-нибудь крупном предприятии (под которым в данном случае подразумевается собственность компании) разбросаны по нескольким объектам и трудаются в больших коллективах. Это относится к части рабочих, занятых в производстве и снабжении электроэнергией.

Кроме того, как единое предприятие учитываются и кооперативы, действующие, например, в строительстве, хлебопекарном производстве (табл. 30).

Таблица 30

*Распределение предприятий по числу занятых и общая численность работавших на них для наемного труда (предприятия, учтенные промышленной переписью 1970 г.)**

Отрасли промышленности	Группы предприятий по числу рабочих					Всего
	менее 10	10—19	20—49	50—99	100 и более	
Электро- и газоснабжение . . .	—	—	—	—	5 167	5 167
Горная (включая нефтяную)	10	47	80	466	17 893	18 496
Металлургическая и металлообрабатывающая . .	304	482	1 311	1 885	8 076	12 058
Производство строительных материалов . .	204	191	741	541	5 372	7 049
Химическая . .	139	300	512	824	2 758	4 533
Пищевая и табачная	326	615	1 610	1 947	5 253	9 751
Текстильная, швейная и обувная	99	436	2 011	2 422	9 462	14 430
Деревообрабатывающая, бумагная и т. п. . . .	247	551	1 379	1 396	4 087	7 660
Строительство . .	110	219	805	787	6 988	8 909
Транспорт	16	18	74	141	20 798	21 048
Итого . . .	1 455	2 859	8 523	10 409	85 854	109 100

* Подсчитано по: [68, 244].

В горной промышленности основная масса рабочих сосредоточена на предприятиях, насчитывающих более тысячи занятых. На транспорте каждое предприятие в среднем имело 700 рабочих. В энергетической и обрабатывающей промышленности в 1970 г. отмечено 135 крупных предприятий со средним числом занятых 300 человек. Однако подлинно крупных промышленных объектов в Тунисе сравнительно немного, причем боль-

шинство из них построено в 60-х годах. 1,5 тыс. человек работает на сталелитейном заводе в г. Мензель-Бургиба, почти 800 — на верфи в Бизерте. По пятьсот и более рабочих используют целлюлозный и бумажный заводы в Кассерине, новый комплекс механических мастерских в Сусе. На сахельских текстильных фабриках занят в среднем по 400 рабочих. Среди крупных предприятий столицы можно назвать теплоэлектропротяжель в Ла-Гулетте (свыше 1,5 тыс. рабочих), табачную фабрику (около 800) [43; 48; 65; 66; 67].

Для тунисской промышленности характерна значительная территориальная концентрация. В целом размещение предприятий плензовой промышленности в 1970 г. характеризовалось следующим образом [68, 243]:

Доля предприятий, %

Доля занятых, %

Северный Тунис	
вилает Тунис	56,1
вилает Бизерта	4,7
остальные районы (4 вилайета)	11,7
Восточное побережье	9,6
вилает Сфакс	13,5
вилает Сус	10,3
Южный и Центральный Тунис	8,9
вилает Гарса	8,4
остальные районы (4 вилайета)	0,4
	9,0
	3,3
	4,5

На шахтах вилайета Гарса, которые расположены на трех месторождениях фосфоритов, трудится свыше 10 тыс. рабочих, 2,5 тыс. горняков насчитывается в вилайете Эль-Кеф [по: 67; 68]. Едва ли не все предприятия обрабатывающей промышленности (особенно до последнего времени) находились в четырех городах страны — Тунисе, Сусе, Бизерте и Сфаксе. В столице и ее предместьях размещено больше половины всех заводов и фабрик, транспортных и строительных предприятий с числом занятых свыше 50 и почти 35% мелких предприятий.

В такой отрасли, как производство строительных материалов, преобладают предприятия, использующие 100, максимум 200 рабочих. Но в столице насчитывается 20 таких заводов, которые к тому же расположены в одном районе города. В г. Тунис находится 110 металлообрабатывающих предприятий, в г. Сфакс — 25, в других районах страны — 28. Обогатительные фабрики существуют в двух городах: в Сфаксе 4 предприятия по

300 рабочих на каждом, в Тунисе 8 более мелких фабрик. Из 35 консервных фабрик 20 размещены в г. Тунис. Из 34 действующих текстильных фабрик 13 находятся в Тунисе, 14 — в вилайете Сус [по: 68].

Квалификационный состав промышленного пролетариата

Определение численности прослойки квалифицированных рабочих и ее места в составе тунисского пролетариата затрудняется тем, что отдельные предприятия дают сведения о квалификации своего персонала по разной шкале. Это объясняется тем, что единая, официально установленная сетка профессиональной классификации существует лишь для «государственных рабочих», занятых в учреждениях и на предприятиях, непосредственно подчиненных министерствам или муниципалитетам. На промышленных предприятиях, принадлежащих акционерным обществам и частным лицам, принята разнородная система профессиональных разрядов.

В официальном публикуемых сводных данных о квалификационном составе промышленных рабочих обычно различаются три категории: мастера, квалифицированные рабочие, неквалифицированные и разнорабочие.

В отдельных случаях выделяется категория полукалифицированных или «специализированных» рабочих, обученных определенным, как правило, несложным операциям.

Судя по данным статистического ежегодника за 1966 г., в горнодобывающей промышленности удельный вес квалифицированных рабочих составил 33%, а доля высшей категории, бригадиров и мастеров — 4,3% [33, 76]. В 1964 г. (по данным выборочного опроса) на предприятиях энергетической и обрабатывающей промышленности г. Тунис квалифицированные рабочие составляли 35,6%, мастера и бригадиры — 6,7% [57, 27].

В промышленных переписях за 1968—1970 гг., где впервые сведения о профессиональном составе персонала даны по всем отраслям производства, помимо инженерно-технических работников и административных служащих, были выделены две категории — мастера и квалифицированные рабочие (остальная часть занятых подведена под рубрику «прочие»). В среднем по всем учтенным предприятиям промышленности соотношение этих групп в 1970 г. было следующим: 6% — мастера,

46% — квалифицированные рабочие, 48% — прочие (табл. 31). Очевидно, что к «прочим» причислены разнорабочие, ученики, а также обслуживающий подсобный персонал. Что касается категорий «квалифицированные рабочие», то к ней, видимо, отнесены все лица, прошедшие какую-либо специальную подготовку, включая и тех, кто выполняет достаточно несложные операции. Одни квалифицированные рабочие эту группу составить не могут, так как ее удельный вес слишком велик. Во многих отраслях промышленности, в том числе в текстильной, пищевой, кожевенной, выполненная переписью группа квалифицированных рабочих составляет до 60%, а в металлургической и нефтяной — 96—99%.

Таблица 31

Уровень квалификации промышленных рабочих по переписи 1970 г.*

Отрасль промышленности	Мастера и бригадиры	Квалифицированные и обученные рабочие	Чернорабочие и обслуживающий персонал
Горная и нефтяная	788	6 515	9 679
Электро- и водоснабжение	857	1 781	1 172
Металлургическая и металлообрабатывающая	520	4 879	4 641
Производство стройматериалов			
Химическая	288	2 036	4 045
Пищевая и табачная	288	1 215	1 867
Текстильная, швейная и обувная	417	4 586	3 238
Деревообделочная и другие	756	7 346	4 698
	402	2 898	2 999
Всего	4 316	29 591	31 290
	6	46	48

* Составлена по: [68, 245].

Таким образом, тунисская статистика не дает возможности различить обученных и собственно квалифицированных рабочих, обладающих специальной подготовкой и навыками, необходимыми для выполнения сложного труда. Можно лишь заключить, что обе эти категории составляют вместе от 40 до 50%. При этом многие факты свидетельствуют о тенденции к повыше-

нию удельного веса рабочих высшей и средней квалификации. По подсчетам, произведенным министерством планирования при составлении десятилетнего плана развития, на вновь создаваемых промышленных предприятиях из каждого 100 рабочих мест в среднем десять должны предоставляться инженерам и служащим, шесть — средним техническим специалистам и 38 — квалифицированным рабочим [123, 35].

Строительство современных промышленных объектов, начатое в рамках политики государственного планирования, естественно, вызвало необходимость создания национальных кадров квалифицированных рабочих. Лишь небольшое число новых заводов, в частности, сажарный завод в Бедже, обслуживается рабочей силой низкой квалификации⁴. Например, для сталелитейного завода в Мензель-Бургибе только в Национальном институте профессионального обучения было подготовлено 70 рабочих с квалификацией мастера; всего же на завод к моменту открытия было набрано 900 рабочих [39, 114; 130, 28]. Значительная часть рабочих, поступивших на цеплопознную фабрику в Кассерине, была предварительно послана на стажировку за границу. Как указывается в брошюре, выпущенной фирмой «Аль-Барак», на бужажной фабрике, которая должна занять 350 рабочих, только 40 мест предназначено для лиц, не имеющих специальной подготовки [76, 14].

Под наблюдением правительственные органов в Тунисе с 1962 г. начато создание сети профессионально-технического обучения. Для подростков 14—18 лет, не сумевших продолжить образование в средней школе, открыты подготовительные ремесленные училища, где в течение года они проходят сокращенную общеобразовательную программу и приобретают элементарные технические навыки. К концу 60-х годов в стране действовало 70 училищ на 5—6 тыс. мест, готовящих кадры для работы в промышленности и строительстве [39, 94].

Диплом рабочего средней квалификации получают лица, прошедшие курс профессионального ученичества на предприятиях (1,5—2 тыс. в год) и в центрах профобучения для взрослых (принимающих до 800 человек в год). Лица, прошедшие этот курс, могут работать сварщиками, слесарями, водопроводчиками, мастерами по ремонту автомашин, сельскохозяйственной техники. Более высокая квалификация приобретается в цент-

рах профессионального совершенствования, куда принимаются лица в возрасте от 18 до 35 лет, закончившие среднюю ступень общеобразовательной школы или профессиональные училища. Здесь они могут получить специальность механика-наладчика, токара, фрезеровщика, электрика. Обучение происходит в течение 6—12 месяцев непосредственно на предприятиях или в специальных мастерских. Стажеры получают государственную стипендию; ежегодно она предоставляется пятистам ученикам. Кадры мастеров и техников готовят Национальный институт профессионального обучения. С 1963 по 1965 г. он выпустил 275 мастеров для сталелитейного завода, цеплопознной фабрики и новых текстильных предприятий [39, 114].

Таким образом, сейчас в стране ежегодно может быть подготовлено 5—6 тыс. обученных рабочих, около 2 тыс. средней и 500—600 рабочих высшей квалификации.

Следует учесть, что далеко не все лица, прошедшие курс технического обучения, находят работу по специальности. Так, по данным проведенного в 1967 г. выборочного обследования оказались безработными 30% окончивших школы профобучения для взрослых, 8% лиц, прошедших цикл профессионального совершенствования, и 10% выпускников технических колледжей [137, 145—146]. Нередко случается, что молодые рабочие, отправленные на стажировку за границу, не возвращаются на родину, так как не могут получить в Тунисе соответствующее приобретенной квалификации место.

Трудовая эмиграция постоянно вычерпывает наличные кадры тунисских квалифицированных рабочих. В отличие от Марокко и Алжира, стран со старой традицией трудовой эмиграции, экспорт рабочей силы из Туниса приобрел значительные масштабы уже после получения независимости. В 60-е годы эмиграционный поток устойчиво нарастал, несмотря на ограничения, вводившиеся властями Франции (страны, куда направляется подавляющая часть уезжающих в поисках работы тунисцев). Эмиграция особенно усилилась во второй половине 60-х годов. По официальным данным, за период с 1962 по 1967 г. Тунис покинули 12,5 тыс. рабочих (половина из них выехала из страны только в течение 1967 г.); в 1968 г. уехали 3,5 тыс., в 1969 г.—8 тыс. рабочих. Но эти цифры фиксируют лишь эмиграцию

на основе контрактов, осуществляемую через департамент профессиональной подготовки и найма. Судя же по балансу въездов-выездов, зарегистрированных в различных тунисских выездных пунктах, действительное количество эмигрантов превышает эту цифру в 3—5 раз. Если в 1958 г. из страны выехали на длительные сроки 1,3 тыс. лиц тунисской национальности, то в 1961—1964 гг. их число составляло ежегодно от 6 тыс. до 10 тыс. человек, в 1969 г. достигло 27,5 тыс., в 1971 г.—32,4 тыс. [95, 398]. Разумеется, среди этих людей есть члены семей, женщины и дети. Однако, согласно данным эмиграционного ведомства, большинство отезжающих из страны на работу тунисцев составляют мужчины, на 50—60% холостые [95, 401].

В декабре 1973 г., давая интервью корреспонденту газеты «Ла-Пресс» по поводу принятого правительством ФРГ решения прекратить вербовку иностранной рабочей силы, министр национальной экономики Ш. Айари указал, что общее число тунисцев, выехавших на работу за границу, составляет 200 тыс. человек. Касаясь самого этого решения, министр назвал его «достойным сожаления» и выразил беспокойство по поводу того, что другие страны «Общего рынка» могут последовать примеру ФРГ [198, 9.XII.1973]⁵. Согласно данным французского министерства внутренних дел, в 1962 г. во Франции находилось около 25 тыс. тунисских рабочих, к 1965 г. их число увеличилось до 50 тыс., а к началу 1972 г. достигло 100 тыс. [137, 101; 191, 1971, IV, 11—12; 95, 399]. По сведениям, опубликованным в тунисской прессе в январе 1972 г., число тунисцев во Франции составило 150 тыс. [171, 4.I.1972]. Многие тунисцы уезжают на работу в Ливию, ФРГ, Швейцарию и Бельгию. В этих странах их насчитывалось около 40 тыс. в 1972 г. [95, 399].

Известно, что в европейских странах, «импортирующими» рабочую силу, иммигранты используются на самых тяжелых и низкооплачиваемых работах. Однако наряду с эксплуатацией дешевого неквалифицированного труда компании Запада заинтересованы в привлечении из-за границы подготовленных кадров. Со своей стороны, эмиграционные ведомства стран — экспортёров рабочей силы предпочитают, чтобы отъезжающие лица имели специальность и некоторый производственный опыт.

В Тунисе это объясняют тем, что государство заинте-

ресовано в валюте, поступающей в виде переводов семьи уехавших рабочих. Из 1,5 тыс. рабочих, эмигрировавших в 1966 г. по линии официальных организаций, 62% составляли механики, электрики и лица прочих специальностей. Остальные были зарегистрированы как сельскохозяйственные и строительные рабочие. Не имеющих никакой профессии «чернорабочих» было только 83 человека [39, 115].

По данным газеты «Монд», среди 11 тыс. прибывающих в течение 1970 г. на работу во Францию тунисцев только 30% составляли чернорабочие (против 58% в 1967 г.), 33,8% — «специализированные» рабочие, 35,7% — квалифицированные, 0,5% — инженеры и техники [191, 11—12.IV.1971]. Как показывает практика, во Франции оседают прежде всего рабочие с достаточным уровнем профессиональной подготовки (если им удается найти подходящее место) — поскольку средний уровень оплаты квалифицированного труда во французской промышленности значительно выше, чем у них на родине. Что касается сельскохозяйственных рабочих, то они в основной массе направляются в такие страны, как Ливия.

Удельный вес кадровых рабочих

Удельный вес кадровых и потомственных рабочих в составе пролетариата является, как известно, одним из показателей его социально-экономической зрелости, фактором, существенно влияющим на процесс формирования классового самосознания пролетариата.

В тунисских промышленных предприятиях не приводятся сведения о трудовом стаже рабочих, однако этот пробел до некоторой степени восполняют данные, собранные в ходе выборочных опросов среди фабрично-заводских рабочих столицы (1964 г.) и шахтеров Южного Туниса (1966 г.) [37, 15; 57, 82]:

Стаж работы	Рабочие промышленных предприятий столицы, %	Горняки на шахтах компании «Сокакс» — Гарфса, %
менее 4 лет	9	26,5
5—9	12,5	6
10—14	12,5	20
15—19	20	26,5
20—24	16	15
25—29	9	2
более 30 лет	21	4

Как показали результаты обследований, рабочие с профессиональным стажем свыше 5 лет составляют в столице большинство. Весьма значительную долю (36%) составляют рабочие со стажем от 15 до 24 лет, пришедшие на заводы в 1939—1950 гг., 30% — лица, начавшие работать в промышленности еще в первые годы ее становления.

Иное положение наблюдается в горнодобывающей промышленности. Рабочие, трудившиеся на шахтах менее пяти лет, в 1966 г. составляли больше четверти персонала компании «Сфакс — Гафса». Отчасти это можно объяснить оживлением активности в добывче минерального сырья. В 1964 г. индекс стоимости продукции горнодобывающей промышленности впервые после длительного спада вернулся на уровень 1958 г. [193, 1967, XI, 26—27]. Общая численность занятых в этой отрасли, сократившаяся между 1957 и 1961 г. с 14 до 11 тыс., начиная с 1964 г. стала вновь возрастиать, достигнув к 1966 г. 14,5 тыс. [66, 20; 33, 1966, 76]. Но, видимо, здесь велика и текучесть кадров. Работа на шахтах для многих людей служит временным, переходным занятием.

Жизнь шахтеров глубинного района, затерянного на далеком юге страны, отличается тесной связью с окружающей их крестьянской средой. Еще в недавнем прошлом большинство горняков составляла молодежь, сыновья местных феллахов, которые шли работать на шахту, чтобы поддержать семью или в надежде скопить денег для покупки земли. Зачастую по прошествии некоторого времени они возвращались к сельскому труду. В последнее время тип шахтера-феллаха стал постепенно исчезать. Проработав несколько лет на шахтах, где сохраняются крайне тяжелые и опасные условия труда, рабочие (особенно молодежь, получившая школьное образование) нередко покидают родные места, стремясь найти место в других отраслях промышленности.

В ходе выборочного опроса на предприятиях компании «Сфакс — Гафса» в 1966 г. было обнаружено, что группа молодежи среди шахтеров очень мала: $\frac{2}{3}$ рабочих имели возраст от 35 до 50 лет, многие были еще старше. Возраст свыше 30 лет имело большинство рабочих-новичков [37, 14—15]. Эту особенность подтверждает сопоставление данных о возрастном составе шахтеров Юга и рабочих столицы [составлено по: 37; 57]:

Возраст рабочих	Рабочие предприятий столицы, %	Шахтеры Южного Туниса, %	
		до 30 лет	30—50 лет
до 30 лет	31,3	8	
30—50 лет	55,2	76	16
старше 50 лет	13,5		

В г. Тунис почти треть промышленных рабочих составляет молодежь. На новых заводах, построенных в Бедже, Кассерине, на долю рабочих моложе 30 лет приходится 50—60% [202, 1968, № 14, 36; 139, 49]. В горной промышленности в этом отношении наблюдается картина прямо противоположная. Обращает на себя внимание тот факт, что, хотя среди горняков процент пожилых людей несколько выше по сравнению с рабочими столичных заводов, люди, бессменно прорабатывающие на предприятиях свыше 24 лет, составляют в промышленности по добывче фосфоритов только 6% против 30% в обрабатывающей промышленности г. Тунис.

В горнодобывающей промышленности Южного Туниса сложилась своеобразная ситуация. Среди ее рабочих, представляющих старейший отряд тунисского пролетариата, существует весьма значительное кадровое ядро. В 1966 г. 60% горняков Гафсы имели стаж от 10 до 24 лет, 20% из них принадлежали к числу потомственных шахтеров [37, 14—15]. В то же время отмечается высокая мобильность местного населения. По данным на 1969 г., большинство (70%) шахтеров Гафсы составляют люди приплюс, в основном уроженцы других районов Юга [202, 1970, № 23, 181]. Видимо, поселки, расположенные близ шахт, на границе между степями и Сахарой, играют роль своего рода перевалочного пункта в процессе миграций. Они притягивают жителей окрестных оазисов и кочевий. Судя по приведенным выше данным, миграция в 60-х годах захватила основную массу местной молодежи.

Источники пополнения кадров промышленного пролетариата

Проведенный летом 1964 г. выборочный опрос на промышленных предприятиях г. Тунис дает возможность получить представление о происхождении рабочих столицы, о той роли, которую играют межрайонные миграции в формировании пролетариата. При опросе была поставлена задача охватить все предприятия индустри-

ального сектора. В столице тогда насчитывалось 620 промышленных предприятий, использовавших более 5 рабочих. Однако, чтобы избежать включения в опросersonaла полуреемесленных заведений, отбирались только предприятия с числом занятых более 20 человек. Таких в столице оказалось 129.⁶

Результаты опроса показали, что 48,2% рабочих являются уроженцами Туниса и муниципалитетов, входящих в его предместья (так называемого Большого Туниса), 5,4% приехали в столицу из других крупных городов страны — Сфакса, Суса, Бизерты [57, 31]. Среди рабочих-мигрантов 60% составляют выходцы с Севера, то есть из района, где уже в 30-е годы в земледелии сложилось капиталистическое хозяйство. Среди переселенцев с Севера многие происходят из семей сельскохозяйственных рабочих. Но даже если ни они сами, ни их родственники не были непосредственно связаны с капиталистическими фермами, эти люди так или иначе уже знакомы с крупным производством, работой по найму, техникой.

Характерно, что среди фабрично-заводских рабочих столицы всего 3% приходится на долю уроженцев Сахеля. Между тем в столице и других городах с разной промышленностью (Сфакс, Бизерта) больше переселенцев из Сахеля, чем из какого-либо другого района страны. Известно, что выходцы из этой области пополняют в основном контингенты служащих или лиц свободных профессий. В данных опроса заводских рабочих Очиень небольшую часть промышленных рабочих столяцы составляют переселенцы с Юга и из степной зоны, тогда как именно эти, самые отсталые в экономическом и социальном отношении районы являются главным образом миграционных потоков. Южане редко попадают на предприятия промышленности, но образуют в столице основную массу докеров, строительных рабочих, их больше всего среди поденников, городского люмпен-пролетариата.

Целый ряд факторов влияет на способность мигрантов к адаптации в новых условиях. Она зависит от того, где началась трудовая деятельность, от возраста мигранта к моменту переселения, происходила ли миграция вместе с семьей или индивидуально, от сохранения связей с прежней социальной средой. Как показали

результаты опроса, три четверти мигрантов составляют люди, приехавшие в столицу в возрасте не старше 22-х лет; из них 50% — не достигшие 18-ти лет. Только 24,5% приезжих рабочих — единственные члены семьи, покинувшие родные места. Почти половину мигрантов составляют лица, приехавшие со всей семьей; значительная часть переселилась вместе с братьями. Весьма важен также тот факт, что 60% выходцев из сельской местности и 70% уроженцев мелких городов начали свою трудовую деятельность непосредственно в индустриальных центрах, многие — сразу в столице [57, 43, 46, 89].

Результаты опроса показали, что не менее трети приезжих рабочих потеряли полностью связи с родными местами, а остальные возвращаются на родину лишь время от времени, и то на короткий срок. При этом важно, что причины, которые можно назвать экономическими (дела, связанные с оставленной собственностью, земледельческие работы на своем участке или в порядке помощи родственникам, получение доли урожая), только в 5,5% случаев служат поводом для регулярных посещений родных мест. Обычно люди возвращаются домой лишь для того, чтобы повидать родителей, присутствовать на семейном празднике и т. п. [57, 49].

Все это говорит о том, что, за редкими исключениями, рабочие столицы утратили всякую связь с деревней, с землей. Работа на промышленном предприятии стала основным и единственным родом их деятельности и источником существования. Только 10% семей рабочих имеют дополнительные доходы от земельной собственности, содержания скота, сдачи в наем помещений, рече — от кустарного промысла. Сходные результаты дал опрос рабочих горнодобывающей промышленности. Некоторые семейства горняков получают дополнительные средства существования от земледелия, скотоводства и ремесла, но продукция домашнего производства почти полностью идет на личное потребление [37, 21]. Землей владеют только 12% опрошенных рабочих, в том числе 7,5% имеют участки меньше 2 га. Надо полагать, что в большинстве случаев это приусадебные огорода, какие нередко заводят жители предместий Туниса [57, 35]. Лица, располагающие дополнительными источниками доходов, принадлежат в основном к числу наиболее вы- сокооплачиваемых рабочих, к коренным горожанам. Это

может означать, что квалифицированные рабочие и мастера, среди которых немало выходцев из закиточных слоев городской мелкой буржуазии, довольно сохраняют связь с этой средой и прежним экономическим укладом, чем, скажем, бывшие крестьяне — с деревней. Более вероятно, однако, что речь идет о появившейся у отдаленной части хорошо оплачиваемых рабочих тенденции к выгодному помещению сбережений.

Тот факт, что рабочие-мигранты в большинстве своем потеряли связь с деревней, подтверждается и тем, что 85% переселенцев сами считают, что они обосновались в столице окончательно. Из тех немногих, кто собирается вернуться в деревню, половина рассчитывает сделать это по выходе на пенсию, обычно объясняя свое желание тем, что жизнь в провинции дешевле. Только 2% приезжих рабочих намерены возвратиться по причине того, что у них сохранилась собственность в сельских районах; всего 1,5% заявили о своем желании вернуться к земледельческому труду [57, 48—54].

О стабилизации тунисского пролетариата свидетельствуют также и данные о социальном положении родителей опрошенных рабочих. Среди их отцов крестьянско-хозяйственные — 10,5%, сельско-торговцы — 4,5, высшие чиновники — 1,2, средние служащие — 4,5, рабочие — 29,8, обслуживающий персонал — 1,6, другие категории — 1,2, «экономически неактивные» лица — 5,6% [57, 33]. Таким образом, почти 30% рабочих столицы принадлежит к потомственному пролетариату⁷. Доля выходцев из семей промышленных и сельскохозяйственных рабочих, мелких служащих и работников сферы услуг, вместе взятых, составляет 46,4%. Это люди, для которых труд по найму является семейной традицией.

Подобных данных о положении занимавшихся мелким предпринимательством в городе родителей рабочих в опубликованных материалах опроса не содержится. Имеются лишь сведения о размерах земельной собственности, принадлежащей отцам опрошенных рабочих. Всего среди них отмечено 28,3% крестьян; собственные земельные участки имели 29,1% (разница образовалась за счет земельной собственности, принадлежавшей лицам иных занятий) [57, 34].

Среди крестьян — родителей рабочих значительную

часть (более 60%) составляли люди со средними до-стаками, имевшие наделы свыше 5 га. Конечно, 5—10 га — площадь мизерная для центральных и южных районов, где с одного гектара снимают не более 2—3 чашеницы. Но на Севере такой участок может давать достаточноный доход: в обычные годы, не слишком за-суспивые, здесь в среднем собирают 7—10 ч/га, к тому же многие крестьяне имеют огороды, которые обеспечивают семью овощами в течение всего года. Сведения о месте жительства занимавшихся земледелием родите-лей в материалах опроса не приводятся, но известно, что среди всех опрошенных, включая уроженцев Туниса и его пригородов, 80% были выходцами из северных районов. Поэтому правомерно сопоставить имущество положение крестьян — отцов рабочих и землевладельцев Северного Туниса [составлено по: 87, 12; 57, 35]:

Размеры участков, га	крестьяне северных районов Туниса	крестьяне-отцы рабочих
0—2	—	25,8
2—5	45	12,9
5—10	21	20,9
10—50	28	40,4
свыше 50	6	—

Среди отцов опрошенных рабочих собственники участков выше 10 га составляли 40%, тогда как в Северном Тунисе на эту группу приходится только 28% владельцев хозяйств (мы предполагаем, что участки свыше 50 га семьи рабочих не имели). Это дает основание сделать вывод о принадлежности семей, из которых вышли промышленные рабочие, к средним слоям крестьянства.

При опросе выяснилось, что только 2% рабочих были сами крестьянами до того, как пришли на промышленные предприятия. Правда, около 14% рабочих раньше занимались земледелием наряду с ремеслом и мелкой торговлей. Более чем для 40% опрошенных основным занятием до поступления на данный завод была работа в промышленности либо в ремесленном производстве. 32% совмещали эту деятельность с торговлей, реже с земледелием. 9% рабочих поступили сразу на те заво-ды, где работают в настоящее время [57, 86]⁸. Следо-вательно, вчерашние крестьяне составляют гораздо

меньшую часть современного промышленного пролетариата Туниса, чем можно было бы предположить, учитывая то, что промышленный сектор образовался недавно, а масштабы миграции сельского населения в городе достаточно велики.

Обращает на себя внимание то, что лишь незначительная часть опрошенных рабочих (следует напомнить, что опросом был охвачен только постоянный персонал) в прошлом были безработными или жили поденной работой. Несомненно, это объясняется тем, что при относительно ограниченной потребности промышленного сектора в рабочей силе возможность получить место на заводе имеют лишь те, кто обладает какими-либо навыками, имеет образование и, возможно, связи. Лица, прибывающие из деревни, оседают в гурбивилях и пополняют главным образом ряды ломпен-пролетариата. Воз-никают как бы замкнутые системы. Промышленный сектор развивается «за счет самого себя», так как крупные предприятия черпают кадры из ремесленного производства и вытесняемой в некоторых отраслях мелкой промышленности. Беднейшее крестьянство между тем пополняет городские низы. Массы безработных перемещаются из деревни в город, но без перспективы «социального продвижения». Город принимает их, не интегрируя в свою экономическую структуру.

Б. А. Шабаев в книге «Рабочий класс стран Маргарда» отмечает, что в Алжире лишь 5% выходцев из семей крестьян и сельскохозяйственных рабочих непосредственно вступают в ряды городского рабочего класса, тогда как остальные сельские жители, покидающие деревню, умножают массу безработных. Вместе с тем он считает, что городской пролетариат в Северной Африке растет «главным образом за счет городских промежуточных слоев, безработных и ломпен-пролетариата» [113, 91—93], иными словами, за счет тех же крестьян, но пробывших более или менее длительный период на положении городских пауперов. Исследования же тунисских социологов показывают, что у попавших в городские низы деревенских мигрантов очень мало шансов перейти в ряды промышленного пролетариата: большинство рабочих до поступления на заводы имело основательное занятие в столице или у себя на родине.

Как уже отмечалось, в соответствии с десятилетним планом развития строились промышленные объекты в

районах, прежде исключительно аграрных. Разумеется, на этих предприятиях выше доля лиц, ранее живших крестьянским трудом. На сахарном заводе в Бедже $\frac{2}{3}$ всех рабочих были раньше батраками, поденщиками в земледельческих хозяйствах [202, 1968, № 14, 36]. На заводах же с более сложным производством приходится привлекать квалифицированных рабочих из других городов. Так, на целлюлозной фабрике, построенной в Кассерине, только 10% персонала составляют люди, раньше занимавшиеся сельским хозяйством. 6% рабочих завода прежде были ремесленниками, 7,5% работали на строительстве, 43% — в обрабатывающей промышленности. В основном они были законтрактованы в столице, некоторые раньше работали во Франции [139, 50].

Материальное положение тунисских рабочих. Их отношение к своему труду и социальному статусу

В официальной тунисской статистике отсутствуют сведения о заработной плате рабочих, занятых в промышленности. Данные такого рода были опубликованы лишь однажды, в 1960 г., и касались только отдельных отраслей и профессий. Некоторое представление о материальном положении промышленных рабочих можно получить по результатам социологических опросов, обследований размеров и структуры потребления в различных группах населения.

Судя по результатам выборочного опроса, проведенного в 1964 г. на промышленных предприятиях тунисской столицы, ~~месячный заработка~~ более трети постоянного ^{на} занятых рабочих не достигал прожиточного минимума, который в середине 60-х годов определялся в 30 дин. на семью из 5—6 человек (табл. 32).

Более подробные подсчеты, при которых учитывались различия в размерах семей опрошенных рабочих и заработка других ее членов, показали, что в действительности подушный доход ниже прожиточного минимума (5 дин. в месяц) имела почти половина рабочих семей [57, 63]. При сравнении с данными аналогичного исследования, проведенного в столице за год до предстояния независимости [161, 23], можно заметить, что в последующий период имело место некоторое сниже-

Таблица 32

*Месячная заработная плата рабочих на предприятиях обрабатывающей промышленности г. Тунис, 1964 г.**

Заработная плата, дин.	Группы рабочих, %			
	неквалифицированные и чернорабочие	кавалифицированные и обученные	мастера и бригадиры	в среднем
до 25	46	23	—	35
25—40	35	53	26	34,5
более 40	14	18	69	23
не дали ответа		6	5	7,5

* Составлена по: [57, 58—60].

ние удельного веса низкооплачиваемой категории. Оно произошло главным образом за счет замены европейцев национальными кадрами на высокооплачиваемых постах мастеров и квалифицированных рабочих.

В течение первых десяти лет независимости заработка рабочих и служащих, занятых на несельскохозяйственных предприятиях, фактически сохранилась ~~на уровне 1955 г.~~ С 1 января 1966 г. на 10% была увеличена заработка лицам, получавшим менее 132 милл. при почасовой и менее 1,05 дин.— при поденной оплате. Однаковая надбавка в 4 дин. вводилась для всех постоянных рабочих, получавших до 60 дин. в месяц. Официальный минимум заработной платы был установлен в 84 милл. за час рабочего времени [25, 49—51]. Этот декрет затронул достаточно широкий круг трудящихся. По данным на 1960 г., средний дневной заработок до 1 дин. имели чернорабочие в различных отраслях промышленности и в строительстве, квалифицированные и обученные рабочие на пищевых, текстильных, металлургических и химических предприятиях. Не выше 1,5—2 дин. в день (40—50 дин. в месяц) был средний заработок квалифицированных рабочих в других отраслях промышленности, по которым статистика давала сведения,— в металлообрабатывающей и полиграфической [186, 1961, VII—VIII, 11].

Следующее решение об общем увеличении заработной платы было принято лишь в 1971 г. В декрете тунисской платы было

ского правительства от 3 мая 1971 г. указывалось, что с целью возмещения потерь, вызванных ростом стоимости жизни, вводится надбавка в 20 милл. на почасовую оплату для всех категорий временных рабочих и в 4 дин.— для всех лиц, получающих фиксированную месячную зарплату [25, 54—55]¹⁰.

Таким образом, рабочий, получавший в 1960 г. 40 дин. в месяц, после принятия декретов 1966 и 1971 гг. стал получать 48 дин., т. е. на 20% больше. Однако за тот же период на 40% увеличился общий индекс стоимости жизни и на 50% возросли цены основных продуктов питания; следовательно, реальная заработка рабочих значительно снизилась (табл. 33).

Таблица 33
*Индекс стоимости жизни в г. Тунис (1962 г. = 100)**

	1960 г.	1963 г.	1966 г.	1969 г.	1971 г.	1972 г.
Продукты питания	100	103	119,2	132,6	148,2	150,4
Расходы на жилье	100	100	113,5	122,5	125,5	—
Одежда	91	113	126,2	129,0	134,7	—
Транспорт	99	100	121,9	150,1	151,7	—
Общий индекс . .	100	103	118,5	130,2	140,7	143,5

* Составлена по: [46, 28; 39, 62; 42, 71; 193, 1973, II, 185].

Как показало предпринятое в течение 1965—1968 гг. исследование структуры потребления в семьях лиц, занятых в промышленности, расходы на питание в среднем составляли половину их бюджета [38, 313]. Семьи с доходом ниже прожиточного минимума, как правило, затрачивали на питание от 59 до 68% денежных средств [38, 307]. 30—35% затрат трудающихся в городах были направлены на оплату квартиры, транспорта и услуг [46, 7—9; 201, 1972, № 2, 77].

Общие цифры скрывают различия в структуре бюджета рабочих, с одной стороны, и служащих и представителей других средних слоев населения — с другой. Помимо опроса, проведенного на шахтах Южного Туниса, был сопоставлен характер ежемесячных расходов

дов рабочего, получающего около 30 дин., и служащего горнорудной компании с окладом свыше 70 дин. Это дало следующие результаты [37, 25]:

	Расходы шахтера, %	Расходы служащего, %
Продукты питания	61	52
Алкогольные напитки	16	10
Чай и кофе	6	4
Одежда	10	13
Оплата жилья	7	12
Расходы на культурные нужды	—	9

Можно полагать, что расходы рабочих на удовлетворение основных жизненных потребностей поглощают до 80% их бюджета. В то же время непрекращающийся рост цен на продукты питания существенно ограничил сумму, которую рабочие могут выделить на приобретение одежды, предметов обихода, на удовлетворение своих культурных потребностей.

Правительство стремилось сдержать рост цен на такие продукты, как хлеб и молоко (за 1960—1971 гг. цена батона из пшеничной муки увеличилась с 50 до 55 милл., литра молока — с 78 до 84 милл.). Цены же на оливковое масло, яйца, картофель и фасоль в городах возросли почти в два раза. Средние сорта мяса поднялись в цене с 300 до 900 милл./кг, лучшие — с 550 до 1 дин. [46, 21—22; 42, 68].

Рабочий с семьей из пяти человек, зарплата которого, допустим, соответствует норме прожиточного минимума, имеет примерно один динар в день на все расходы, причем 500—600 милл. он тратит на питание. Если на хлеб (3—4 батона), 0,5 кг фасоли и 200—250 г растительного масла он израсходует 400 милл., то для покупки овощей, молока, мяса и других продуктов у него останется только 200 милл.

Рассматривая эти показатели, нельзя не учитывать того, что в результате модернизации промышленного производства значительно возросла интенсивность труда, физическое и первое напряжение рабочих, а это изменило минимум потребления, необходимый для восстановления рабочей силы. Кроме того, повышение среднего образовательного уровня рабочих, так же как и проводившаяся среди населения пропаганда современного быта, европейской одежды, нового отношения к воспитанию детей

породили даже в самых малообеспеченных слоях трудаящихся значительный рост культурных потребностей.

Не менее важно подчеркнуть и то обстоятельство, что за годы промышленного строительства произошло заметное увеличение нормы эксплуатации труда рабочих, о чем достаточно наглядно свидетельствуют данные официальной статистики, в том числе промышленные переписи. Правда, сведения даются об общей сумме заработков лиц наемного труда на предприятиях, без группировки на непосредственно связанных с производством и выполняющих административные функции. В 1960 г. совокупная заработная плата рабочих и служащих в промышленности равнялась 12 млн. дин., в 1970 г. — 40 млн. За тот же период объем вновь созданной (добавленной) стоимости увеличился с 32 млн. до 150 млн. дин. [48; 68]. Это означает, что норма прибавочной стоимости возросла почти вдвое — с 166% до 275%. Надо иметь в виду, что за прошедшие годы в промышленности, особенно в государственном секторе, значительно расширился круг управленческих кадров, имеющих высокие оклады. Следовательно, разрыв между увеличением производительности труда рабочих и ростом их заработной платы в действительности был еще большим.

В публицистической и научной литературе достаточно широко распространилось представление, что в странах афро-азиатского региона промышленные рабочие лучше обеспечены с материальной точки зрения, нежели многие другие категории лиц наемного труда и мелкие хозяева, живущие земледельческим трудом или торговыми ремесленными занятиями. На том основании, что фабрично-заводские рабочие имеют несколько более высокий уровень жизни, а главное — в отличие от огромной массы населения — постоянную работу и гарантированный заработок, иногда утверждают, что пролетариат развивающихся стран составляет обособленную и благополучную часть общества (нередко ее называют даже «привилегированной»). Сходный тезис выдвигается и официальной пропагандой некоторых стран, в том числе тунисской.

В 1964 г. 54% заводских рабочих тунисской столицы имели доходы выше прожиточного минимума (60 дин. на человека), в том числе 23% получали свыше 100 дин. на человека в год. Согласно результатам проведенного лишь немногим позже обследования, достаток выше прожиточного минимума имели только 36% жителей города

[139, 272]. А по данным неизданного обследования 1970 г., примерно половина семей в Большом Тунисе располагала среднедушевым доходом, не превышающим 20—40 дин. в год [202, 1972, № 28/29, 97].

При сопоставлении промышленных рабочих с другими классами и солидными группами нельзя забывать, однако, что подавляющая часть населения, которое находится ниже «порога бедности», охвачена полной или частичной безработицей. С. И. Кузнецова пишет в исследовании об африканском городе: «Заявления о том, что рабочие живут лучше крестьян, основанные только на данных о заработной плате первых и среднем доходе вторых, ничего не доказывают, ибо при этом не учитываются количественные и качественные затраты труда, а также специфические особенности жизни и быта в городе и деревне» [104, 318]. Это справедливо и в отношении тунисского населения. Действительно, как указывается в упомянутом обследовании 1970 г., основная часть, или $\frac{3}{4}$ лиц со средним доходом от 20 до 40 дин., в столице состояла из бродячих уличных торговцев [202, 1970, № 28/29, 97]. В течение целого дня такой торговец навязывает прохожим понюхенный пиджак или занимается продажей в розницу одной пачки сигарет. Фабричные же рабочие заняты в течение 40—48 час. в неделю напряженным трудом, который требует хотя бы минимальной квалификации или достаточного профессионального опыта.

Если же рассматривать материальное положение та-кой категории городского населения, как государственные или муниципальные служащие, то сравнение явно окажется не в пользу промышленных рабочих. Хотя средняя зарплата тунисских служащих довольно скромна, все-таки среди них почти 90% располагают средствами, превышающими норму прожиточного минимума [38, 125]. Служащие имеют ряд льгот, которыми не пользуются рабочие, например, сокращенный рабочий день в летние месяцы. Кроме того, многие статьи действующего в стране трудового законодательства не распространяются на рабочих частного сектора.

Исследования тунисских социологов, проводившиеся в середине 60-х годов, выявили острую неудовлетворенность рабочих своим положением, которую они объясняли как низким уровнем доходов, так и подчиненной

ролью на производстве, неравноправным положением в системе общественных отношений. Показательно сопоставление опросов, предпринятых в 1967 г. сотрудниками тунисского университета, среди представителей городской мелкой буржуазии и квалифицированных заводских рабочих. 12% опрошенных ремесленников и торговцев сочли, что их уровень жизни является низким, среди рабочих об этом заявили 33%. В то же время индекс материальной обеспеченности, определенный на основе нескольких показателей, в группе квалифицированных рабочих был более высоким [см. 44] ¹².

Не следует забывать, что пролетариат современных развивающихся стран формируется при наличии широких международных связей. На представления рабочих о степени эксплуатации, справедливости оплаты труда влияет та информация, которую они имеют об условиях, существующих в странах социализма и в промышленности западных индустрально развитых стран. Это особенно характерно для Магриба, региона, откуда идет постоянная трудовая эмиграция в Европу ¹³.

Польский ученый Е. Клеер в своей работе «Анализ общественно-экономических структур стран „третьего мира“» подчеркивал как одну из наиболее существенных особенностей классообразования в современных развивающихся странах тот факт, что переход в ряды пролетариата представителей иных социальных слоев, и особенно крестьянства, сопровождается заметным улучшением условий их существования. В эпоху же европейской промышленной революции превращение крестьян в индустриальных рабочих означало для них, как правило, «общественную и материальную деградацию» [103, 143].

Опросы на промышленных предприятиях Туниса убеждают в ином. Как правило, рабочие, начавшие свою трудовую жизнь еще при французском протекторате, считают, что в их собственной судьбе в годы независимости произошли положительные сдвиги, потому что теперь они имеют гарантированную заработную плату, их жилищные условия несколько улучшились. Тем не менее сопоставляя себя с представителями других категорий тунисского населения, рабочие обычно характеризуют пролетариат как «бедный», «бездоленный» класс. Значительная часть рабочих рассматривает свое положение как деградацию (экономическую и социальную) в срав-

нении с положением их родителей. При этом не было обнаружено прямой связи между характером ответа и тем, из какой прослойки вышли эти люди — приехали из деревни или они коренные горожане. Обращает на себя внимание, что опущение недовольства возрастает именно в группах более высокооплачиваемых рабочих (табл. 34).

Таблица 34
Данные социологического опроса об оценке рабочими своего положения*

Уровень материальной обеспеченности (годовой доход на 1 члена семьи), дин.	Процент рабочих, давших различную оценку своему положению в сравнении с семьей их родителей		
	хуже	лучше	аналогичное
до 20	40	40	20
20—40	60	30	10
40—80	68	16	16
более 80	57	21	22
В среднем . . .	62	21	17

* [57, 171].

Изменение структуры потребностей у квалифицированных и лучше оплачиваемых рабочих порождает более острое ощущение несогласия между запросами и возможностью их удовлетворения. С этим, видимо, связана и определенная идеализация ими прошлого.

Более конкретное представление о взглядах и настроениях рабочих дает неизданное социологическое исследование, проведенное сотрудниками Тунисского университета. Мнение опрашиваемых выяснялось по трем главным вопросам: считают ли они тунисское общество бесклассовым; существуют ли, по их представлению, различия между интересами социальных групп или классов; направлена ли политика правительства на то, чтобы в равной степени удовлетворить нужды всех социальных слоев, или некоторые из них являются привилегированными. Ставился также вопрос, что принесла новая экономическая политика самим промышленным рабочим [44]. Широко пропагандировавшаяся в стране теория «дустурвского социализма» с ее идеей национального единства, отрицанием межклассовых противоречий, про-

никла в сознание определенной части рабочих. Поэтому не следует удивляться, что от 33 до 42% опрошенных заявили, что у всех тунисцев «общие интересы». Некоторые, впрочем, уклонились от ответа. Среди тех, кто придерживался иного мнения, 50% назвали в качестве социальной группы, противостоящей рабочему классу, высшую борократическую прослойку, 40% — «финансовую» буржуазию (в группе квалифицированных рабочих — соответственно 30 и 58%). На вопрос, какому классу наиболее благоприятствует политика правительства, ответили все рабочие. 75% сказали, что она выгодна прежде всего борократии, 20% — крупным предпринимателям, 5% — лицам «свободных профессий». Рабочие отмечали, что мероприятия правительства ни в чем не изменили положение промышленного пролетариата, а многие заметили, что оно ухудшилось. При ответе на вопрос, «как Вы отноитесь к экономической политике правительства», $\frac{2}{3}$ рабочих дали неодобрительную оценку политики, а 25% дали ей, по словам организаторов опроса, «критику слева» [см. 44].

В ходе социологических опросов высказывались и вполне конкретные экономические требования. На первом месте среди них «увеличение заработной платы и снижение цен» — 37%; «увеличение количества рабочих мест» — 29%; «создание условий для продвижения по работе, приобретения квалификации» — 17%; «установление социальной справедливости» — 12% [см. 44].

Приведенные выше факты опровергают тезис об удовлетворенности пролетариата своим материальным положением, предопределенным якобы его конформистские позиции. Однако нельзя не видеть воздействия факторов, препятствующих формированию классового самосознания тунисских рабочих и в определенной степени сковывающих их политическую активность. Многие из факторов обусловлены исторически сложившимися особенностями массового сознания и социальной психологии населения, традиционными представлениями о социальном статусе, а также религиозными и племенными предрассудками.

Можно заметить, что недовольство значительной части рабочих имело пассивный характер. Результаты опросов свидетельствуют, что рабочие часто вообще не видели возможности изменить свое положение — не боль-

ше четверти опрошенных сообщили о намерении добиваться повышения на работе (причем далеко не все верили в реальность подобной перспективы) [см. 57].

«Социальные ожидания» рабочих зачастую переносятся на детей. Ответы на вопрос, «какого будущего они желали бы своим детям», отражают отношение к своему положению, равно как и субъективные представления рабочих о существующей в стране социальной иерархии. Как оказалось, наиболее привлекательны «свободные профессии»: из 320 опрошенных 35% хотели бы видеть сыновей врачами или адвокатами; многие выразили желание, чтобы их дети получили должность инженера на предприятии (24%) или место государственного служащего (23%). Профессия рабочего встретилась в ответах не более 10 раз [57, 178].

Сходное отношение к своей профессии наблюдается и среди рабочих горнодобывающей промышленности. Только 7% шахтеров Южного Туниса ответили положительно на вопрос, хотят ли они, чтобы их сыновья тоже стали горняками. При этом в разных шахтерских поселках процент людей, соглашных с тем, чтобы дети унаследовали их профессию, колебался от 5 до 14%. Интересно, что самая высокая доля таких ответов отмечена в Мдилле, где применяется примитивная технология, особенно тяжелы условия труда, а само население отличается культурной отсталостью. Напротив, в Метлави, административном центре компании, занимающейся добывчей фосфоритов, где шахты лучше оснащены и имеют современное оборудование, процент положительных ответов оказался самым низким [по: 37] ¹⁴.

Ответы на вопросы анкет, предлагавшихся в ходе социологических обследований на промышленных предприятиях Туниса, создают впечатление, что независимо от материального положения и условий труда статус рабочего не лает сознания личной значимости. На опущенных рабочих сканьется, бесспорно, массовая циальная ценность. Египетский исследователь Аз-Займ Иссаам в своей статье «Индустриализация и арабское общество» писал, что на Арабском Востоке «западной цивилизации противостоят иная шкала ценностей, в которой высокий престиж торговли сочетается с презрением к промышленной деятельности» [180, 1972, № 347, 49—61]. Видимо, положение наемного рабочего, даже

имеющего квалификацию и более или менее обеспеченного, в сознании людей связывается с представлением о низком социальном статусе. В беседах с социологами рабочие сетовали по поводу того, что не имеют морального веса для окружающих, что родители предпочтут выдать дочь замуж за служащего с очень скромным жалованьем, нежели за хорошо зарабатывающего на заводе мастера или даже техника [202, 1968, № 14, 64].

Разумеется, объяснение этому явлению отнюдь не однозначно. Что касается характера «социальных ожиданий» рабочих, то он в значительной степени подсанкционирован современной действительностью Туниса. В годы независимости довольно широкие слои населения были затронуты социальной мобильностью. Прежде всего это нашло отражение в образовании весьма многочисленной бюрократической прослойки, пополнившейся за счет выходцев из самых разных кругов. Получить диплом образования оказалось самым верным средством для продвижения по общественной лестнице, тогда как, скажем, предпринимательство стало менее надежным источником при сложившейся в стране экономической конъюнктуре. Известную роль играют и традиционные представления, типичные для восточного общества, где должность чиновника, любая причастность к центральной власти имела обычно большее значение, чем просто богатство, денежная власть ¹⁵. Этим, видимо, объясняется отсутствие стремления у рабочих завести свое дело. В материалах социологического обследования на заводах Туниса встречаются поразительные на первый взгляд данные о том, что желание обзавестись делом, столица характерное для многих рабочих даже развитых капиталистических стран, имели лишь 4% опрошенных [57, 164]. Для сопоставления можно упомянуть, что при опросах на предприятиях французской химической промышленности мечту о собственном деле высказали 60% рабочих и 20% из них действительно намеревались ее осуществить [95, 326].

На основании изучения материалов социологических опросов, можно прийти к выводу, что у тунисского рабочего нередко представление о собственной судьбе как личной неудаче заслоняет чувство принадлежности к эксплуатируемому классу.

Среди других причин, препятствующих кристаллизации классового сознания и ослабляющих единство про-

тариата, необходимо упомянуть и такое явление, как существование неформальных социальных групп, связанных традициями местнечества, иногда общей племенной принадлежностью. Особо отчетливо это проявляется в некоторых периферийных районах Туниса — в центрах горнодобывающей промышленности и городах, где проявление можно наблюдать и среди отдельных категорий трудающихся крупных городов со старым промышленным ядром (преимущественно среди строителей, чернорабочих, докеров).

Все исследователи, занимавшиеся проблемами социальной среды африканских городов, обращают внимание на феномен оживания родовых и этнических связей среди прибывающих в город сельских мигрантов. Родо-племенные ячейки, нередко начавшие расползаться в сельской местности, неожиданно возрождаются в городе, становясь в новых условиях своеобразной формой групповой «борьбы за существование». Наличие сети этнических группировок — стихийно образующихся кланов, иногда организационно оформленных ассоциаций — необычно усложняет структуру городского общества, сдерживая естественный процесс формирования классовых общностей.

Подобное явление наблюдается в странах Maghribi, хотя, разумеется, не в столь яркой форме, как в Тропической Африке. Племенная организация и в прошлом в Тунисе существовала только во внутренних районах, причем на Севере она ослабла еще в XIX в. и окончательно распалась с развитием капиталистического хозяйства. В географическом описании Туниса Ж. Леструа подчеркивает, что в областях Телля была сплошнность между членами племенных союзов совершенно утрачена и местные жители с трудом могут ответить на вопрос, к какому племени или его ветви они относятся. «Однако, — замечает автор, — они вспоминают об этом, попадая в город» [136, 143, 149].

В литературе, посвященной тунисской столице, встречается упоминание лишь об одной организованной ассоциации мигрантов — землячество выходцев из оазиса Джерид. Тем не менее мигранты из сельских местностей, особенно пришельцы с Юга, обычно селятся более или менее замкнутыми племенными группами. Так образовались колонии мажер, суасси, хаммама, отдель-

ный гурбивиль фраши. Эти колонии воспроизводят в миниатюре родо-племенной уклад жизни, внутреннюю патриархальную иерархию и установленную традицией регламентацию межличностных связей [202, № 9, 88].

Наряду с общинами, образованными по принципу соседства и, как правило, сохраняющими стабильность паттерн в течение некоторого, правда, достаточно продолжительного времени, в Тунисе известно также совпадение профессиональных и этнических групп. Само по себе предпочтение определенному занятию среди выходцев из какой-то местности не представляет ничего исключительного, но в Африке, особенно южнее Сахары, этническая специализация нередко существует во всех сферах деятельности, создавая саму ткань социального организма, отличающегося смешением этнических и экономических противоречий. Что касается Туниса, то здесь подобное явление имеет скорее частный характер, но иногда оказывает довольно значительное влияние, в том числе и на пролетарские слои. Этническая специализация особенно распространена среди неквалифицированных рабочих, поленщиков. Так, по давно сложившейся традиции мигранты, принадлежащие к племенной группе шенни из местечка Татавин, устраивались в городе разносчиками газет, томрассан из Матматы — рассказывальными при хлебных лавках, гермесса — носильщиками, удреф — дорожно-ремонтными рабочими. Самую крупную профессионально-этническую группу в столице составляют докеры-метвия, переселенцы из оазиса Габес [153, 143]. Помимо метвия, среди докеров столицы значительные группы составляют также зласс, хемир, фраши, хаммама.

Опыт показывает, что существование племенных связей у лиц одной профессии способно на первых порах облегчить становление профсоюзного движения — так было во многих странах Африки. В Тунисе национальные профсоюзы впервые были созданы среди докеров, и именно они сыграли наиболее существенную роль в антиколониальных выступлениях. Сам характер труда определял выдвижение этой группы как наиболее активного отряда пролетариата. Вместе с тем одним из факторов, способствовавших внутренней солидарности в профсоюзах портовых рабочих, была, очевидно, и их этническая общность.

До недавнего времени в тунисских портах существовала система поленного найма, который производился пригалирами-кабранами. Каждый из них старался в первую очередь дать работу своим родичам. На этой почве среди рабочих возникало множество столкновений, обрашивавшихся враждующие группы [202, 1966, № 7, 164].

После того как в тунисских портах была введена система регистрации постоянного персонала, возникли новые противоречия — между «профессиональными» докерами и поденщиками, составляющими большинство портовых рабочих. В портах Гуница, Бизерты, Суса и Сфакса насчитывается немногим более 2 тыс. профессиональных докеров. Они получают гарантированную оплату, пособие по болезни и пенсии. Дирекция выдает кабрану одобренный профсоюзом список, по которому он должен распределять работу между грузчиками. Однако этими правами не пользуются поденщики [202, 1966, № 7, 178—179]. Дело в том, что Всеобщий союз тунисских тружеников объединяет исключительно рабочих и служащих, имеющих постоянную заработную плату. Тот, кто не зарегистрирован администрацией в качестве постоянного работника, не является и членом профсоюза.

Как сообщает в своем исследовании, посвященном тунисским докерам, М. Хермасси, ввиду возросшего предложения свободных рабочих рук постоянные рабочие идут в профсоюзной организаций средства защиты от конкуренции; через нее они неоднократно пытались добиться ограничения найма поденщиков. Отчасти по той же причине имело место сокращение выступлений портовых рабочих с экономическими требованиями, хотя условия их труда остаются по-прежнему очень тяжелыми [202, 1966, № 7, 171—177].

Давление расущей безработицы переплетается в ряде случаев с этнической рознью. Такие группы, как метрополиты, самые старые отряды портовиков, безусловно, составляют большинство официально зарегистрированных докеров, а следовательно, и членов профсоюза. В условиях же, когда профсоюз взял на себя функцию регулирования найма, не исключено возрождение в новых формах традиционных этнических конфликтов.

Еще в большей мере пережитки трибализма опускаются среди рабочих горнодобывающей промышленности Туниса. Исследователи, проводившие опрос в шах-

терских городках на юге страны, убедились в том, что 23% рабочих поддерживают знакомство исключительно с членами своего племени. Этот процент поднимается до 45 в Редефе, где жители принадлежат к двум племенам — валид-бу-яхья и абилин. Они не только чуждаются друг друга в повседневной жизни, но враждают между собой на предприятии, так как выходцы из валид-бу-яхья составляют большинство квалифицированных кадров, занимают посты в администрации, в руководстве профсоюзных и партийных ячеек [37, 27—32].

Столь же напряженные отношения складываются повторя на предприятиях, созданных в маленьких агарных городках, где возникают кланы приезжих и местных рабочих. При изучении отчетов фабричной администрации в Кассерине о наложении взысканий и штрафов за конфликты на предприятиях один происходил между рабочими и начальством и четыре — между самими рабочими [139, 58]. Аналогичная ситуация зафиксирована на сахаррафинальном заводе в Бедже [202, 1968, № 14, 37].

Оезнанию рабочими своих классовых задач во многом препятствует их недостаточный общеобразовательный уровень, недостаточная приобщенность к средствам массовой информации. Это особенно характерно для рабочих провинции.

По данным переписи 1966 г., в Тунисе среди лиц старше десяти лет неграмотные составляли 67,4% (78% — в сельской местности и 52,5% — в городах). При этом среди женщин доля лиц, не умеющих читать и писать, равна 82,1%, среди мужчин — 53,3% [53, 27]. Опрос рабочих столицы засвидетельствовал, что их культурный уровень немногим превышает средний показатель: в 1964 г. неграмотные составляли среди них 44%. Те, кто получил образование, лишь в редких случаях посещали среднюю школу [57, 37]:

	Доля рабочих, %
Неграмотные	44,1
Посещавшие куттаб	9,3
Посещавшие начальную школу	22,7
Окончившие начальную школу	11,1
Продолжавшие учиться после начальной школы	12,8

В ходе опроса выяснилось, что большие половины рабочих, в том числе 20% среди грамотных, никогда не читают газет и журналов [57, 149]. В то же время обращает на себя внимание, что среди читающих рабочих значительная часть пользуется и арабским, и французским языками, а также что предпочтение ими отдается независимой прессе. Во время обследования, проводившегося в конце 1966 — начале 1967 г. силами студентов-социологов, была поставлена задача изучить, какие именно газеты популярны среди рабочих столицы. Выяснилось, что на первом месте стоят независимые, выпускаемые частными издательствами, газеты «Ля Пресс» и «Ас-Сабах» (соответственно 34,5 и 21% читающих); на втором — «Аль-Амаль» и ее издание на французском языке — «Л'Аксон», центральный орган новодуистровской партии (21%); а затем публикации развлекательного характера. (Эти сведения были собраны в группе квалифицированных рабочих) [см. 44].

Естественно, что рабочие столицы выделяются среди всех остальных более широким политическим кругозором. При опросе персонала горнорудных компаний Южного Туниса были получены следующие данные. Всего не знакомятся с прессой 64% рабочих, читают газеты примерно раз в неделю — 7%, лишь время от времени держат газету в руках — 3%. Только 23% горняков читают газету ежедневно. Обнаружилось также, что регулярно слушают радио 76% шахтеров по сравнению с 91% рабочих столицы [37, 36; 57, 150].

Следует заметить, что в Тунисе не существует левой прессы, а «независимые» издания немногим отличаются от правительского официоза (в них только больше места уделяется информации экономического и культурного, а не политического характера).

Совокупность всех этих явлений во многом дает объяснение тому факту, что сравнительно незначительная часть охваченных социологическими опросами рабочих связывала свою судьбу с борьбой пролетариата. Так, практически все рабочие промышленных предприятий столицы, среди которых был проведен опрос в 1967 г., высказали недовольство своим положением — уровнем зарплаты, жилищными условиями, недостаточным пенсионным обеспечением и т. д. Однако на вопрос, «что могло бы улучшить ваше положение», они ответили следующим образом [см. 44]:

	В группе квалифицированных, %	В группе неквалифицированных, %
Личные усилия . . .	66,7	71,0
Государственные мероприятия . . .	16,8	12,5
Личные усилия плюс государственные мероприятия . . .	12,5	16,5
Коллективные действия рабочих . . .	4,0	—

Подавляющее большинство рабочих единственным средством изменить свое положение считали личные усилия. Обращает на себя внимание некоторое расходжение в ответах, полученных по группам квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Другие обследованные, проводившиеся на тунисских промышленных предприятиях, также подтвердили, что среди квалифицированных рабочих процента высказывающихся в пользу коллективных действий пролетариата оказывается более высоким. Например, на крупном столичном предприятии по ремонту автотранспорта, где занято свыше 500 человек и используется в основном квалифицированный персонал, 47% рабочих придерживались того мнения, что профсоюзная борьба является самым верным средством защиты прав трудащихся [139, 135—260].

Аналогичное явление (более высокий уровень классового самосознания и политической активности среди квалифицированных и лучше обеспеченных рабочих) наблюдалось в современных капиталистических странах Запада. Однако речь идет о совершенно разных ступенях развития пролетариата. Исходя из того факта, что прослойка квалифицированных рабочих в афро-азиатских странах малочисленна и существует значительный разрыв по уровню жизни между ней и основной массой трудащихся, некоторые исследователи делают предположение, что она представляет собой нечто вроде рабочей элиты. Так, в работе советских авторов «Формирование рабочего класса стран Азии и Африки» говорится: «Как показывает практика стран Востока, именно квалифицированные рабочие фабрично-заводских предприятий чаще всего составляют питательную среду для всякого рода реформистских и конформистских течений в рабочем движении» [111, 12].

Что касается Туниса, то действительность не подтверждает этого мнения. В период борьбы за независимость в первых рядах массовых выступлений рабочих в Тунисе действительношли такие отряды пролетариата, как шахтеры, докеры, грузчики. Отмечая исключительную политическую активность тунисских докеров, М. Хермасси указывает, что «большое значение имела их концентрация в четырех крупных портах страны, тяжелый и опасный характер труда, влияние кризисов на мировом капиталистическом рынке, вызвавших время от времени резкое увеличение числа безработных» [202, 1966, № 7, [53].

После достижения страной независимости, с изменением политической и социальной структуры, тунисский пролетариат был поставлен в совершенно иную, более сложную и отчасти завуалированную систему классовых взаимоотношений. При французском протекторате подавляющее большинство рабочих было занято на частных предприятиях, принадлежавших иностранному капиталу. В настоящем время по крайней мере $\frac{2}{3}$ рабочих, занятых в промышленности и индустриального типа, трудятся на предприятиях государственного и смешанного сектора. Эксплуатация в определенной мере теряет свой видимый, конкретный характер, так как рабочие имеют дело не с известным им лицом, хозяином, а с администрацией, персонифицирующей государство.

Политика пришедшей к власти мелкобуржуазной политической и общественной жизни страны чрезвычайно противоречивые процессы. В ходе национально-освободительного движения партия завоевала огромный авторитет, доверие самых широких слоев населения. Встав во главе государства, новодуштурковское руководство считало практическое стремление направить страну по пути капиталистического развития с известным радикализмом в экономической политике, которая выходила отчасти за рамки простых буржуазных реформ. Хотя мероприятия правительства были рассчитаны главным образом на модернизацию национального хозяйства, бывшей ликвидацию традиционного уклада, по внешним формам они были схожи с социалистическими преобразованиями. Сюда относится наступление на частное предпринимательство в определенных отраслях, кооперировка мелких производителей и т. д. Иллюзия этого сход-

ства усиливалась также выдвижением «дустурновского социализма» в качестве официальной идеологии.

Существенную роль играет также то обстоятельство, что профцентр ВСТТ, в 50-х годах выступавший в авангарде рабочего класса, в годы независимости вошел в систему партийно-государственного аппарата, стал поддерживать лозунги «социального мира», оказывая сопротивление забастовочной борьбе рабочих, и превратился в силу, в определенной степени даже противостоящую интересам рабочего класса.

При опросе шахтеров Гафсы, района, который в период антиколониальной борьбы и в первые годы независимости был одним из главных очагов забастовочного движения, 89% рабочих сказали, что разочарованы деятельностью профсоюзов. На вопрос проводивших обследование социологов, «что значит для вас профсоюзная организация», были получены такие ответы:

— «Мне это безразлично. Я записался потому, что это обязательно. Вот и все».

— «Профсоюзы должны быть орудием борьбы за удовлетворение требований рабочих. Это идеал, но действительность, иная».

— «Профсоюз должен защищать рабочих, но ведь его секретарем является директор местной администрации, представитель компании».

— «Задача профсоюзов — ограждать рабочего от произвола компаний, но они на это не способны».

— «Мы ничего не получаем от профсоюзов, это профсоюз берет с нас взносы. После Хашеда¹⁶ ничего не было — я это знаю и видел собственными глазами» [139, 201—202].

Во время упоминавшегося выше опроса на предприятии по ремонту дорожной техники, где значительное число рабочих выказалось в пользу организованной борьбы пролетариата, выяснилось, что большинство из них не связывает эту борьбу с существующими в Тунисе профсоюзами. Половина рабочих предприятия — члены профсоюза, многие из них сказали, что вступили в него «просто так». Рабочие же, не состоящие в профсоюзе, отчасти объяснили это тем, что считают профсоюз совершенно бесполезным; 6% рабочих заявили, что не хотят вступать в профсоюз, потому что он выражает интересы правительства [139, 253].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ТУНИССКИХ ПРОФСОЮЗОВ

(вместо заключения)

В момент своего зарождения профсоюзное движение в Тунисе было тесно связано с рабочим и социалистическим движением во Франции. Первые профсоюзные организации объединяли главным образом рабочих и служащих, приехавших в Тунис из Европы. После первой мировой войны в них стали вступать и арабские рабочие. Однако профсоюзные лидеры — европейцы, принадлежащие к правому крылу социалистов, заботились в первую очередь о нуждах рабочих-итальянцев и французов и в какой-то мере были заражены колониалистскими настроениями, проявляя пренебрежительное отношение к местному населению.

В 1924 г., когда проходили забастовки в портах Туниса и Бизерты, образовались национальные профсоюзы, включавшие только рабочих-мусульман. Осенью 1925 г. они объединились в Тунисскую всеобщую конфедерацию труда, возглавляемую группой молодых образованных рабочих и интеллигентов, вдохновленных идеями «кооперативного социализма» (свободных производственных товариществ). Но конфедерация просуществовала только до конца 1925 г. Колониальные власти, воспользовавшись расколом в лагере националистов, и прежде всего позиций Старого Дустура, отмежевавшегося от профсоюзных руководителей, подвергли их судебному преследованию и выслали из страны¹.

В 1937 г. тунисские национальные профсоюзы были восстановлены, но вскоре вновь распущены. Только после второй мировой войны был образован существующий и поныне национальный профсоюзный центр — Всеобщий союз тунисских тружеников. Эта организация сыграла важнейшую роль в борьбе за освобождение страны.

В своей деятельности ВСТТ был тесно связан с партией Новый Дустур и испытывал на себе сильнейшее влияние идеологических концепций ее руководства. Лидер

ВСТТ Фархат Хашед рассматривал борьбу за удовлетворение экономических требований трудающихся как часть освободительной борьбы. Он утверждал, что в колониальной стране пролетариат находится под двойным гнетом — капиталистической и колониальной эксплуатации, а потому подлинного освобождения рабочий класс может добиться лишь в борьбе с обоими видами угнетения, но «колониальный режим должен стать первым объектом его атак» [169, I.VIII.1948].

Следуя указаниям Нового Дустура, руководители национальных профсоюзов направляли борьбу рабочих против французских капиталистов, сдерживая выступления против хозяев-мусульман. Однако первые лидеры ВСТТ — в отличие от нынешнего его руководства, поддерживающего ту концепцию, что рабочие не составляют особого класса в тунисском обществе и не имеют собственных интересов, — подчеркивали первостепенность классовых задач пролетариата. Обосновывая необходимость союза с ведущей национальной партией Новый Дустур, Ф. Хашед говорил: «Люди, которые ведут политическую борьбу в общенациональном плане, будут находить поддержку организованных и мощных сил рабочего класса в той мере, в какой они будут содействовать осуществлению наших справедливых целей» [195, 1965, XII, 14].

С февраля 1949 г. ВСТТ вел переговоры с руководством Всемирной федерации профсоюзов о присоединении к ВФП. Однако его вступление задерживалось из-за того, что тунисская секция ВКТ — Объединение профсоюзов трудаящихся Туниса (ОПТ) считала, что прежде два тунисских профцентра должны слиться и войти в федерацию как один член. Вначале партия Новый Дустур поддерживала идею присоединения ВСТТ к ВФП, но уже в 1950 г. новодустуровское руководство стало настаивать на том, чтобы ВСТТ примкнул к Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП), что и было сделано в марте 1951 г. [149, 81].

Х. Бургиба не скрывал, что одной из главных причин, из-за которой он добивался вступления ВСТТ в МКСП, было стремление ослабить влияние коммунистов на Всеобщий союз. В начале 1951 г. в интервью газете «Тунис-саар» он заявил: «ВСТТ представляет собой лучшую преграду против коммунизма с социальной точки зрения» [цит. по: 106, 108].

Отчасти желание новодустуровских лидеров, чтобы ВСТТ вошел в МКСП, было связано с появившейся тогда у них надеждой заручиться поддержкой США в борьбе за отмену французского протектората. Со своей стороны, американские профсоюзные лидеры постарались установить непосредственный контакт с руководством ВСТТ и лично с Ф. Хашедом, стремясь подчинить его своему влиянию. В сентябре 1951 г. Хашед выступил на проходившем в Сан-Франциско конгрессе Американской Федерации труда с приветственной речью, в которой подчеркнул, что ВСТТ не имеет связей с коммунистическим движением [170, 5.ХП.1959].

Под давлением новодустуровского руководства представители ВСТТ вышли из «Тунисского комитета за свободу и мир», в создании которого они принимали самое активное участие. В революциях IV съезда ВСТТ, прошедшего в 1951 г., это решение объяснялось тем, что «некоторые члены Комитета препятствовали выдвижению представителями профсоюзов лозунга национальной независимости в ее истинном значении» [13, 41].

Тем не менее Хашед и его товариши в своих практических действиях колпировались с возглавляемым коммунистами ОПТТ. Оба профцентра совместно организовывали забастовки и политические стачки. Крупнейшим из них были декабрьские стачки 1951 г. и всеобщая забастовка в феврале 1952 г. В 1952 г., когда антиколониальная борьба тунисского народа приняла открытый и решительный характер, Хашед стоял во главе движения. Большинство лидеров Нового Дустура, в том числе и Бургиба, находились тогда под арестом. 5 декабря 1952 г. Фархат Хашед был убит членами террористической организации французских колонизаторов «Красная рука».

В последующие годы ВСТТ продолжал вести активную стачечную борьбу, тогда как ОПТТ, виду его неясно определенной позиции по отношению к освободительному движению, постепенно теряло свое влияние. Летом 1956 г. ОПТТ объявило о своем роспуске; его члены в индивидуальном порядке вступили в ВСТТ [106, 110].

Стачечная борьба, развернувшаяся в 50-е годы, вовлекла широкие массы тунисских трудящихся в политическую деятельность и способствовала их объединению. Возможно, вступление в ряды ВСТТ рабочих-коммуни-

стов, ранее состоявших в ОПТТ, также оказалось на позициях профцентра. В первое время после получения страной независимости число забастовок даже увеличилось: в 1956 г. оно достигло 252 против 168 в 1955 г. [98, 1961, 542]. Устав, определивший порядок найма сельскохозяйственных рабочих, был принят после продолжительной забастовки батраков, организованной профсоюзами [115, 167].

К 1956 г. ВСТТ стал организацией, пользующейся таким авторитетом, что сама новодустуровская партия стремилась широко использовать сотрудничество с ним для укрепления своих позиций. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что на выборах в Учредительное собрание «Новый Дустур» выступил совместно с ВСТТ, так как партия не могла рассчитывать на полный успех у избирателей без образования «Национального фронта».

Вскоре, однако, начали выявляться разногласия между партией и ВСТТ. Они возникли во время обсуждения проекта конституции, но особенно отчетливо выявились в ходе VI съезда ВСТТ. Созванный в сентябре 1956 г. съезд одобрил «Экономический доклад», в котором правительство подверглось резким нападкам за стремление сохранить капиталистические структуры в экономике. В этом документе, составленном по инициативе молодого Бен Салаха, стоявшего тогда во главе профцентра, доминирующей нотой была критика капиталистического строя, видимо, заимствованная из программ французских социалистов. Позже Бен Салах обвиняли и в том, что к написанию доклада были привлечены его друзья — тунисские марксисты.

Центральной идеей «Экономического доклада» было требование продолжения революции, перенесение ее из сферы политической в область социальных отношений. В документе доказывалась необходимость составления общего плана хозяйственного развития страны. Благодаря политике планирования, говорилось в докладе, правительство сможет «покончить с государством богатых», с пресловутой капиталистической свободой, которая есть не что иное, как закон спроса и предложения, и дает году только тем, у кого есть деньги» [29, 8—9].

В главе доклада «Наша доктрина» было записано следующее: «Мы считаем, что наше общество, освободившееся от колониального политического режима, смо-

жет быть подлинно свободным, лишь разрушив социально-экономическую структуру, созданную при этом режиме. Мы считаем, что в слаборазвитой стране, как наша, нельзя оставить в нетронутом виде отношения между социальными группами, даже если их связывают узы национального единства. Мы считаем бесперспективным путь робких полуреформ, которыми пытаются удовлетворить всех и каждого.. Мы полагаем, что бессмысленно пытаться изменить общество увещеваниями, советами и клятвами... Народ перерождается лишь в процессе коренного изменения экономических отношений, ибо на них в конечном счете и зиждется общество... Режим протектората способствовал установлению и укреплению капиталистического строя. Но ликвидация протектората не повлекла за собой исчезновения капиталистической системы. Были лишь созданы условия, которые позволят нам ее разрушить.

Кое-кто хотел бы внушить, что капитализм может «исправиться» и что несколько частных реформ обеспечивают существование нашему народу.. Мы должны констатировать, что правительство проявляет некоторую responsibility перед лицом экономических проблем. Оно как будто без конца изыскивает предлоги, чтобы отсрочить момент, когда оно сможет ими заняться. Конечно, ВСТТ не хочет преуменьшить важность политических вопросов, но слишком настоятельна потребность выработки идеологической доктрины и определения экономической политики. Крупная тунисская буржуазия знает, что делает, стараясь отвлечь народ от социальной борьбы,— и нельзя допустить, чтобы правительствошло у нее на поводу... Все заставляет думать, что правительство намеревается сохранить существующую экономическую систему. Составленный недавно бюджет базируется на принципах, типичных для капиталистического общества. Государственные финансы следовало бы использовать так, чтобы повернуть страну на социалистический путь. Дело не только в том, что тунисские трудящиеся не могут больше терпеть необузданную капиталистическую эксплуатацию, но и в том, что страна рискует потерять свою подлинную независимость из-за неразумной экономической политики правительства» [29, 1—2, 21—52].

Новодустровская партия встретила в штыки решения VI съезда ВСТТ. Партийные лидеры почувствовали, что профцентр может превратиться в их серьезного про-

тивника. Поэтому были принятые меры, чтобы ослабить ВСТТ. Основная ставка была сделана на раскол профсоюзного центра. С этой целью был предпринят маневр по образованию в Сфаксе нового профобъединения — Тунисского союза труда (ГСТ). О создании ГСТ было официально объявлено 20 октября 1956 г., причем руководство новой профсоюзной организации немедленно заявило о своей безоговорочной преданности партии и одобрении ее линии [189, 1965, № 9, 25].

3 декабря в телеграмме, направленной председателю ГСТ, Бургиба писал: «Я прошу вас передать трудающимся — членам ГСТ мою надежду увидеть профсоюзную организацию, посвятившую себя плодотворной и конструктивной деятельности в рамках национального единства, которая отбросила бы преступные теории классовой борьбы и ненависти между сыновьями одной нации» [196, 1965, XII, 18].

Вместе с тем были приняты меры, чтобы убрать из руководства ВСТТ оппозиционно настроенных лиц, в том числе Бен Салаха, одного из авторов доклада VI съезду. Под давлением партийного руководства Административная комиссия ВСТТ приняла решение о его замене на посту генерального секретаря ВСТТ Ахмедом Тлили, который был членом политбюро Нового Дугстура.

Это вызвало возмущение в рядах профсоюзов. 28 декабря на чрезвычайном собрании представителей всех профсоюзных секций г. Тунис был единогласно одобрен текст петиции в адрес Административной комиссии. Птиция содержала решительный протест против действий комиссии и требовала отмены решения о смешении генерального секретаря ВСТТ. Тем не менее Бен Салах покинул пост в отставку. В июле следующего года он вышел из опалы и был назначен на пост министра здравоохранения.

Однако ГСТ оказался неспособным оттеснить ВСТТ; в него вошло не более 50 тыс. человек, тогда как в ВСТТ насчитывалось около 130 тыс. членов [115, 168; 153, 167]. К тому же трудящиеся открыто заявляли о своем недовольстве расколом. В этой связи было решено осуществить слияние двух профсоюзных центров, воссоздав ВСТТ на новых началах. На VII чрезвычайном объединительном съезде в сентябре 1957 г. было отменено установленное ранее правило, согласно которому лидеры профсоюза, будучи назначеными на министерские либо

другие важные посты в правительстве, сохраняют за собой свою должность в центральных органах ВСТТ (считалось, что они находятся в «профсоюзном отпуске»).

Четыре министра-синдикалиста, входившие в первый кабинет Бургибы, полали в отставку [115, 168].

Воссоединение ВСТТ сопровождалось перестройкой и централизацией его структуры. Главным звеном ВСТТ стали профессиональные федерации, в чье ведение были переданы такие вопросы, как урегулирование трудовых конфликтов и удовлетворение нужд трудающихся.

На первых порах существования ВСТТ его костяк составляли территориальные объединения низовых профсоюзных организаций. Кроме того, существовали профсоюзные федерации, включавшие лиц одного рода занятий в масштабах страны. Руководство федераций находилось в столице. Однако профессиональные федерации ВСТТ были немногочисленны, поскольку такие объединения не считались обязательными. В период борьбы за независимость ведущую роль в деле мобилизации трудящихся масс сыграли именно местные, районные союзы. Они пользовались большой самостоятельностью в решении всех вопросов. Теперь же их функции были ограничены задачей подготовки кадров и координацией работы низовых органов. К тому же они потеряли право самостоятельно распоряжаться своими финансами. Таким образом, с 1957 г. была ликвидирована автономия районных объединений ВСТТ и расширены полномочия его центрального руководства.

После временного раскола ВСТТ потерял почти половину своих членов. В 1956 г. (до отделения ТСТ) во Всеобщем союзе насчитывалось 182 тыс. членов. Судя по числу делегатов, прибывших на VIII и IX съезды ВСТТ (1960 и 1963 гг.), в профцентре осталось только 60—80 тыс. человек [153, 167]. Эта цифра подтверждается и в тунисском экономическом ежегоднике за 1964 г. [40, 30].

По мере того как государственный аппарат стал заполняться чиновниками-тунисцами, среди членов ВСТТ значительно увеличивался удельный вес служащих. По своим настроениям они прымкали к мелкой буржуазии и были склонны защищать ту власть, которая обеспечила им привилегированное место в обществе. Служащие госучреждений начали занимать все большее число мест в руководящих органах ВСТТ, особенно в столичном

округе, где действует самое крупное районное объединение.

Почти со всех административных постов ВСТТ были постепенно вытеснены лица, неугодные новому руководству. Довольно часто приказом сверху снимали с должности того или иного профсоюзного деятеля, выбранного трудящимися, и на его место назначали другого. Так, в 1960 г. по указанию генерального секретаря ВСТТ Тлили из Исполнительного бюро секции учителей начальных школ были выведены три его члена «за коммунистические настроения» [206, 1962, № 16—17].

Хотя в последующие годы возникали отдельные столкновения между правящей верхушкой и профсоюзным центром, в целом Новому Дугустру уже тогда удалось «нейтрализовать» ВСТТ и превратить его в своего рода вспомогательный бюрократический аппарат партии. Всякий раз, когда возникали конфликты между рабочими и хозяевами предприятий, руководство профцентра выступало против забастовок под тем предлогом, что они срывают производство и наносят ущерб экономическому развитию страны. Исключение составляли лишь устраиваемые с одобрения правительства политические манифестации — например, всеобщая забастовка в знак солидарности с алжирским народом, состоявшаяся 17 сентября 1958 г.

С 1957 г. в Тунисе наблюдалась спад экономической борьбы трудающихся. Во многом это объяснялось тем, что руководство профсоюзов не поддерживало требований рабочих (табл. 35).

Таблица 35
Данные об официально зарегистрированных забастовках*
в 1956—1960 гг. экономических

Год	Число трудовых конфликтов	Численность бастовавших	Количество потерянных рабочих дней
1956	252	14 923	74 798
1957	63	5 405	25 160
1958	45	1 412	1 886
1959	21	1 416	1 282
1960	11	1 080	1 015

* [98, 1961, 542].

Когда в апреле 1960 г. проходил VIII национальный съезд ВСТТ, на нем развернулись бурные дебаты. Часть делегатов выступила с требованием защиты прав трудящихся, обрушившись на «тех, кто хочет уничтожить социальное законодательство, чтобы тунисифицировать эксплуатацию трудящихся» [195, 1965, XII, 21]. Тем не менее подобные выступления не нашли своего отражения в решениях, принятых съездом. В его отчете было записано, что деятельность организации носит «чисто синдикалистский, принципиально неполитический характер» [15, 7]. Хотя в отчете содержится заявление о том, что «ВСТТ не ставит перед собой иной задачи в области экономической политики, кроме создания социалистической структуры», тут же говорится: «Нашей конечной целью является человек, и мы рассматриваем диктатуру, даже носящую название „диктатуры пролетариата“, как средство порабощения личности, несовместимое со стремлением человечества к благосостоянию, к миру и справедливости» [15, 34]. Отказываясь от политической борьбы, руководство съезда заявило, что «тунисский рабочий класс расценивает партию Новый Дустур как свою „социалистическую партию“» [15, 11]. Далее в отчете говорилось: «Заявив о нашемуважении прав собственности, мы заняли позицию в пользу частной инициативы в области экономики. Эта инициатива, по нашему мнению, должна действовать с соблюдением следующего приоритета: местное коллективное накопление, международные капиталовложения, национальный капитал и, наконец, частный иностранный капитал» [15, 10]. Заметим, что еще в 1958 г. группа делегатов от ВСТТ голосовала в Учредительном собрании против статьи конституции, утверждавшей право частной собственности.

В резолюции съезда все же констатируется, что в Тунисе с сентября 1955 г. была заморожена зарплата, в то время как стоимость жизни возросла на 11%. «Если учесть огромный разрыв, который существовал уже в 1955 г. между ценами и заработной платой, нельзя не заметить, что нынешняя покупательная способность не может обеспечить трудящимся нормальный уровень жизни» [15, 4]. Но вместо того, чтобы призвать трудящихся к борьбе за удовлетворение своих экономических требований, съезд предложил... открыть как можно больше «показательных магазинов», которые якобы повлияют на снижение цен на внутреннем рынке [15, 42].

На следующий год, выступая по случаю первомайских праздников, генеральный секретарь ВСТТ А. Тлили вновь отметил, что в результате непрерывного роста цен и замораживания зарплаты резко ухудшилось положение трудящихся. Тем не менее он призвал трудящихся крестьянское единство и «проявлять терпение, испытывая национальное единство и по милости божьей благополучие уже близко». По мнению Тлили, «надо помочь правительству в его борьбе против некоторых недостатков... пойдя на необходимые жертвы и строго соблюдая экономию». Он заявил, что «традиционные демонстрации трудящихся по случаю Первого мая ныне стали абсолютно бесполезными» [167, 2.V.1961].

Забастовки, происходившие в последние годы, как правило, начинались по инициативе трудящихся, без участия и против воли их профсоюзных руководителей. Это, в частности, относится к забастовке горняков города Метлави, охватившей 7 тыс. рабочих [по: 206, 1962, № 21—22]. В том же году под давлением рядовых членов профсоюзов некоторые секции ВСТТ — работников связи, финансово-счетных работников, железнодорожников, горняков — выдвинули требования о повышении заработной платы, улучшении системы социального страхования, обновлении коллективных договоров. Эти требования не были поддержаны центральным руководством ВСТТ.

Однако через некоторое время между ВСТТ и руководством Нового Дустура возник конфликт. Поводом для него послужила начатая в 1962 г. кампания по расширению сети профессиональных ячеек, входивших на местах в «профессиональные секции». Перед ними ставилась задача объединить представителей различных социальных категорий, занятых на одном предприятии, и противопоставить эти низовые органы Нового Дустура профсоюзам. Впервые эти ячейки появились еще до независимости, в момент, когда партия готовила агитации среди рабочих против оппозиционно настроенных делегатов ВСТТ [153, 163].

В одном из партийных документов было по этому поводу записано: «Создание профессиональных ячеек — одно из важнейших нововведений последних лет. По своему составу они служат прообразом той социальной сплоченности и солидарности, к которой стремится пар-

тия. Рабочие, служащие, технические кадры и руководители предприятий — все организованы в одной ячейке, вне зависимости от их служебного положения, разницы в зарплате и социального статуса» [19, 20]. О том, что означала на деле подобная сплошность, можно судить по заявлению одного из профсоюзных руководителей округа Сфакса. Он отмечал, что созданные в сельской местности партийные профессиональные секции возглавляют крупные землевладельцы, которые преляствуют всем попыткам ВСТТ вовлечь сельскохозяйственных рабочих в свою деятельность [153, 169].

Национальный совет ВСТТ, собравшийся в сентябре 1962 г., отметил, что ячейки, вмешиваясь в вопросы, которые не входят в круг их деятельности, часто дублируют функции профсоюзов. Так, например, руководители ячеек представляют хозяевам предприятий список рабочих, которых они им рекомендуют нанять. Политбюро Нового Дустура публично заверило ВСТТ, что ячейки не будут вмешиваться в профсоюзные дела. Тогда центральное руководство ВСТТ прекратило нападки на нововведение в партийной структуре, но А. Тили призвал местных профсоюзных лидеров выступать в ячейки и занять в них ведущие посты [153, 169].

Новодустурское правительство, недовольное позицией Тили, еще в июле 1962 г. предложило ему отказаться от поста генерального секретаря ВСТТ. Однако многие профсоюзные деятели протестовали, заявив, что политбюро партии не имеет права смешать генсека, избранного организацией [153, 173]. На следующий год, на IX съезде ВСТТ, Тили был переизбран в исполнительное бюро, но под давлением партийного руководства на пост генерального секретаря был выдвинут Хабиб Ашур (тоже член политбюро Нового Дустура).

В резолюциях съезда было записано: «В течение последних трех лет наш профсоюзный центр продолжал выполнять миссию тунисского синдикализма... не замыкаясь в рамках эгоистических интересов одного общественного класса... Необходимо подчеркнуть, что одним из важнейших факторов, способствовавших гармоничному развитию профсоюзного движения, явился социальный мир, который мы сознательно и добровольно помогли создать, будучи уверены, что это одно из условий подъема жизненного уровня всех слоев населения». Далее в резолюциях констатируется, что «число социальных

конфликтов уменьшается и забастовки становятся все более редкими» [14, 3—4].

Тем временем в стране нарастало недовольство сальных широких масс тружеников. Профсоюзным лидерам все труднее становилось поддерживать иллюзию социального мира. Созванный в конце августа 1964 г. Национальный совет ВСТТ потребовал «проведения социальной политики, которая обеспечила бы повышение покупательной способности за счет не раз обещанного увеличения зарплаты, в самое ближайшее время и во всеобщем масштабе» [189, 1965, № 9, 25].

Когда была произведена девальвация тунисского динара, после нескольких дней колебания и бесплодных попыток усмирить волнение в рядах профсоюзов Административная комиссия ВСТТ приняла 30 сентября 1964 г. резолюцию, в которой девальвация признавалась необходимой мерой, но одновременно выдвигалось требование «законной и немедленной компенсации трудалимся» ввиду резкого повышения стоимости жизни [189, 1965, № 9, 25]. Официальная пресса тогчас же ополчилась на профсоюзное руководство, осмелившееся критиковать решения правительства. Газеты публиковали телеграммы от секретарей партийных профессиональных ячеек, неподходящих по поводу резолюции Административной комиссии. Появились статьи с намеками на наличие в руководстве ВСТТ «секретных раскол подозрительных элементов». Затем все руководство было обвинено в саботаже [171, 2.X.1964; 167, 5 и 10.X.1964]. Было оказано давление на бюро районного союза ВСТТ столичного округа. Бюро выразило несогласие с Административной комиссией, выступив в прессе с обличием «неблаговидных действий некоторых профсоюзных деятелей, способных посягнуть на единство Нового Дустура и ВСТТ» [167, 11.X.1964].

Воспользовавшись разногласиями внутри профсоюза, политбюро Нового Дустура объявило, что необходимо создать чрезвычайный Национальный совет ВСТТ для обсуждения вопроса о его взаимоотношениях с партией. На этом совете руководящие деятели ВСТТ, которые к этому времени уже были тщательно обработаны, единогласно приняли резолюцию о полной поддержке политики правительства в экономической и финансовой области.

С трибуны VII съезда партии, открывшегося 19 ок-

тября 1964 г., Бургиба подверг резкой критике Хабиба Ашура и других лидеров ВСТТ. «Время экономических требований минуло,— заявил он,— поскольку дустуровцы и члены профсоюза тесно сотрудничают в руководящих органах партии и правительства... Плыя в одной ладье, мы все должны проявлять солидарность. Те, кто называют „буржуазией“, должны рассматривать рабочих как компланьонов, прямо заинтересованных в успешном ходе предприятия. Рабочий также должен оставить этот пролетарский образ мышления, который заставляет его воспринимать хозяина как своего естественного врага. И те и другие должны избавиться от своих классовых инстинктов и понять, что их интерес состоит в том, чтобы совместно трудиться ради повышения производства, то есть для того, чтобы поднять уровень жизни всех тунисцев» [16, 76].

Тем не менее через короткий срок Хабиб Ашур вновь выступил с критикой действий правительства. Он призвал к созыву чрезвычайного съезда ВСТТ ввиду необходимости «восстановить доверие масс к лидерам профсоюза, подтвердить тем самым их представительность и законность, сделав их менее уязвимыми для правительства идейных репрессий» [198, 2.V.1965].

Тогда против Ашура было возбуждено уголовное дело. Национальное собрание аннулировало его парламентскую неприкосновенность. Ашур был исключен из политбюро СДП, а затем арестован. Через короткий срок из рядов партии и ВСТТ был исключен Тилили и проведена чистка Административной комиссии и Исполнительного бюро ВСТТ. Все, за исключением одного члена старого бюро, были смещены. Генеральным секретарем был избран мэр г. Тунис, член политбюро Дустура Башир Беллага, который до того времени не принимал никакого участия в деятельности профсоюзного центра.

На открытии внеочередного X съезда ВСТТ Бургиба сказал: «В борьбе за развитие народ должен соблюдать военную дисциплину... Право говорить о вопросах, имеющих общенациональное значение, принадлежит партии и одной только партии... В Тунисе нет рабочего класса, отличающегося от нерабочего класса. Мы все рабочие». Далее президент подчеркнул: «Сегодня тунисские профсоюзы свободны от революционного синдикализма. Мы создали новое профсоюзное движение, независимое от коммунизма» [167, 1.VIII.1965].

30 апреля 1966 г. с полного согласия руководства профсоюзов был принят новый тунисский кодекс труда (закон № 66—27 от 30.IV.1966). Внесенные в действовавшее прежде законодательство поправки касались прежде всего трудовых конфликтов. Была введена статья об обязательном предварительном разрешении властей на проведение забастовок [см. 24].

В некоторых официальных документах руководство ВСТТ продолжало высказывать пожелания о том, чтобы был усилен контроль над ценами, чтобы рабочие привлекались к управлению предприятиями и получали частные прибыли. В то же время оно заявляло, что ВСТТ на нынешнем этапе достиг высокой политической зрелости и «вышел из стадии экономических требований» [198, 2.I.1967].

В начале 1970 г., после политических перемен, связанных с отстранением группировки Бен Салаха, решением правительства на пост председателя ВСТТ был вновь возвращен Хабиб Ашур. Возвращение этого профсоюзного деятеля на волне усиления правой оппозиции весьма симптоматично. Ашур — подходящая фигура на посту лидера профсоюзов, потому что, в сущности, придерживаясь правых взглядов, он имеет репутацию деятеля, пострадавшего в прошлом за свои «левые» взгляды. Фактически в 1964 г. Ашур, как и Тилили, был на стороне противников реформ, ущемлявших интересы тунисской буржуазии. В то же время, стремясь укрепить свои собственные позиции в борьбе за власть, он искал поддержки рядовых членов профсоюзов и выступал от их имени, востользовавшись недовольством трудающихся массами по ограничению потребления, повышением стоимости жизни. Вернувшись на должность генсека ВСТТ, Ашур на этот раз выступил в защиту пресловутого текста о «социальном мире», который был вновь подтвержден профсоюзным центром [168, 13.I.1970].

После спада забастовочного движения, достигшего своей низшей точки в 1968 г., когда статистика трудовых конфликтов зарегистрировала потерю менее ста рабочих дней [98, 1972, 745], с начала 70-х годов в Тунисе наблюдается рост числа забастовок. В ряде случаев забастовки носят весьма упорный характер, несмотря на то что сопротивление им оказывается даже со стороны профсоюзных организаций. Так, в конце 1970 и начале 1971 г. в Тунисе произошел целый ряд выступлений

рабочих, которые были организованы и проведены без участия ВСТТ. Особенно широкий размах приобрела забастовка железнодорожников г. Тунис и Сфакса, которые требовали повышения заработной платы и борьбы против спекуляции. Эта забастовка продолжалась с сентября 1970 по февраль 1971 г.

По официальным данным, представленным МОТ, в 1970 г. в Тунисе произошло 25 забастовок, в 1971 г. — 24. Количество потерянных рабочих дней составило соответственно 6,1 тыс. и 4,8 тыс. (табл. 36).

Таблица 36

Данные об официально зарегистрированных забастовках в 1965—1971 гг. экономических забастовках**

Год	Число трудовых конфликтов	Численность бастовавших	Количество погибших рабочих дней
1965	7	504	629
1966	5	306	469
1967 **	—	—	—
1968	1	350	88
1969	1	400	1 200
1970	25	5 887	6 104
1971	24	1 718	4 769

* [98, 1972, 745].

** [98, 1972, 745].

Нет сведений.

Нарастание забастовочного движения наблюдалось и в 1972—1973 гг. Первого мая 1972 г. забастовка была объявлена рабочими сфакской районной транспортной компании междугородного автобусного сообщения. Она продолжалась в течение целого месяца. Руководство местных профсоюзов на первых порах осудило это выступление. Затем, под давлением профсоюзов, оно поддержало требования трудающихся, но в конечном итоге отмежевалось от забастовщиков. Полицией были арестованы сотни рабочих, несколько наиболее активных участников забастовки были преданы суду.

В том же году произошло крупное выступление рабочих на металлургических предприятиях в Сиди-Фатхала, пригороде столицы. Имели место забастовки на текстильных фабриках полугосударственной компании «Со-житекс», обувных предприятиях фирмы «Батя», муко-

мольных заводах. В течение двух месяцев длилась забастовка на кожевенных фабриках Мажлула, причем рабочие на время заняли свои мастерские. В феврале 1973 г. бастовали транспортники г. Тунис. Эта забастовка продолжалась несколько дней; в ней приняли участие все рабочие и служащие транспортных компаний. Летом того же года произошел ряд значительных выступлений на предприятиях пищевой промышленности столицы. В декабре 1973 г. на заседании Национального собрания было сообщено, что с января по ноябрь этого года в стране было официально зарегистрировано 117 забастовок [171, 5 XII 1973].

Характерной чертой новой волны рабочих выступлений является то, что они в основном проходят на государственных предприятиях; обращает также на себя внимание их связь с политическими проблемами. Особенно остро реагируют тунисские трудащиеся на угрозу империалистического, в частности американского, проникновения в страну. Показательно, что если во время первых массовых студенческих демонстраций, начавшихся в Тунисе зимой 1966—1967 гг., властям даже удалось использовать рабочих для разгона молодежи, то последующие выступления студентов, которые проходили под лозунгом критики прозападного курса правительства, например, манифестации протеста, организованные во время визитов в Тунис тогдашнего вице-президента США Хемфри (1968 г.) и государственного секретаря Роджера (1970 г.), были поддержаны трудащимися столицы [см. 171, 15 II 1970].

Нарастание в стране социального протеста, усиление недовольства трудающихся масс становится в настоящее время фактором, с которым руководство тунисских профсоюзов не может не считаться. Лидеры ВСТТ сошли необходимым занять более гибкую позицию. По-прежнему проявляя стремление остановить рост забастовочного движения, в ряде случаев они все же вынуждены призывать обоснованность экономических требований трудающихся и в той или иной форме поддерживать их. При этом, несомненно, расчет строится на том, чтобы держать под контролем настроения масс трудающихся и в какой-то мере управлять борьбой рабочих, не допуская ее накала до опасной точки. Так, например, в 1970 г., когда среди рабочих заметно росло недовольство, вызванное массовыми увольнениями на многих частных и государ-

ственных предприятиях, ВСТТ совместно с госсекретариатом социальных дел провел специальную конференцию, посвященную этой проблеме. В итоге работы конференции была принята резолюция с требованием положить конец незаконным увольнениям рабочих на предприятиях, которые принесли, как было сказано в резолюции, «на протяжении предшествующих месяцев опасные магистрали» [170, 13.VII.1970]. Участники конференции говорили о том, что на многих предприятиях не соблюдаются законодательство о труде и нормы оплаты; они высказались за пересмотр всего социального законодательства с учетом экономических и социальных перемен в стране и требований, выдвигаемых трудящимися.

В отчетном докладе ХIII съезду ВСТТ, состоявшемуся в марте 1973 г., Х. Ашур подчеркнул, что резолюция была составлена «в тоне необычной твердости» [28, 40]. Следует отметить, однако, что требование облегчить жестокую долю человека, живущего «ниже нулевого уровня», в резолюции связывалось с необходимостью «избежать опасностей классовой борьбы» [28, 40].

В ноябре 1972 г. на заседание Национального совета ВСТТ были приглашены более 250 представителей районных объединений, федераций и местных профсоюзов. Х. Ашур назвал это совещание «историческим» [28, 52]. На этом заседании подробно разъяснялась роль профсоюзов в борьбе за национальное единство. В то же время на совещании в ряде выступлений был затронут вопрос об уровне заработной платы и поднимались другие острые проблемы. Правда, это происходило, как говорится в том же докладе Х. Ашура, в «успокаивающей обстановке оптимизма, порожденного надеждой на благоприятные решения в более или менее близком будущем» [28, 53].

Судя по всему, руководство ВСТТ сочло необходимым провести какое-то конкретное мероприятие, которое создало бы видимость того, что оно идет навстречу трудающимся. В резолюциях, которые были представлены ХIII съезду районными объединениями федераций профсоюзов и общенациональными союзами, были включены требования установления минимума заработной платы на уровне, позволяющем удовлетворить нужды трудающихся и учитывающим рост цен. В них неоднократно высказывалось также пожелание о пересмотре Кодекса труда, и в первую очередь статей, запрещающих ста-

вить вопрос о заработной плате, и правах трудящихся при заключении коллективных договоров (статьи 51 и 52). Об этом говорилось, в частности, в резолюции районных объединений профсоюзов Туниса, Сфакса, Суса и других [27, 31, 37, 42].

В отчетном докладе генеральный секретарь ВСТТ также поддержал эту идею. «Настало время, — сказал он, — отменить статьи 51 и 52 Кодекса труда с тем, чтобы коллективные договоры могли играть соответствующую роль в том, что касается определения прав и обязанностей заинтересованных лиц» [28, 131]. Однако Х. Ашур не скрывал, что, идя навстречу этим пожеланиям трудящихся, руководство профсоюзов заботится прежде всего о том, чтобы изыскать средства для слаживания социальных конфликтов. «Коллективные договоры, — говорил он на съезде, — могут эффективно содействовать регулированию социальных конфликтов... Они образуют фактор социального мира» [28, 131]. Как сообщалось в отчетном докладе, ВСТТ и объединение предпринимателей УТИКА приступили к разработке типового колlettivного договора, имея в виду «обеспечить атмосферу социального спокойствия, полезную как трудящимся, так и хозяевам» [28, 133].

Х. Ашур затронул и вопрос о забастовочной борьбе. Упомянув о трудовых конфликтах, имевших место на различных предприятиях Туниса, он высказался в том смысле, что забастовка в принципе — неотъемлемое право рабочих, и она представляет собой один из основных элементов профсоюзных свобод [28, 59]. Но метод защите прав трудящихся, разъяснил Ашур, должен быть «продиктован разумом. Он состоит в том, чтобы прежде всего вступить в переговоры с предпринимателем — каким бы он ни был; затем, если переговоры не дадут результатов, обратиться к третейскому суду и лишь после этого прибегать к забастовке — нашему оружию» [28, 19].

Практически лидер профсоюзов рекомендовал избегать забастовок, ибо, как он выразился, «мы сознаем тот ущерб, который забастовка, даже если требование рабочих обоснованы, наносит производству и производительности труда» [28, 59]. В то же время Ашур был вынужден признать законность права трудящихся использовать забастовку как оружие в борьбе за свои права. Любопытно отметить, что ВСТТ, по словам

Х. Ашура, взял отдельные забастовки под свое «покровительство», что диктовалось, несомненно, стремлением профсоюзного руководства ослабить накал борьбы и «добиться такого решения трудового конфликта, которое наносило бы наименьший ущерб интересам предпринимателей и престижу государственных властей» [там же].

В целом напрашивается вывод, что хотя руководство ВСТТ и провозгласило лозунг «возврата к решительным действиям», по существу, основная задача, которую оно преследует, как и раньше, заключается в том, чтобы удержать профсоюзы на положении придатка государственного и партийного аппарата. Но в современной обстановке для осуществления этой цели ему приходится действовать более осторожительно и тонко, в большей мере считаясь с настроениями широких масс трудящихся. Со своей стороны, правящие круги страны, особенно в обстановке нестабильности, которая наступила после 1969 г., несомненно, заинтересованы в том, чтобы благодаря более гибкой позиции профсоюзного руководства получить влияние на трудающихся, не допустить резкого обострения социальных противоречий в стране, дальнейшего подъема забастовочного движения.

Лидеры ВСТТ всячески подчеркивают свою роль в принятии решений о повышении заработной платы труда, начиная с 1971 и 1973 гг.². В то же время они стремятся внушить, что вина за трудности, переживаемые трудящимися, и за недостаточное внимание к их нуждам со стороны профсоюзов целиком ложится на Бен Салаха и проводивший им курс. Х. Ашур утверждал в своем докладе, что «политика импровизации», проводившаяся до сентября 1969 г. и имевшая своим следствием «общий упадок, нарушение финансового равновесия, спад производства и снижение производительности труда», повлекла за собой провал политики создания рабочих мест, резкое сокращение найма, равно как и «паралич профсоюзной жизни». По его словам, влавшие в отчаяние трудающихся выходили из профсоюзов, что привело к облению движения и, в свою очередь, имело своим результатом такие, по его выражению, несчастья, как массовые увольнения или нарушение социального законодательства в области оплаты труда [28, 17—19].

Подводя итоги, можно сказать, что за годы независимости тунисское профсоюзное движение претерпело

значительную и сложную эволюцию. Профсоюзная организация оторвалась от рабочего класса и в определенном смысле была противопоставлена ему как часть единой партийно-государственной настройки. Однако усиление забастовочного движения делает более трудным для дистуровского руководства сохранение полного контроля над профсоюзами. Этому способствуют современные условия, когда устанавливается более прочная связь между рабочим и общедемократическим движением.

Как отмечается в опубликованном осенью 1974 г. заявлении Тунисской коммунистической партии (ТКП), в стране углубились противоречия между массами трудящихся и верхушечными социальными группами — представителями предпринимательской и «борократической» буржуазии.

В документе подчеркивается, что политика всеверного поощрения частного капитала — как тунисского, так и иностранного — наносит ущерб национальным интересам, ставит под угрозу будущее страны, которой суждено в этих условиях «оставаться на залвоках капиталистического мира» [182а, 1—7.X.1974, 23]. Нынешний официальный курс встречает все более открытое несдобрене со стороны трудящихся, и прежде всего рабочего класса. ТКП считает необходимым создание единого фронта прогрессивных сил, программу которого поддержало бы и левое крыло новодистуровской партии [там же]. Используя положительный опыт прошлого десятилетия, подобный широкий фронт сможет выработать и провести в жизнь новую политику, обеспечить независимое развитие национальной экономики в интересах народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение ✓

проблема

¹ Общинная собственность на землю, упраздненная только в 1957 г., давно превратилась фактически если не в лицуто, то в семейную собственность.

² Тунисские плетена джеллас, нефет и хаммама до сих пор называют себя «хусейний» в память о том, что в XVIII в. они поддерживали бея Хусейна против его племянника Али-папи. Потом называют себя «баший» [135, 170].

³ Под «цензовой» промышленностью подразумевается совокупность предприятий, учитываемых официальными промышленными переписями.

Глава I ✓

¹ Самое крупное из существовавших до этого в текстильной промышленности предприятий — созданная в 1960 г. частная компания «Сахельские прядильни» — имело акционерный капитал в 200 тыс. дин.

² Он образовался из бывших вакуфных владений (благотворительных хабусов), поместий, конфискованных в 1957 г. у бейской семьи и лиц, обвиненных в сотрудничестве с колониальными властями, а также земель, выкупленных правительством у иностранцев К 1962 г. в собственность государства перешло 206 тыс. дин, примерно четверть «французских земель» [см. 202, 1966, № 7, 46].

³ В вилаете Сус 18% олив старше ста лет (продуктивность дерева начинает падать уже с 60 лет). Низкая урожайность вызывает, как правило, распределение посадок: здесь на одном гектаре, как правило, растет 60—100 олив, тогда как в Сфакском районе плотность посадки не превышает 20 деревьев на гектар [87, 57; 167, 18 XII 1964].

⁴ После биретского кризиса был принят закон о ликвидации иностранного землевладения, утвержденный Национальным собранием Туниса 12 мая 1964 г. Установленные законы подпали около 300 тыс. га земель, оставшихся к тому времени у иностранцев. 250—240 тыс. га были в 1964 г. во владении французов, 60 тыс. га принадлежали фермерам-итальянцам, 8 тыс. га — мальтийцам и около 1,5 тыс. га — швейцарцам [см. 189, 1964, № 4, 4].

⁵ Параллельно с реорганизацией частной торговли создавалась с 1961 г. система потребительской кооперации. По данным на 1966 г., в стране имелось 87 кооперативов, открывших 287 магазинов, однако, их доля в общем торговом обороте была очень незначительна [167, 8 VII 1967; 184, 1967, VIII, 12]. По данным американских исследователей, через систему потребительской кооперации осуществлялось только 5% внутреннего обмена [120, 311].

6 С 1965 г.

документы тунисской службы статистики дают свидетельства, которые позволяют составить более точное представление об источниках финансирования и инвестиций, нежели отчеты о выполнении плана по периоду 1962—1964 гг. В них используется так называемый «счет капитала», где сопоставляются объем капиталаложений и другие финансовые потребности с внутренним денежным наложением. Сальдо «счета» показывает, в какой степени нужны финансирования. Удовлетворяются ли внутренних ресурсов и в какой

⁷ По данным тунисских экономистов, к 1971 г. в стране действовали 12 банковских обществ, в том числе 9 национальных по юридическому статуту. На долю собственно тунисского капитала приходилось 7,9 млн. из 13,1 млн. дин. общих банковских фондов.

⁸ Лишился в 5 банках он составлял основные фонды [95, 496].

⁹ Такие взгляды, в частности, высказывались в дискуссии на страницах тунисской левой прессы [196, 1966, № 8, 40—52, № 9, 57—77].

¹⁰ Составители плана подтверждают свои расчеты данными обследования семейных бюджетов (1965—1968 гг.) и налоговых деклараций за 1971 г. В итоге обследование было определено, что семьи в которых расходовалось свыше 60 дин. в год на человека (прожиточный минимум на тот период), составляли 46% жителей [38, 58]. Исследование показывает, что обеспечение населения от государства, из бюджета социального обеспечения, их доля, по официальным данным, должна была составить 49% [53, 81].

¹¹ Обследование 1965—1968 гг. распространялось на 7150 семей, отбор которых (в соответствии с положением главы семьи) должен был отражать реальную дифференциацию населения по социальному категориям, его распределение по сферам народного хозяйства и географическое расположение. Однако сравнение с данными всеобщей переписи 1966 г. показывает, что обследование семейных бюджетов несколько искажает реальную картину из-за преувеличения доли малоимущих слоев в пропорциях выборки. Среди охваченных обследованием семей (доли хозяев с наемной рабочей силой выше, чем по данному переписи. Занятен удельный вес лиц, живущих сельскохозяйственным трудом. Кроме того, при составлении плана обследование было решено не принимать во внимание ряд исключительных случаев, например семьи нищих [38, 5]. На этом основании были, по всей видимости, обойдены столы многочисленных слоев населения, как семья безработных и лиц, живущих случайным заработка.

¹² Достаточно сказать, что доли лиц, расходы которых ниже прожиточного минимума, были определены по крупнейшим городским опросам в 27% [38, 58], тогда как по данным социологических опросов в 27% [38, 58], тогда как по данным социологических опросов в 60% [см. например, 139, 272]. Что касается налоговых деклараций 1971 г., они показали, что 400 тыс. семей (40% населения) имели годовой доход до 250 дин., т. е. менее 50 дин. на человека. Однако

¹³ как подтверждается в плане, эта цифра не включает средств, полученных через систему социального обеспечения. Расходы же государства на нужды здравоохранения, образования в 1972 г. оценивались в 100 млн. дин., или 20 дин. в расчете на душу населения [54, 180]. Следовательно, заключают авторы плана, в 1971—1972 гг. правительство с денежным доходом в 50 дин. в действительности получали 60 дин., что соответствует прожиточному минимуму (или «порогу

бедности». Справедливость этого утверждения вызывает сомнение хотя бы потому, что правительственные расходы в социальной области распределяются неравномерно по районам страны, ими в неминимой мере могут воспользоваться различные общественные группы. Достаточно сказать, что в 1969 г. 5 тыс. из 12,5 тыс. больничных коеок приходились на г. Тунис, 34 тыс. — на Сус, Бизерту и Сфакс. Всего в стране работали 562 врача, 278 — в одном г. Тунис [95, 442]. В 1970/71 учебном году 30%, а в сельской местности 50% детей в возрасте от 6 до 14 лет не посещали школу. Еще более существенные различия между городом и деревней, так же как и между отдельными слоями населения, можно обнаружить в отношении охвата средним и высшим образованием. На образование уходит весьма значительная часть государственных расходов по статье социального развития.

Г л а в а IV

① Переписью 1956 г. общая численность взрослого населения, занятого в сельском хозяйстве, оценена в 878,5 тыс., в том числе 335 тыс. женщин (3 тыс. работавших по наиму и 332 тыс. — в семейных хозяйствах). Переписью 1966 г. число женщин, занятых в аграрном производстве, первоначально оценено всего в 8 тыс., а все самоиздателевное население в этой отрасли — в 448 тыс. Видимо, были учтены только женщины-батрачки, вдовы и одиночки, имевшие собственное хозяйство. Позже была дана вторая оценка: специалисты Службы демографической статистики пришли к выводу, что недочетено примерно 250 тыс. женщин регулярно занятых на полевых и других сельскохозяйственных работах вне дома (крестьянского двора) [73, 7—8]. В нашей таблице, в целях достижения сопоставимости итогов переписей, мы даем два варианта. В первом (максимальная оценка) сравниваются результаты переписи 1956 г. и официально скорректированные данные переписи 1966 г.; во втором (минимальная оценка) цифры по 1956 г. приведены в соответствии с первоначальными по 1966 г., т. е. не включают женщин — не оплачиваемых семейных работников.

2 Мы принимаем во внимание только мужскую часть населения, так как в статистике различных стран принципы учета женской работы силы не совпадают.

3 В Египте и Алжире в самоиздателевное население включают детей и подростков до 15 лет, которые в основном используются в сельском хозяйстве в качестве семейных помощников, что, естественно, увеличивает удельный вес рабочей силы, учитывающейся в аграрном секторе.

4 В сельском хозяйстве Марокко в 1960 г. было учтено 1690 тыс. мужчин и 140 тыс. женщин (56% самоиздателевного населения), в 1971 г. — 1860 тыс. и тех и других вместе (50%) [по: 98, 1962 1974].

5 Исключая участки, расположенные в зоне Большого Туниса, городов Бизерта и Мензели-Бургиба, п участки меньше 0,5 га в сельском хозяйстве в 1960 г. было учтено 187,14 тыс. в «отрядах» [187, 14 бис].

6 Поскольку отдельные лица проводят в «отрядах» разное време-

ни, учитывается не по числу людей, а по количеству отработанных ими в течение года дней. Затем из расчета 200 рабочих дней на одного человека приблизительно определяется, каким был состав отрядов в истекшем году. Таким путем подсчитано, что «отряды» использовали: в 1958 г. — 164,3 тыс., в 1959 г. — 295 тыс., в 1960 г. — 155,2 тыс., в 1962 г. — 287 тыс., в 1963 г. — 177 тыс., в 1965 г. — 64 тыс., в 1966 г. — 127 тыс. [137, 137].

8 В 1961—1962 гг. из 4,5 млн. га обрабатываемых угодий 1,3 млн. были под пашнями деревьями и свыше 3 млн. — под злаками либо под паром. Орошаемое земледелие, нуждающееся в посевном использовании рабочей силы, занимает в Тунисе менее 3% возделываемой площаи [87, 89; 54, 130].

9 В течение последних 40—50 лет общие размеры полезной сельскохозяйственной площаи в Тунисе оставались неизменными. По имеющимся данным, с 1938—1968 гг. земли под плантациями и посевами расширились с 3,4 млн. до 4,5 млн. га (на 30%). Увеличение это произошло только за счет сокращения площасти пастбищ и выгонов. В тот же период численность сельских жителей возросла на 50% [95, 61; 96, 66].

10 Согласно данным 50-х — начала 60-х годов в текстильных мастерских было занято 15—20 тыс. взрослых мужчин; на домашних стачках регулярно работали до 60 тыс. женщин [см. 123; 155].

11 На новые крупные текстильные фабрики, которые дают сейчас основную массу продукции, было набрано 1000 маслобоек на конном приводе, принадлежащие в основном самим крестьянам, и 670 механизированных маслобоек, среди которых одни перерабатывали закупаемую продукцию, а остальные являлись составной частью хозяйства крупных плантаций [107, 106].

12 Перепись 1956 г. зарегистрировала 125 тыс. трудоспособных, писавших работу [56, 229]. В 1966 г. в числе безработных были учтены люди, проработавшие менее 10 дней в предыдущем месяце, а также «первые лицущие работы», всего 166 тыс. [73, 60—67].

13 Переписью 1956 г. первоначально численность населения была определена в 3783 тыс., в том числе тунисцы-рабы — 3384 тыс., тунисцы-евреи — 58 тыс., иностранные-мусульмане — 86 тыс., европейцы — 255 тыс. [32, 1959, 14]. Однако результаты полисчета 1966 (66) г. первоначально численности населения были признаны сильно преувеличенными. При этом жителей-рабов было признано сильно преувеличенными. При сравнении с соответствующими данными предыдущих переписей они показывали снижение темпов естественного прироста между 1946 и 1956 гг., что противоречило сведениям о соотношении рождаемости и смертности за этот отрезок времени. Известны тунисский специалист в области демографии М. Секлани, определивший ряд сопоставлений допущенную ошибку примерно в 20%, предполагает, что численность коренного мусульманского населения на 1 января 1956 г. соответствовала 3455 тыс. [202, 1966, № 5, 20]. Тунисская служба статистики считала, что перепись было недостаточно приблизительно 160 тыс. женщин, определила эту цифру в 3544 тыс., а общую численность населения страны на 1956 г. в 3943 тыс. Тем не менее во многих материалах, в том числе и в специальных статистических изданиях, до сих пор иногда производятся расчеты на основе первоначального, нескорректированного результата переписи 1956 г. [см., например, 73].

14 Общий прирост населения в конце 60-х — начале 70-х годов в Тунисе не поддается выше показателя предшествующего периода.

да — 2,6%. Это связано в первую очередь с расширением эмиграции, а также с повышением брачного возраста, отчасти — с реализацией программы сокращения рождаемости.

Однако ожидается, что во второй половине 70-х годов рождаемость должна резко возрасти, так как женское население в возрасте 25—29 лет, на которое приходится самое большое число рожденных, должно увеличиваться в 1971—1975 гг. на 7 тыс., а с 1976 г.—на 30 тыс. ежегодно [31, 15].

¹⁵ Имеется в виду миграция населения, изменяющего постоянное место жительства.

¹⁶ В анкетных листах переписи 1966 г. предлагалось указать место рождения, продолжительность пребывания в данном населенном пункте и прежнее место жительства.

Однако полученные данные были использованы не полностью. Помимо, произведенной службой демографической статистики, касающейся лишь однажды перемены места жительства. В результате из поля зрения совершенно выпадают промежуточные миграции. Неизвестно также, какую часть среди мигрантов составляют люди, вернувшиеся в родные места после окончания учебы, временной работы и т. п. В то же время масштабы внутренней миграции не сколько снижены, так как не учтены переезды внутри мелких административных районов «делегаций».

¹⁷ Соответствующие данные в 1956 г. собирались, но не были обработаны.

¹⁸ Имеется в виду местное население, без иностранцев.

¹⁹ Принято считать, что в условиях Северной Африки 10 га составляет пиззую (индивидуального) хозяйства, которое может обеспечить прожиточный минимум без дополнительных доходов для семьи в 5—6 человек. 100 га здесь, как и в других странах с преимущественно богарским земледелием, обычно рассматриваются как низшая граница крупного поместичного хозяйства.

²⁰ В 1961—1962 гг. в стране насчитывалось 750 землевладельцев,

которые вели хозяйство на площади свыше 100 га, не используя механизированных средств обработки земли. Общая площадь таких хозяйств составила 136 тыс. га, из них 110 тыс. га приходилось на центральные и южные районы [по: 77—87].

²¹ Хаммасат в его классической форме, как соединение эконо- мической и (личной) зависимости крестьянина-арендатора, в Тунисе был отменен еще в 1910 г. Однако до сих пор продолжают существовать различные традиционные формы аренды, которые в литературе и в официальной статистике условно определяются термином «хаммасат» [см. 77—87].

²² В итоговых данных аграрной переписи в одну категорию были включены пастевые сельскохозяйственные рабочие и хаммасы. Все они фигурируют под рубрикой «рабочие, постоянно занятые в земледельческих хозяйствах». Но в том случае, если крестьянин арендует участок на условиях издольной аренды у землевладельца-абсолютиста, он учитывался в качестве лица, самостоятельно ведущего хозяйство.

²³ Ко времени проведения аграрной переписи плющаль земель, принадлежавших иностранным, сократилась почти вдвое.

(Если в 50-х годах европейцам на Севере принадлежало свыше 500 тыс. га, то к началу 1963 г. — только 250 тыс. га, что составляло 14% обра-

батывавшихся в этих районах земель.) Ее «пасторовали» тунисские крупные предприниматели, которые либо приобрели француз-

ские фермы, либо получили их в аренду из фонда, выкупленного государством [202, 1966, № 7, 46].

²⁴ В 1961—1962 гг. половина земель, сдававшихся на условиях «дхара», входила в хозяйствия свыше 100 га.

²⁵ Учреждение наследственного хабуса происходило в форме отказа от права собственности в пользу какого-нибудь определенного лица, семьи или потомства мужского пола; они могли полу- чать доход с земли, но не продавать ее. В результате перехода земель хабус от поколения к поколению, число пользователей постепенно, так как имение не могло делиться между наследниками.

²⁶ Используются только 6 месяцев в году.

²⁷ Джерид и в старину представлял собою замкнутую общность, что объясняется как его географической изоляцией, так и тем, что жители oasis принадлежали к еретической секте ибадитов.

²⁸ В материалах, подготовленных этой группой, как единое целое учитывается Габес и Ганиулл, бывший рыбакий поселок, где строятся химические предприятия, на которых уже заняты многие жители города. В городскую зону Бизерты включены два поселка, зоны Суса — 12 больших и мелких населенных пунктов, в том числе города Мсакен (30 тыс. жителей) и Калба-Кебира (20 тыс.) [92, 27, 189, 250].

²⁹ Имеется в виду не промышленное рыболовство, получившее развитие в таких городах, как Бизерта, Сфакс и Махдия, а промышленное, которое ведется обычно на мелких лодках, с примитивной счастливой судьбой. В приморских районах Туниса. В отдельных городках восточного побережья она служит главным источником дохода значительной части населения (до 40%).

³⁰ Характерно, что и сейчас в литературной речи тунисцы употребляют для обозначения сельской местности (в отличие от города) слово «бадия» — букв. пустыня, кочевники.

³¹ По критериям, принятым в тунисской статистике, населенный пункт должен иметь не менее 50 обитателей и состоять из жилищ, удаленных друг от друга не более чем на 200 м.

³² Предприятия, использующие более 50 рабочих.

³³ Порт Туниса (Гавань Ля-Гулет) принимает по тоннажу 40% импорта, почти столько же — Бизерта, Сфакс — примерно 20% и Сус — 3,5%. Через Сфакс транспортируются фосфаты и оливковое масло (51% общего тоннажа экспортного). Из Ля-Гулета отправляется 27% экспортных товаров (в основном сельскохозяйственные продукты), из Бизерты 17% (железная руда), 4,5% из Суса (оливковое масло и соль). До второй мировой войны Сус был вторым после столицы торговым городом, но его деятельность заглохла из-за конкуренции Сфакса, через который стали ввозить даже часть оливкового масла, производившегося в Сахеле [по сведениям, полученным в Управлении национальных портов].

³⁴ Статут «медины» (собственно города) помимо Суса имели только Монастир и Махдия — бывшая столица Фатимидов. Другие сахельские селения местные жители называли «бальда» (в отличие от деревни — «карьбы»). Города медины, уступая по размеру и экономической роли иным из соседних бальда, занимали особое место благодаря своим крепостным сооружениям и соборным мечетям.

³⁵ Из расчета исключены лица, переселившиеся в Сфакс из Туниса, поскольку среди них, как известно, большинство составляют возвращающиеся уроженцы этого района, а также ул-

равнительские кадры, послываемые из столицы. В Сфаксе располагается администрация многих компаний и предприятий, действующих в Южном Тунисе.

Г л а в а III

¹ В материалах переписи 1956 г. была произведена оценка со-
вокупной численности рабочих, занятых постоянно в несельско-
хозяйственном производстве (60 тыс. тунисцев и 20 тыс. иностранцев).

² В нефабричной промышленности в нашей таблице произведена
устовно.

³ Наряду с постоянными рабочими в таблице профессиональных
категорий самодеятельного населения, составленной Службой де-
мографической статистики на 1956 г., фигурирует группа «клиден-
щики, живущие за счет труда вне сельского хозяйства» [см. 70].
Поскольку безработные в таблице отдельно не значатся, есть основа-
ния полагать, что в руорику «клиденщики» включены, с одной
стороны, лица, более или менее регулярно занятые на сезонных
работах в промышленности и строительстве, а с другой — живущие
случайным заработком и полностью безработные. Очевидно, к перво-
вой категории относилось примерно 30 тыс., а ко второй — около
100 тыс. человек.

⁴ При проведении переписи 1966 г. в качестве безработных были
квалифицированы лица, проработавшие менее десяти дней в преды-
дущем месяце и нуждающиеся в труде. Поэтому чтобы
выше ишущие работу (всего 166 тыс. человек). Среди них почти
80 тыс. были по профессии рабочими (или ремесленниками —
35 тыс. — землемельцами). Остальную часть безработных составляли
торговцы, конторские служащие и т. п. [см. 73]. Для того чтобы
определить примерную численность безработных, предлагающих
свои труд в несельскохозяйственном секторе, мы решили составить
отнести к числу безработных в аграрном секторе всех лиц, называю-
щих своим ремеслом землемелье (хотя известная их часть идет
на работу в городе), и часть безработных иных специальностей (10—
11 тыс.), которая в процентном отношении соответствует общему
удельному весу занятых в сельском хозяйстве лиц неземлемельче-
ских профессий (12%). В итоге можно определить численность
«городских» безработных в 120 тыс. человек.

⁵ В последнее время в ряде отраслей наблюдается тенденция
к привлечению временных рабочих на все более продолжительные
сроки. Так, в металлургической, цеплопогонно-бумажной промышлен-
ности, в производстве строительных материалов и металлоизделий
большинство рабочих, имевших в 1970 г. статус временных, были
заняты на предприятиях от шести месяцев до года [68, 36, 51,
61, 192].

⁶ Впрочем, лишь 10 таких кооперативов имели в 1970 г. свыше
100 наемных рабочих [см. 68].

⁷ В начале 1967 г. на заводе в Бельже было занято 360 постоянных
рабочих, в том числе 20 бригадиров и мастеров, 5 квалифи-
цированных и 14 «специализированных» рабочих. Остальные — про-
фесиональные рабочие [202, 1968, № 14, 35].

⁸ Следует отметить, что в соответствии с наметками плана
экономического развития на 1973—1976 гг. ввиду увеличения чис-

ленности самодеятельного населения необходимо обеспечить, как минимум 200 тыс. новых рабочих мест. Предполагается, что 60 тыс. человек найдут работу за границей [54, 128].

⁹ Обследовано было 18 предприятий: 4 в группе предприятий, имеющих от 50 до 100 (12,5%); 4 в группе от 100 до 200 (25%); 4 в группе от 200 до 750 (50%) и 2 предприятия с числом занятых 750 и 1400 человек (100%).

¹⁰ Правда, под категорию «рабочие» в данном случае могут подпадать не только рабочие промышленных предприятий, но и наемные (ремесленники) рабочие.

¹¹ Любопытно, что весьма близкую картину дали опрос, прово-
дившийся в Ените на Хелуанском металлургическом комбинате,
на канирской ткацко-приядильной фабрике и на табачной фабрике
«Матусян». На трех этих предприятиях занято почти 17 тыс. рабо-
чих. Оказалось, что треть привлекавших в выборку рабочих — уро-
женцы Каира и других крупных городов. Очень небольшой процент
составили привезенные из мелких городских центров; 60% рабочих —
выходцы из деревни. Доля лиц, начавших трудовую жизнь в сель-
ском хозяйстве, составила менее 8%. 60% опрошенных начали ра-
ботать либо на этих заводах, либо на других промышленных или
ремесленнических предприятиях; остальные служили, занимались тор-
говлей и т. д. [114, 308].

¹² Декретированная в 1961 г. 5%-ная надбавка к заработной
плате или той ее части, которая соответствовала официально уста-
новленному минимуму, была введена с тем, чтобы компенсировать
ставшие обязательными взносы рабочих в фонд социального обес-
печения [25, 48; 26, 166—167].

¹³ В конце 1973 г. в связи с усилением забастовочной борьбы
в стране правительство было принято решение еще раз поднять
минимальный размер зарплаты рабочих промышленных и
коммерческих предприятий. Гарантированный минимум заплаты
устанавливается в размере 130 милл. в час. По подсчетам тунис-
ской печати, при 40-часовой рабочей неделе назапая заработка
плата будет составлять 23,14 дин. в месяц [171, 7.ХII.1973].

¹⁴ Так, например, газета «Л'Аксон» (орган Нового Дугстра)
утверждала в одном из своих номеров в 1970 г.: «Правительство
не может согласиться с тем, чтобы так называемый «рабочий
класс», пользуясь тем, что он имеет свою организацию и средства
диктования, сосредоточил только на себе внимание властей и доби-
вался для себя всех преимуществ. Нельзя забывать о десятках ты-
сяч граждан, которые не имеют шанса получать гарантированную
зарплату и быть защищеными трудовым законодательством» [171,
13.Г.1970].

¹⁵ Этот индекс, помимо заработка, включал такие показатели,
как размеры и качество жилищади, наличие коммунальных
услуг, предметов длительного пользования, приступы и т. д.

¹⁶ В обеих группах опрошенных 54% имели индекс от 10 до 30 (по
100-балльной шкале). Индекс выше 40 пунктов имели 25% рабо-
чих и 16% представителей мелкой буржуазии [см. 44].

¹⁷ Не случайно Х. Бургба, выступая в августе 1973 г. на се-
минаре для рабочих-эмпрантов, отметил, что учред, нанесенный
бесконтрольным выходом рабочих за границу, не ограничивается
тем, что экономика Туниса лишился квалифицированных кадров.
Он не скрывал своего беспокойства о том, что выезжающие за

пределы страны (особенно во Францию) тунисские трудащиеся могут попасть под влияние коммунистической идеологии, на них действует пример профсоюзного движения европейских стран и некоторые вступают во французские профсоюзы и компартию [198, 27.VIII.1973].

¹⁴ В ходе социологических обследований, проводившихся в промышленности Индии, было также обнаружено, что очень небольшая часть рабочих видит благоприятную перспективу в том, чтобы дети унаследовали их профессию. Так, на крупной хлопчатобумажной фабрике в Калькутте их доля составляла 29%, в Бомбее на заводах компании «Свадеш Миллз», принадлежащей концерну Тата — 12% [63, 71].

¹⁵ Любопытно, что при опросе, проведенном среди представителей городской горнолесной промышленности (заключенной, имеющей доходы, значительно превосходящие средний уровень), 80% лиц сказали, что хотят чтобы их дети получили «свободные профессии» либо добились успеха на административной службе. Лишь 5,5% опрошенных намечали для своих сыновей будущность крупных коммерсантов или предпринимателей [см. 44].

¹⁶ Фархат Хашед — лидер национального профсоюзного движения, занимавший пост председателя ВСТ с 1946 по 1952 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Подробнее об этом см. в исследовании Н. А. Иванова «Кризис французского протектората в Тунисе» [102, 69—88].

² Решение повысить минимальный размер гарантированной заработной платы в 1973 г. было новой уступкой правительства под давлением массовых выступлений трудящихся. Было объявлено также о создании постоянно действующей комиссии по определению минимума заработной платы для каждого этапа развития страны.

Произведения основоположников марксизма-ленинизма *

1. Маркс К., Капитал, т. I, — т. 23.
2. Маркс К., Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858 годов), — т. 46, ч. I.
3. Ленин В. И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности, — т. 2.
4. Ленин В. И., Развитие капитализма в России, — т. 3.
5. Ленин В. И., Капиталистический строй современного землевладения, — т. 19.

Документы и материалы международного коммунистического движения и тунисской компартии

6. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г., М., 1969.
7. Современное освободительное движение и национальная буржуазия, Прага, 1961.
8. Еппафа М., Où va la politique tunisienne de développement? — «Democratie nouvelle», 1966, №№ 7—8, 9—10.
9. Manifeste du Parti communiste tunisien. VI-e congrès national, Tunis, 1957.
10. Le point de vue du Parti communiste tunisien sur la perspective décennale de développement, Tunis, 1962.
11. Réalités algériennes et marxisme dans la guerre de libération nationale, Alger, 1962.
12. La résolution du VII-e congrès du Parti communiste tunisien, Tunis, 1962.

Тунисские официальные документы

13. Аль-иттихад аль-'ам ат-тунисий лин-шухль. Аль-мутамар аль-ватани ар-раб'a. Такир ан-нашат ан-никабий, Тунис, 1951.
14. Аль-иттихад аль-'ам ат-тунисий лин-шухль. Аль-мутамар аль-ватани ат-таси'a такир ан-нашат аль-'ам, Тунис, 1963.
15. Аль-иттихад аль-'ам ат-тунисий лин-шухль. Аль-мутамар аль-каумий ас-самин. Такир ан-нашат, Тунис, 1960.

* Труды К. Маркса даны по 2-му изд. Сочинений, труды В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

16. Muaramap al'v-masir. Al'v-muaramap ac-sabi'a lili-chiizb al'v-
ishpiarakij ad-dusturij, 1964, Tunis, 1965.
17. Taudjihat ar-panc, Tunis, 1961.
18. Xabiib Burjiba, Xitqabat, Tunis, 1961.
19. Al'v-chizb ahs-ishiarakij ad-dusturij. Al'v-mulakha al'v-kaumij
li-tasrik ahs-ishiarakij al'v-kaumij, Tunis, 1965.
20. Al'v-chizb ahs-ishiarakij ad-dusturij. Bacanik al'v-muaramap
al'v-kaumij ac-sabi'a bi Binzert, 1964, Tunis, 1964.
21. Bourguiba H. Les conditions du progrès économique et so-
cial, Stax, Tunis, [1965].
22. Bourguiba H. Entre le parti et les syndicats une communau-
té de destin, Tunis, [1965].
23. Bourguiba H. Le socialisme néo-destourien, Tunis, [1961].
24. Code du travail tunisien, Tunis, 1966.
25. Decrets des relevements des salaires, Tunis, 1972.
26. Droit du travail et de la sécurité sociale, vol. I, Tunis, 1966.
27. Motions des unions régionales des fédérations et des syndicats
généraux et nationaux — UGTT, Tunis, 1973.
28. Rapport moral du XIII congrès national — UGTT, Tunis, 1973.
29. Sixième congrès national de l'UGTT. Rapport économique, Tu-
nis, 1956.
30. Union tunisienne de l'industrie et du commerce. VIème congrès
national. Rapport économique, Tunis, 1963 [ronéo].
31. Union nationale des femmes de Tunisie. Projet de programme
social 1973—76, Monastir, 1973 [ronéo].

Источники

32. Annuaire économique de la Tunisie 1966/67, Tunis, s. d.
33. Annuaire statistique de la Tunisie 1953; 1959; 1966; 1969, Tunis.
34. Banque centrale de Tunisie. Rapport annuel, Tunis, [1963—].
35. La cellulose de Kasserine, Tunis, 1969.
36. Les comptes de la Nation 1960—1964, vol. I—III, Tunis, s. d.
37. Les conditions de vie des mineurs de la région de Gafsa, Tu-
nis, 1967 [ronéo].
38. La consommation et les dépenses des ménages en Tunisie 1965—
1968, Tunis, 1968.
39. Dix ans de promotion sociale 1956/1966, Tunis, 1966.
40. Economic Yearbook of Tunisia 1964, Tunis, s. d.
41. L'économie de la Tunisie en chiffres 1967, Tunis, 1968.
42. L'économie de la Tunisie en chiffres 1971, Tunis, 1972.
43. L'emploi en Tunisie, Enquête emploi 1964, Tunis, 1965.
44. Enquête sur les classes sociales en Tunisie, Tunis, 1967, [ru-
kopsic!].
45. Enquête sur les coopératives de production. Exercice 1964—1965,
Tunis, 1967 [ronéo].
46. Indice du coût de la vie à Tunis, Tunis, 1964.
47. L'industrie tunisienne à l'an X de l'indépendance, Tunis, 1966,
1968.
48. L'industrie tunisienne. Statistiques de base 1960—1966, Tunis,
1968.
49. Le mouvement coopératif tunisien au 1.12.1966, Tunis, 1969
[ronéo].
50. Mouvement naturel de la population 1961—1969, Tunis, 1971.
51. Note de présentation du 3-ème plan de développement économi-
que et social 1969—72, Tunis, s. d. [ronéo].
52. Perspectives décennales de développement 1962—1971, Tunis, s. d.
53. Plan de développement économique et social 1969—1972, Rapport
de synthèse, Tunis, s. d.
54. IV-e plan de développement économique et social 1973—1976,
Tunis, [1973].
55. Plan quadriennal 1965—1968, vol. I—III, Tunis, s. d.
56. Plan triennal 1962—1964, Tunis, s. d.
57. Les préconditions sociales de l'industrialisation dans la région
de Tunis, Tunis, 1968.
58. Projet de planification de l'emploi, Tunis, 1972 [ronéo].
59. Rapport sur le budget économique de l'année 1969, Tunis, s. d.
60. Rapport sur le budget économique de l'année 1970, Tunis, s. d.
61. Rapport sur le budget économique de l'année 1970, Tunis, s. d.
62. Rapport sur le budget économique de l'année 1973, Tunis, s. d.
63. Rapport d'exécution du plan pour l'année 1965, Tunis, s. d.
64. Rapport d'exécution du plan pour l'année 1967, Tunis, s. d.
65. Rapport d'exécution du plan triennal 1962—1964, Tunis, s. d.
66. Recensement des activités industrielles 1957—1960, Tunis, 1961.
67. Recensement des activités industrielles, Résultats 1968, Tunis,
1970.
68. Recensement des activités industrielles. Résultats 1970, Tunis,
1972.
69. Recensement du 1 février 1956 — Population active — Répartition
par catégorie d'activité collective *.
70. Recensement du 1 février 1956 — Répartition de la population
active par catégories socio-professionnelles *.
71. Recensement général de la population et des logements 3 mai
1966. Fas I. Population par age, sexe et état matrimonial, Tunis,
s. d.
72. Recensement général de la population et des logements 3 mai
1966. Fas III. Migration, Tunis, s. d.
73. Recensement général du 3 mai 1966. Caractéristiques économi-
ques de la population, Tunis, 1969 [ronéo].
74. Recensement général du 3 mai 1966. Population active de 15 ans
et plus suivant la catégorie d'occupation, la branche d'activité
économique et le groupe de profession *.
75. Recensement général du 3 mai 1966. Population active urbaine
et rurale de la République agée de 15 ans et plus suivant la
catégorie d'occupation et le sexe *.
76. Société tunisienne du papier alfa, Tunis, 1969.
77. Structure agraire du gouvernorat de Beja 1961—1962, Tunis,
s. d.
78. Structure agraire du gouvernorat de Bizerte 1961—1962, Tunis,
s. d.
79. Structure agraire du gouvernorat de Gafsa 1961—1962, Tunis,
s. d.
80. Structure agraire du gouvernorat de Kairouan 1961—1962, Tu-
nis, s. d.
81. Structure agraire du gouvernorat de Kasserine 1961—1962, Tu-
nis, s. d.

* Звездочкой отмечены неизданные архивные материалы тунис-
ской Службы демографической статистики.

82. Structure agraire du gouvernorat de Kef 1961—1962, Tunis, s. d.
83. Structure agraire du gouvernorat de Souk-el-Arba 1961—1962, Tunis, s. d.
84. Structure agraire du gouvernorat de Sousse 1961—1962, Tunis, s. d.
85. Structure agraire du gouvernorat de Tunis 1961—1962, Tunis, s. d.
86. Structure agricole du Cap-Bon en 1960, Tunis, s. d.
87. Structure des exploitations agricoles en Tunisie. Enquête de 1961—1962, Tunis, s. d.
88. Terre de Tunisie (Numéro spécial), Tunis, 1965.
89. Tunisian Development, Tunis, 1962.
90. L'unité de développement de Sousse, Tunis, 1963.
91. Unités régionales de développement. Gouvernorat du Kef, Tunis, 1963.
92. Unités urbaines tunisiennes, Tunis, 1971.
93. Les villes en Tunisie, Rapport préliminaire, Tunis, 1971.
94. Les villes en Tunisie, Annexe, Tunis, 1971.
95. Villes et développement, vol. I, Fonctionnement économique et système urbain, Tunis, 1973.
96. Villes et développement, vol. III, Annexe méthodologique et statistique, Tunis, 1973.
97. Villes et développement, vol. IV, Facteurs d'organisation de l'espace. Armature urbaine tunisienne. Atlas, Tunis, 1973.
98. Yearbook of Labour Statistics, 1961; 1972; 1974, Geneva.
- Исследований и монографии*
99. Викторов В. П., Экономика современной Сирии, М., 1968.
100. Гузеватый Я. Н., Проблемы народонаселения и социально-экономическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки, М., 1970.
101. Дильтенский Г. Г., Рабочий на капиталистическом предпринятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса, М., 1969.
102. Иванов Н. А., Кризис французского протектората в Тунисе, М., 1971.
103. Клещер Е., Анализ общественно-экономических структур стран третьего мира, М., 1968.
104. Кузнецова С. И., Социальная структура африканского города, М., 1972.
105. Поступова Н. Г., Алжир, М., 1959.
106. Профессионалы стран Северной и Северо-Восточной Африки, М., 1965.
107. Себа П., Тунис. Опыт монографии, М., 1953.
108. Смирнов В. П., Тунис. (Экономический очерк), М., 1962.
109. Современный Ирак, М., 1966.
110. Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс, М., 1972.
111. Формирование рабочего класса стран Азии и Африки, М., 1971.
112. Фридман Л. А., Капиталистическое развитие Египта (1882—1939), М., 1963.
113. Шабаев Б. А., Рабочий класс стран Магриба, М., 1968.
114. Николаев Ахмед, Ат-такхир ва ль-бина ал-иджтима'ий, Каир, 1968.
115. Ahmad E., Trade-Unionism,— «State and Society in Independent Africa», Washington, 1966.
116. Amrin S., L'économie du Maghreb, vol. I—II, Paris, 1966.
117. Amrin S., Le Maghreb moderne, Paris, 1970.
118. Andrain C. F., Patterns of African Socialist Thought,— «African Forum», 1966, vol. I, № 3.
119. Ardant G., La Tunisie d'aujourd'hui et de demain, Paris, 1961.
120. Area Handbook for the Republic of Tunisia, Washington, 1970.
121. L'artisanat tunisien. Etude socio-économique, Tunis, 1963.
122. Attia H., Les coopératives de polyculture et la modernisation de l'agriculture dans les régions semi-arides. Communication, colloque de géographie maghrébine, Tunis, 1967 [ironéo].
123. Aydalot P., Essai sur les problèmes de la stratégie de l'industrialisation en économie sous-développée. L'exemple tunisien, Tunis, 1968.
124. Bahroun S., La planification tunisienne, Tunis, 1968.
125. Bardini P., La vie d'un douar. Essai sur la vie rurale dans les grandes plaines de la Haute Mederda, Paris, 1965.
126. Beilng W., Modernisation and African Labour. A Tunisian Case Study, New York, 1965.
127. Ben Salem L., Développement et problème de cadres. Le cas de la Tunisie. Un exemple: les cadres supérieurs de l'économie tunisienne. Thèse, Paris, 1967 [ironéo].
128. Berque J., Le Maghreb entre deux guerres, Paris, 1962.
129. Bessis A., Marthelot P., Le territoire des Ouled sidi Ali Ben Aoun, Paris, 1956.
130. Brugues-Romieu M., Investissements industriels et développement en Tunisie, Tunis, 1966.
131. Clairmonte F., Observation on Plans, Planners and Implementations, Addis Ababa, 1968.
132. Debash C., La République Tunisienne, Paris, 1962.
133. Demetrescu A., La famille tunisienne et les temps nouveaux, Tunis, 1967.
134. Despois J., L'Afrique du Nord, Paris, 1958.
135. Despois J., La Tunisie orientale. Sahel et Basse Steppe, Paris, 1955.
136. Despois J., La Tunisie, Ses régions, Paris, 1962.
137. Le développement économique tunisien, Tunis, 1967.
138. Duwall G., Economic Development in Tunisia. The Impact and Course of Government Planning, New York, 1967.
139. Etudes de sociologie tunisienne, Tunis, 1968.
140. Genoud R., L'évolution de l'économie tunisienne, Genève, 1965.
141. Germann R., L'administration dans le système politique tunisien. — «Annuaire de l'Afrique du Nord», 1968, vol. VII, Paris, 1969.
142. Guen M., La coopération et l'Etat en Tunisie, Tunis, 1964.
143. Guen M., La Tunisie indépendante face à son économie, Paris, 1961.
144. Kalnins A., L'aide de l'état tunisien aux entreprises industrielles, Tunis, 1959.
145. Lacoste I., Ibn Khaldoun. Naissance de l'histoire passé du tiers-monde, Paris, 1966.

146. La prie P., *Les civilisations tunisiennes. Musulmans, israélites, européens. Étude de psychologie sociale*, Paris, 1898.
147. Loth G., *Le peuplement italien en Tunisie et en Algérie*, Paris, 1900.
148. Makhlouf E., *Structures agraires et modernisation de l'agriculture dans les plaines du Kef*, Tunis, 1968.
149. Meynaud I., Salah-Bey A., *Le syndicalisme africain*, Paris, 1963.
150. Micaud C. A., *Tunisia. The Politics of Modernisation*, New York — London, 1964.
151. Monchicourt Ch., *La région du Haut Tell en Tunisie*, Paris, 1913.
152. Montet H., *Le développement des classes moyennes en Tunisie. Compte rendu de la XXIX session tenue à Londre en 1955 de l'Institut international des civilisations différentes*, Bruxelles, 1956.
153. Moore C. H., *Tunisia since Independence. The Dynamics of One-Party Government*, Berkeley — Los Angeles, 1965.
154. Les niveaux de vie en Tunisie, Paris, 1958.
155. Pennec P., *Les transformations des corps de métiers de Tunis sous l'influence d'une économie externe de type capitaliste*, Thèse, Tunis, 1964 [ronéo].
156. Poncet J., *La colonisation et l'agriculture européennes en Tunisie depuis 1881*, Paris, 1962.
157. Poncet J., *Paysages et problèmes ruraux en Tunisie*, Paris, 1962.
158. Poncet J., Raymond A., *La Tunisie*, Paris, 1971.
159. Le problème de l'emploi en Tunisie, Paris, 1960.
160. Reuillet P., *L'évolution de l'industrie minière en Tunisie entre les années 1922 et 1930*, Tunis, 1931.
161. Sebag P., *Enquête sur les salariés de la région de Tunis*, Paris, 1956.
162. Sebag P., *Un faubourg de Tunis*, Saida Manoubia, Paris, 1964.
163. Social and Cultural Factors Affecting Productivity of Industrial Workers in India, Delhi, 1961.
164. Tableaux économiques du Maroc, Rabat, 1960.
165. Tiano A., *Le Maghreb entre les mythes*, Paris, 1967.
166. Zarka C., *L'économie tunisienne à l'heure de la planification impérative*, — «Annuaire de l'Afrique du Nord», vol. 1, 1962, Paris, 1963.
- Периодика*
167. «Аль-Амаль», Тунис.
168. «Ас-Сабах», Тунис.
169. «Аль-Хуррийя», Тунис.
170. «Аш-Шааб», Тунис.
171. «L'Action», Тунис.
172. «Afrique» (numéro spécial annuel «Jeune Afrique»), Paris.
173. «Bulletin économique et social de la Tunisie», Tunis.
174. «Bulletin mensuel de statistique», Tunis.
175. «Cahiers internationaux de sociologie», Paris.
176. «L.S. Cahiers de Tunisie», Tunis.
177. «Le Commerce du Levant», Beyrouth.
178. «Démocratie nouvelle», Paris.
179. «La documentation française. Notes et études documentaires», Paris.
180. «Egypte contemporaine», Caire.
181. «L'Espoir», Paris.
182. «Le Figaro», Paris.
- 182a. «France nouvelle», Paris.
183. «L'Humanité», Paris.
184. «Information économique africaine», Tunis.
185. «International Labour Review», Washington. Statistical Supplement, Geneva.
186. «International Labour Review», Statistical Supplement, Geneva.
187. «Jeune Afrique», Paris.
188. «Journal officiel de la République Tunisienne», Tunis.
189. «Maghreb», Paris.
190. «Marchés tropicaux et méditerranéens», Paris.
191. «Le Monde», Paris.
192. «Moniteur africain», Dakar.
193. «Monthly Bulletin of Statistics», Geneva.
194. «Nouvel observateur», Paris.
195. «Perspectives», Paris.
196. «Perspectives tunisiennes», Paris.
197. «Population», Paris.
198. «La Presse», Tunis.
199. «Problèmes économiques», Paris.
200. «Revue IBLA» (Institut des belles lettres arabes), Tunis.
201. «Revue tunisienne d'économie et de statistique», Tunis.
202. «Revue tunisienne des sciences sociales», Tunis.
203. «Rinascita», Roma.
204. «Statistique agricole. Informations rapides», Tunis.
205. «Les Temps modernes», Paris.
206. «Tribune du progrès», Tunis.
207. «La voie coopérative», Tunis.
208. «La voix du peuple», Tunis.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Г л а в а I. Экономическая политика и ее воздействие на формирование социально-экономических отношений	19
Экономическая роль государства; концепции и методы политики планирования	19
Экономические и социальные последствия реализации программы экономического развития	51
Г л а в а II. Основные изменения в социальной структуре тунисского населения в период независимости	82
Изменения в составе самостоятельного населения	82
Внутренняя миграция населения	101
Эволюция аграрных отношений и миграция сельского населения	105
Г л а в а III. Особенности формирования промышленного пролетариата в условиях Туниса	128
Динамика роста тунисского рабочего класса	144
Удельный вес фабрично-заводского пролетариата в армии наемного труда	148
Производственная и территориальная концентрация промышленного пролетариата	152
Квалификационный состав промышленного пролетариата	161
Удельный вес кадровых рабочих	164
Источники пополнения кадров промышленного пролетариата	169
Материальное положение тунисских рабочих. Их отношение к своему труду и социальному статусу	171
Политическая роль тунисских профсоюзов (вместо заключения)	177
Примечания	196
Литература	216
	225

Мария Федоровна Виджсова

РАБОЧИЙ КЛАСС В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ТУНИСА

Утверждено к печати Институтом стран Азии и Африки при МГУ

Редактор А. К. Соловьев. Младший редактор Н. А. Кошнева. Художник Р. И. Касаков. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор З. С. Телиякова. Корректор А. В. Шаноев

Сдано в набор 2/VIII 1974 г. Подписано к печати 19/VII 1975 г. А-12601. Формат 84Х108/32. Бум. № 1. Печ. л. 7,25 Усл. п. л. 12,18 Уч.-изд. л. 12,84 Гарнаж 1500 экз. Изд. № 3287 Зак. № 571. Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва, Центр. Армянский пер., 2

Отпечатано в типографии № 3 издательства «Наука».

Москва Б-143. Открытое шоссе, д. 28
Награждено в московской типографии № 13 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 107005, Москва, Б-5, Денисовский пер., д. 30

СО-ФОР-ОВ 11/10
105-

Цена 1 р. 20 к.